

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 2500-2783 (online)

**Серия «Естественные,
общественные науки»**

2024

Выпуск 2

ISSN 2500-2783 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Общественные, естественные науки»

Вып. 2

2024

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации
27.05.2016 г. как электронное сетевое издание

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(*председатель*)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук
Л. В. Михеева
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ, ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

Б. Я. Солон, д-р физ.-мат. наук
(*главный редактор серии*)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
Т. А. Воронова, канд. пед. наук
М. В. Клюев, д-р хим. наук
В. А. Исаев, д-р биол. наук
Д. И. Молдаванский, д-р физ.-мат. наук
Е. В. Соколов, канд. физ.-мат. наук
В. А. Годлевский, д-р техн. наук
Л. И. Минеев, канд. физ.-мат. наук
О. В. Кузьмина, канд. юрид. наук
Д. В. Кареев, канд. ист. наук

Адрес редакции:

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41.
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2024

ISSN 2500-2783 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

Issue 2

2024

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered at the National ISSN Agency of the Russian Federation
on 27.05.2016 as an electronic online publication

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbukh, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

B. Ya. Solon, Doctor of Physics and
Mathematics (Chief Editor of the Series)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology

T. A. Voronova, Candidate of Science

M. V. Klyuev, Doctor of Chemistry

V. A. Isaev, Doctor of Biology

D. I. Moldavansky, Doctor of Physics and
Mathematics

E. V. Sokolov, Candidate of Science, Physics
and Mathematics

V. A. Godlevsky, Doctor of Technical Science

L. I. Mineev, Candidate of Technical Science

O. V. Kuzmina, Candidate of Science, Law

D. V. Kareev, Candidate of Science, History

Address of the editorial office:

153025 Ivanovo region, Ivanovo,
Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41.
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© Ivanovo State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

**ВУЗОВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА И НАУКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917–1922 ГОДАХ
(в рамках 50-летия ИвГУ и 105-летия высшего образования
в Ивановской области)**

<i>Слово к читателю (Поцелуев Е. Л.)</i>	7
Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л. Высшее юридическое образование в Иваново-Вознесенске в первые годы Советской власти	8
Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. «Повороты» в истории российского юридического образования и науки: о воспитании будущих юристов на востоке страны (1918–1931 гг.)	26
Поцелуев Е. Л. И. А. Ильин в 1917–1922 годах: ученый, преподаватель, арестант и эмигрант поневоле	33
Скоробогатов А. В. Взгляды В. И. Ленина как философско-правовая основа советской юридической науки в период Гражданской войны	42
Коваль С. П. Ведущая роль Д. И. Курского в формировании и реализации концепции пролетарского права	55
Павлов В. И. Антиконтентуализм «ранней» советской теории права (на примере теоретико-правовых идей Е. Б. Пашуканиса)	66
Бернацкий Г. Г. Философия и методология права в советский период и современность	76
Мурунова А. В. Характерные черты онтогенеза правовой ментальности России от первых шагов Советской власти до современной государственности	83
Морокина А. И. Полемика отечественных юристов о влиянии революции на правоприменительную деятельность в 1917–1922 гг.	91
Скотникова М. М. Цель уголовного процесса России: взгляд Н. Н. Полянского	98
Шитов А. А. Специфика государственно-территориального устройства России в период 1917–1922 гг.	104
Коваль С. П. Основные тенденции конституционного развития Республики Казахстан	111

ПЕДАГОГИКА

Шакирова Е. В. Занятие в детском саду как отражение профессиональных ценностей и индивидуальности воспитателя	116

БИОЛОГИЯ

Баринов С. Н., Барина М. О. Анализ фауны дневных чешуекрылых (Lepidoptera) окрестностей с. Сеготь Пучежского района Ивановской области	122
Борисова Е. А., Курганов А. А. Флора, растительность и редкие виды болота Лентьевское Ивановской области	127

МАТЕМАТИКА

Гончаренко В. Е. Множество подобий сиракузским последовательностям	133

ЮБИЛЕЙ

Юбилей доктора юридических наук, доцента Марины Геннадьевны Смирновой (Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л.)	137

<i>Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»</i>	145

CONTENTS

JURISPRUDENCE

<i>A word to the reader</i> (Potseluev E. L.)	7
Kuzmina O. V., Potseluev E. L. Higher legal education in Ivanovo-Voznesensk in the first years of Soviet power	8
Zipunnikova N. N., Kalinina A. V. “Turns” in the history of Russian legal education and science: on the education of future lawyers in the east of the country (1918–1931)	26
Potseluev E. L. I. A. Ilyin in 1917–1922: scientist, teacher, prisoner and involuntary emigrant	33
Skorobogatov A. V. V. I. Lenin's ideas as a philosophical and legal basis of Soviet legal science during the Civil War	42
Koval S. P. The leading role of D. I. Kursky in the formation and implementation of the concept of proletarian law	55
Pavlov V. I. The anti-conceptualism of the «early» Soviet theory of law (on the example of the theoretical and legal ideas of E. B. Pashukanis)	66
Bernatskiy G. G. Philosophy and methodology of law in the Soviet period and modernity	76
Murunova A. V. Characteristic features of the ontogenesis of the legal mentality of Russia from the first steps of Soviet power to modern statehood	83
Morokina A. I. Polemics of domestic lawyers on the impact of the revolution on law enforcement in 1917–1922	91
Skotnikova M. M. The purpose of criminal proceedings in Russia: the view of N. N. Polyansky	98
Shitov A. A. Specifics of the state-territorial construction of Russia in the period 1917–1922	104
Koval S. P. The main trends in the constitutional development of the Republic of Kazakhstan	111

PEDAGOGY

Shakirova E. V. Kindergarten classes as a reflection of professional values and personality of a teacher	116

BIOLOGY

Barinov S. N., Barinova M. O. Analysis of the fauna of diurnal Lepidoptera (Lepidoptera) of the environs of the village of Segot of the Puchezhsky district of the Ivanovo region	122
Borisova E. A., Kurganov A. A. Flora, vegetation and rare species of the Lentievskoye bog in the Ivanovo region	127

MATHEMATICS

Goncharenko V. E. Many similarities to the Syracuse sequences	133

ANNIVERSARY

Anniversary of Doctor of Law, Associate Professor Marina Gennadievna Smirnova (Kuzmina O. V., Potseluev E. L.)	137
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	145

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Уважаемые читатели!

С 25 по 28 сентября проходила XVIII Международная междисциплинарная научная конференция «Вузовское юридическое образование, юридическая литература и наука в Советской России в 1917–1922 годах (в рамках 50-летия ИвГУ и 105-летия высшего образования в Ивановской области)». В первые два дня в формате пленарного заседания был заслушан и обсужден 21 доклад ученых из восьми городов РФ (Владимир, Воронеж, Иваново, Екатеринбург, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург), а также из Минска.

Докладчики представляли Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и 17 вузов: МГУ имени М. В. Ломоносова, МГЮА им. О. Е. Кутафина, СПбГУ, СФУ, УрГЮА им. В. Ф. Яковлева, ВШЭ (филиал в Санкт-Петербурге), Российский государственный университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ИвГУ, Академию МВД Республики Беларусь и др.

На третий день конференции работал круглый стол «Советское право в годы Великой Отечественной войны» (грант ИвГУ, руководитель проекта – доцент *Е. Л. Поцелуев*). В 2025 г. под его редакцией в издательстве ИвГУ выйдет коллективная монография на эту тему. По традиции в заключительный день конференции состоялось заседание студенческой секции.

Авторы, которые своевременно прислали свои научные статьи, правильно их оформили, представлены в этом номере журнала. Статья *О. В. Кузьминой* и *Е. Л. Поцелуева* освещает генезис высшего юридического образования в Иваново-Вознесенске, его возрождение и эволюцию. *Н. Н. Зипунникова* и *А. В. Калинина* на примере открытого в 1918 г. Иркутского университета и его юридического факультета показали особенности процесса трансформации образовательно-научной системы. *А. В. Скоробогатов* проанализировал взгляды В. И. Ленина, которые стали философско-правовой основой советской юридической науки в период Гражданской войны. *С. П. Коваль* раскрыл роль Д. И. Курского в формировании и реализации концепции пролетарского права. *В. И. Павлов* на примере меновой теории права Е. Б. Пашуканиса исследовал одна из основных тенденций советского общетеоретического правоведения – его антиконцептуализм. *Е. Л. Поцелуев* показал разные грани И. А. Ильина в 1917–1922 годах: успешная научная деятельность, нелегкая преподавательская работа, аресты, обвинения в совершении преступлений и депортация из страны. *Г. Г. Бернацкий* напомнил о вкладе в науку выдающихся ленинградских и санкт-петербургских философов, философов права, теоретиков права, социологов и социологов права и др. Он также изложил структуру, форму и т. п. научного знания, в том числе юридического. *А. В. Мурунова* рассмотрела правовой менталитет в первые годы Советской власти, исследовала способы, с помощью которых большевики создавали свою правовую систему. *М. М. Скотникова* проанализировала взгляды Н. Н. Полянского, других известных отечественных ученых на цель уголовного процесса России. *А. И. Морокина* изучила дискуссии отечественных ученых-юристов о влиянии событий 1917 года на правоприменительную деятельность. Предмет исследования *А. А. Шитова* – специфика государственно-территориального устройства России в период 1917–1922 гг.

На осень 2025 г. Е. Л. Поцелуевым запланирована XIX Международная научно-практическая конференция, посвященная правовым системам в период Второй мировой войны.

Е. Л. Поцелуев,
председатель организационного и программного
комитетов конференции, кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
конституционного права и прав человека юридического факультета ИвГУ,
Почетный работник сферы образования Российской Федерации

УДК 378(091)+908(470+571)

О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев

ВЫСШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье показаны объективные и субъективные причины учреждения Иваново-Вознесенского политехнического института (ИвПИ), подготовка в нем юристов, профессорско-преподавательский состав, учебные дисциплины, трудности в обучении студентов, политика большевиков в сфере высшего юридического образования в первые годы Советской власти. Кратко изложены биографии выдающихся московских и петербургских (петроградских) ученых-юристов, которые читали лекции и вели практические занятия со студентами социально-экономического факультета ИвПИ, получавшими юридическое образование. Названы научные публикации В. М. Гессена, В. М. Догадова, Э. Э. Понтовича и других ученых, изданные в 1917–1922 годах, в том числе в Иваново-Вознесенске и Кинешме. Часть преподавателей ИвПИ работала и в Иваново-Вознесенском педагогическом институте, в котором вела занятия по юридическим дисциплинам. Поэтому лаконично затронут и этот вопрос.

Ключевые слова: Иваново-Вознесенский политехнический институт, социально-экономический факультет, В. М. Гессен, Э. Э. Понтович, В. М. Догадов, высшее юридическое образование в 1917–1922 годах, ученые-юристы, философия права, отраслевые юридические науки и учебные дисциплины, международное право, прикладные юридические науки.

O. V. Kuzmina, E. L. Potseluev

HIGHER LEGAL EDUCATION IN IVANOVVO-VOZNESENSK IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Abstract. The article presents objective and subjective reasons for the establishment of the Ivanovo-Voznesensk Polytechnical Institute (IvPI), the training of lawyers in it, the teaching staff, academic disciplines, difficulties in teaching students, Bolshevik policy in the field of higher legal education in the early years of the Soviet power. The biographies of prominent Moscow and St. Petersburg (Petrograd) legal scholars, who gave lectures and practical classes to students of the socio-economic faculty of IvPI, who received legal education, are briefly outlined. The scientific publications of V. M. Gessen, V. M. Dogadov, E. E. Pontovich and other scientists, published both in Ivanovo-Voznesensk and Kineshma in 1917–1922, are enumerated. Some of the professors of IvPI worked also in Ivanovo-Voznesensk Pedagogical Institute, where they conducted classes on legal disciplines. Therefore, this issue is also succinctly touched upon.

Keywords: Ivanovo-Voznesensk Polytechnic Institute, socio-economic faculty, V. M. Gessen, E. E. Pontovich, V. M. Dogadov, higher legal education in 1917–1922, legal scholars, philosophy of law, branch legal sciences and academic disciplines, international law, applied legal sciences.

«Факультет юридический,
Ты не просто юрфак;
Ты несешь исторический
Просвещения стяг».

С. А. Егоров [14, с. 164]

«Эталонным образованием может быть только фундаментальное образование, главная цель которого – распространение научного знания как неотъемлемой составной мировой культуры. В его пропаганде и реализации лидирующую роль всегда занимали университеты. Именно они определяли высоту планки знаний для всей системы образования, создавая славу России. У нас – такие университеты есть, главное, чтобы их число не уменьшалось», – считает ректор МГУ имени М. В. Ломоносова, академик В. А. Садовничий [14]. По нашему мнению, это задача-минимум, задача – максимум, чтобы число эталонных классических университетов неуклонно увеличивалось. Мы имеем в виду не количественный, а качественный рост!

Истоки высшего юридического образования в Иваново-Вознесенске. В 1871 г. на карте Российской империи в результате объединения промышленного села Иваново и индустриального Вознесенского посада возник город Иваново-Вознесенск. Это был заштатный город Шуйского уезда Владимирской губернии. По итогам переписи 1897 г. его население составляло 54 тыс. человек. По этому показателю он уступал таким «соседям», как Нижний Новгород и Ярославль (как и в настоящее время), но превосходил Шую и несколько губернских городов Центрального промышленного района: Владимир, Калугу, Кострому, Рязань, Смоленск и Тверь. К началу Первой мировой войны в Иваново-Вознесенске (вместе с промышленными предметями) проживало уже более 100 тыс. человек. Эти данные приводят в 2004 г. авторы монографии «От кустарного села к индустриальному “мегаполису”» доктор исторических наук, профессор К. Е. Балдин и кандидат исторических наук Л. А. Кохова. Они утверждают, что «такие темпы в отечественной демографии почти не имели аналогов» [4, с. 4–5]. В 2023 г. К. И. Балдин называет гораздо большую цифру: он пишет, что в 1913–1914 гг. в Иваново-Вознесенске проживало около 150 тыс. человек [3, с. 6]. В любом случае, по меркам начала прошлого столетия наш город по численности населения и индустриальному развитию выделялся на карте Российской империи. Неслучайно его называли «Русский Манчестер» (о чем я сообщил в свое время английским коллегам из двух университетов Манчестера, во время общения на международной научной конференции, делал доклад о государственном суверенитете). Ученые-историки, краеведы ставят Иваново-Вознесенск на рубеже XIX–XX веков в один ряд с такими индустриальными губернскими городами, как Екатеринослав (так назывался в 1802–1926 годах, в 1926–2016 годах – Днепропетровск, позже и по настоящее время – Днепр, также Днепро. – *О. К., Е. П.*), Нижний Новгород, Рига, Харьков и другими [4, с. 249].

К 1917 г. в городе действовало два с половиной десятка начальных школ, пять средних учебных заведений (четыре гимназии и реальное училище), а также несколько профессиональных училищ. Наибольшая потребность была в инженерах для текстильных предприятий. Поэтому на III съезде Советов Иваново-Вознесенского района, который проходил под председательством

Михаила Васильевича Фрунзе, было принято решение об открытии в городе политехнического института [3, с. 7].

Первый ивановский вуз был образован на основе Рижского политехнического института (РПИ), одного из старейших технических высших учебных заведений, открытого в 1862 г. В годы Первой мировой войны этот институт в срочном порядке был эвакуирован в г. Юрьев (ныне – г. Тарту, Эстония), а затем в Москву. Здесь вуз оказался в трудной ситуации: подходящих помещений для проведения занятий не было, «студенты толком не учились, преподаватели либо сидели сложа руки, либо искали другую работу» [3, с. 7]. Поэтому студентам и профессорско-преподавательскому составу РПИ показалось весьма привлекательным предложение «красного губернатора» (председателя губернского исполкома) М. В. Фрунзе (он был еще в 1918 г. руководителем губернского комитета РКП(б)) о переезде в Иваново-Вознесенск, чтобы основать новый вуз в крупном промышленном центре [3, с. 7–8, 10].

6 августа 1918 г. вышел декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) об учреждении в Иваново-Вознесенского политехнического института (ИВПИ). Институту выделили просторное здание бывшего реального училища. 22 октября 1918 г. состоялось открытие вуза. В 1918/19 учебном году в нем начали работать шесть факультетов, в том числе социально-экономический [3, с. 8].

В 1918–1919 гг. закрываются почти все факультеты университетов РСФСР, а правовые кафедры переводятся в факультеты общественных наук (ФОНы) [5, с. 81]. Так, юридический факультет Петроградского университета «сначала влился в новый факультет общественных наук (ФОН) в качестве правового отделения; затем это отделение было преобразовано в факультет советского права, который просуществовав лишь пять лет, выделился в самостоятельный юридический институт» [6, с. 173].

В соответствии с декретом Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 21 января 1919 г. были учреждены государственные университеты в Астрахани, Костроме, Смоленске и Тамбове, а Демидовский юридический лицей в Ярославле и Педагогический институт в Самаре были преобразованы в государственные университеты. Причем, днем их открытия было указано считать день первой годовщины Октябрьской революции – 7 ноября 1918 г. [14, с. 164].

Юридическое образование в Иваново зародилось в 1918 г., когда на базе эвакуированного Рижского политехнического института был создан Иваново-Вознесенский политехнический институт (ИВПИ) и в сентябре проведен прием студентов на социально-экономический факультет [51, с. 8].

Если ученые-юристы В. В. Лазовский, С. А. Котляревский и С. В. Познышев приезжали из Москвы, А. Л. Саккетти – из Костромы и только для чтения «эпизодических курсов» [27, с. 15], то ряд их коллег состоял в штате социально-экономического факультета и проживал в Иваново-Вознесенске:

– историк права *Б. В. Александров* [27, с. 10–11];

– доктор права (1916), бывший член Конституционно-демократической партии, бывший депутат Государственной Думы второго созыва, теоретик права и государствовед, «один из самых популярных и влиятельных научных публицистов в России», переводчик трудов Рудольфа фон Иеринга и Георга Еллинека с немецкого на русский, бывший доцент Санкт-Петербургского университета, Александровского лицея, Санкт-Петербургского политехнического института, «защитник прав человека» (выражение Э. Э. Понтовича) *Валентин Матвеевич Гессен* (1868–1920) [27, с. 10–11];

– выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, кандидат юридических наук (ученая степень ему была присуждена без защиты диссертации), специалист по трудовому и гражданскому праву, преподаватель гражданского и торгово-промышленного права в ИвПИ *Василий Михайлович Догадов* (1886–1962) [27, с. 12–13];

– специалисты по финансовому праву и денежному обращению – *В. А. Мукосеев* и *С. А. Первушин* (1888–1966) [27, с. 12];

– «исследователь проблем кредитной политики советского государства и зарубежных стран», декан социально-экономического факультета *Николай Дмитриевич Силин* (1880–?) [27, с. 12];

– выпускник Санкт-Петербургского университета, бывший адвокат *Л. А. Соболев* [54, с. 203].

Логично, что такие ученые, как В. М. Гессен, В. М. Догадов, приехавшие в Иваново-Вознесенск из Петрограда, учитывая расстояние между ними и время в пути, проживали все время работы на социально-экономическом факультете в нашем городе.

В 1917–1922 гг. вышеназванные ученые опубликовали ряд своих работ: В. М. Гессен «Основы конституционного строя» (Пг., 1917), В. М. Догадов «Предприятие как объект оборота» (Иваново-Вознесенск, 1921), Н. Д. Силин «Обесценение денег» (Пг., 1917), причем одна из них была издана в нашем городе.

По оценке современного российского ученого, доктора юридических наук, профессора К. С. Бельского, В. М. Гессен был одним «из самых крупных правоведов России», который поднял на «известную научную высоту учение о правовом государстве, науке государственного права», внес «огромный вклад в развитие науки административного и международного права» [5, с. 79]. Действительно, это был незаурядный, талантливый человек, волею судьбы навсегда связанный с нашим городом.

Владимир Матвеевич Гессен родился 2 апреля 1868 года. В 1891 году он окончил юридический факультет Новороссийского университета (Одесса), а затем в течение двух лет слушал лекции Г. Еллинека, П. Лабанда, К. Фишера и других крупных ученых в университетах Германии и Франции. Затем он читал лекции по государственному праву в Санкт-Петербургском университете и Александровской военно-юридической академии, а также лекции в Санкт-Петербургском политехническом институте, на Высших женских (Бестужевских) курсах и в Александровском лицее. Он один из основателей юридического еженедельника «Право» и член редколлегии журнала «Вестник права», редактор юридического отдела Большой энциклопедии, автор статей в газетах «Речь» и «Русские ведомости», журналов «Северный вестник», «Русское богатство» и «Вестник Европы», один из основателей партии кадетов, член Центрального Комитета этой партии, член II Государственной Думы, автор законопроектов многих научных работ [5, с. 79–80].

В 1911 году В. М. Гессен опубликовал сборник стихов «Желтые листья», о котором с похвалой отозвался Александр Блок. «Эти стихи меланхоличны по настрою и сочетают философский лиризм с музыкальностью формы» [5, с. 80].

«Гессен, как и все члены партии кадетов, приветствовал в феврале 1917 г. падение монархии...». Весной 1917 г. он защищает диссертацию в Московском университете по основам конституционного права и в том же году издает ее в виде книги. «Основы конституционного права» – **одна из**

лучших работ в русской и европейской государственноведческой литературе (выделено нами. – *О. К., Е. П.*), в которой основательно и глубоко излагаются основы правового государства и теория конституционного права», – пишет профессор К. С. Бельский. А «заключительным аккордом в труде была анафема ленинской идее диктатуры пролетариата» [5, с. 80–81]. В 1918 г. его книга «Основы конституционного права» была переиздана, но уже без выпадов в сторону Советской власти. В Петрограде, Москве и других крупных городах возникли трудности с продовольствием [5, с. 81].

Заслуживают внимания и в настоящее время гессеновское понимание правового государства в вышеуказанном сочинении. Он считал, что им такое государство, которое в своей деятельности и в реализации функций «ограничено и связано положительным правом» [5, с. 82]. Под положительным правом ученый имеет в виду позитивное право, т. е. действующее в данной стране. Можем добавить, что вся деятельность государства и его органов, реализация внутренней и внешней функций должна происходить на основе норм и принципов права.

В этой книге он отмечает, что ограничение власти государства, связанность его правом возможны лишь в условиях разделения властей. По мнению ученого, в правовом государстве «все участники государственного общения равны друг другу. Каждый из них имеет одинаковое право на власть» [5, с. 82]. Конечно, оптимальный вариант демократической модели, когда все совершеннолетние индивиды ежедневно принимают участие в управлении государственными делами, но это нереально даже в мини-государствах, поэтому и существует представительная демократия и плебисцитарная демократия. Безусловно, избирать и быть избранными имеют право все совершеннолетние граждане, за исключением тех, кто отбывает наказание за преступление в местах лишения свободы.

По В. М. Гессену, для установления правового государства необходимо последовательное и строгое осуществление «начала подзаконности правительственной власти» [5, с. 82]. Ученый прав: одного принципа разделения властей мало для построения правового государства, еще должна быть еще система сдержек и противовесов трех ветвей власти; исполнительная власть принимает лишь подзаконные нормативные правовые акты и в этом смысле она подзаконна и в том, что все обязаны следовать нормам законов, которые по юридической силе выше соответствующих подзаконных нормативных правовых актов. Кроме того, считается, что в правовом государстве должны быть такие принципы, как верховенство права (или верховенство правового закона). Закрепление прав и свобод человека и гражданина, их гарантированность и др. А развитое гражданское общество – это условие построения правового государства.

В июле 1918 года В. М. Гессена вызывает на беседу председатель Петроградской Чрезвычайной Комиссии М. С. Урицкий, выпускник юридического факультета Императорского Киевского университета имени святого Владимира. О чем говорили два дипломированных юриста, неизвестно. К. С. Бельский предполагает, что Урицкий посоветовал Гессену уехать в провинцию. Так в 1919 году В. М. Гессен оказался в Иваново-Вознесенске и стал преподавателем социально-экономического факультета ИвПИ [5, с. 81].

Как мы уже констатировали, В. М. Гессен и в те трудные, тяжелые, сложные, голодные, опасные для него годы продолжал плодотворную научную деятельность. Об этом говорят опубликованные им произведения. Это

подтверждают и его современники. Известный русский государствовед Б. Э. Нольде в эмиграции вспоминал о В. М. Гессене следующее: «Даже при большевиках, когда у огромного большинства петербургских профессоров элементарная борьба за пищу и топливо подкашивала всякую возможность думать о знании, Владимир Матвеевич неустанно продолжал работу по истории возникновения современного конституционного государства, и я хорошо помню, как однажды, встретив его на улице с классическим мешком картофеля, и пройдя с ним, как полагалось, пешком, – от одного конца города в другой, я прослушал его, полный совсем научной молодой мысли, рассказ о том, что дает для истории политических учреждений Запада внимательное изучение Пуффендорфа, которого он всегда считал одним из гениальнейших политических теоретиков» [5, с. 81].

В. М. Гессен вместе с сыном поехали из Иваново-Вознесенска в Н. Новгород к другому сыну ученого, оба дорогой заразились, сыновья выздоровели, а отец умер [Бельский, с. 81]. В. М. Гессен был похоронен в церковной ограде Воздвиженской церкви Иваново-Вознесенска на Георгиевской площади (в настоящее время – это площадь Революции), но по решению Ивановского облисполкома эта церковь, Крестовоздвиженская церковь и Федоровская часовня были снесены, а могилы были срыты. В XXI веке там построен (восстановлен) храм – часовня в честь Федоровской иконы Божией Матери [27, с. 12].

«На службу русской юриспруденции, русской культуры Гессен отдал свой выдающийся талант и все свои жизненные силы. Он жил в интересное, но и трагическое время. Смута 1917–1920 гг. сделала свое материальное и нравственное опустошение. Судьбоносные события распорядились так, что с закрытием юридических факультетов в 1919 г. и смертью В. М. Гессена в 1920 г. закончился Ренессанс русской юриспруденции...», – такой вывод делает К. С. Бельский [5, с. 81]. Полагаем, что относительно даты – это спорное утверждение: мы бы назвали финишной чертой Ренессанса для Советской России – осень 1922 года, высылку ученых, в том числе правоведов из нашей страны. Думаем, что Ренессанс они продлили, но уже в изгнании, эмиграции.

Эдуард Эдуардович Понтович (26 августа 1886–1941 гг.) в 1911 г. окончил юридический и философский факультеты Санкт-Петербургского университета. В период учебы в Университете и в последующие годы подвергался репрессиям, так как активно участвовал в революционном движении [70, с. 608].

Преподавал в Рижском политехническом институте и вместе с ним в 1915 г. переехал в Москву, а в 1918 г. – в Иваново-Вознесенск. Занимал должность заместителя декана социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института, преподавал в нем бюджетное и финансовое право [70, с. 608].

22 июля 1918 г. на заседании отдела школьной политики Народного комиссариата просвещения было удовлетворено ходатайство Иваново-Вознесенского отдела по народному образованию об открытии учительского института [3, с. 10]. Занятия в нем начались 16 января 1919 г. Профессор Э. Э. Понтович на социально-историческом факультете этого вуза вел у студентов государствоведение. «За кафедрой работал артистически, прекрасно владел языком и обладал приятной дикцией» [3, с. 34].

В 1922 г. вуз был преобразован в Педагогический институт народного образования (ПИНО). В связи с этой реорганизацией на 50 % были сокращены тарифы оплаты труда. По этой причине большинство приезжих московских ученых прекратило работу в пединституте и уехало в Москву, в том числе Д. М. Петрушевский, Э. Э. Понтович, Д. М. Силин [3, с. 50, 589].

По нашим подсчетам, к 1918 г. Э. Э. Понтович был автором более десятка научных работ [27, с. 9–10]. В 1923 г. переехал в Москву (по данным доктора исторических наук, профессора, известного ивановского краеведа К. Е. Балдина – в 1922 г.), преподавал в Институте народного хозяйства, затем трудился консультантом в аппарате ВЦИК СССР (1925–1935). В 1936 г. перешел на работу в Книжную палату, в 1936 г. репрессирован, сослан в г. Туртукуль (Узбекистан), а затем в Магадан [70, с. 608].

Сферой научных интересов Э. Э. Понтовича были проблемы философии и общей теории государства и права. Его интересовали также вопросы конституционного и финансового права. Несколько его основных работ были опубликованы в 1917–1921 годах: «Выборы в Учредительное собрание по системе пропорционального представительства» (Пг., 1917), «Положение о выборах в Учредительное собрание» (в соавт.) (Пг., 1917), «Учредительное собрание» (Пг., 1917), «Непосредственное народное творчество и организация местного самоуправления» (1917), «Основы конституционного права» (2-е изд. Пг, 1918), «Развитие конституции и учредительной власти» (Пг., 1918), «Философия права» (Кинешма, 1919), «Проблемы государственной власти. Философско-правовые этюды». Ч. I–V (Пг., 1919, 1921) [27, с. 9–10; 70, с. 608]. Соавтором был Я. М. Магазинер и это была не брошюра, а текст закона и анализ его – объем издания 320 с. Можно утверждать, что период 1917–1921 годов, в том числе время его пребывания в Иваново-Вознесенске, был довольно продуктивным в научном плане для Э. Э. Понтовича.

Э. Э. Понтович считал необходимым, чтобы все, кто способен вести хотя бы «самую скромную работу на ниве русского правосознания, должен вести ее, хотя бы они и чувствовали слабость сил по сравнению с огромностью стоящей перед ними задачи» [70, с. 608].

Василий Михайлович Догадов (21 мая 1886 – 10 июня 1962) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. В 1911 г. он окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета с дипломом I степени и был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре гражданского права и судопроизводства. В 1917–1918 гг. он сдал все установленные испытания на степень магистра гражданского права. В 1917 г. степень кандидата юридических наук была присуждена без защиты диссертации [54, с. 200–202; 68, с. 253]. В 1917 г. его избирают лектором Петроградского Народного университета имени Лутугина. С 1915 по 1919 г. он был преподавателем законоведения, политической экономии и социологии в Коммерческом училище, с 1918 г. – приват-доцентом юридического факультета Петроградского университета [54, с. 202].

Последующие три года жизни Догадова (1919–1922) связаны с социально-экономическим факультетом ИвПИ. Переговоры с В. М. Догадовым о его новом месте работы вел ученик В. М. Гессена Э. Э. Понтович (в ГАИО сохранилась переписка Догадова и Гессена). В письме от 8 апреля 1919 г. В. М. Догадов просил факультет о «замещении Кафедры рабочего права или же какой-либо иной из вакантных кафедр частного права...». Поскольку Э. Э. Понтович сообщил о преждевременности этой дисциплины на младших

курсах вновь образованного факультета, то В. М. Догадов в письме от 26 апреля 1919 г. соглашается вести курс гражданского права. Вместе с этим письмом пришел отзыв профессора I Петроградского Университета и декана III Петроградского Университета М. Я. Пергамента, к которому присоединился профессор этих двух вузов Д. Д. Grimm. В нем была дана высокая оценка научных и педагогических талантов Догадова. Во-первых, в ней Догадов называется преподавателем (ассистентом) I Петроградского Государственного Университета (все три слова с заглавной буквы). Во-вторых, отмечено, что он «способный и сведущий специалист в области цивилистических наук», «прошел хорошую научную школу» и его немногочисленные и небольшие по объему печатные работы заслуживают «полного одобрения». В-третьих, дается позитивная оценка его лекторскому таланту и умению руководить практическими занятиями. В-четвертых, констатируется достоинство с общественно-этической стороны. Закономерно, что 10 мая 1919 г. его избирают экстраординарным профессором ИВПИ по кафедре гражданского права. 19 июня 1919 г. он вместе с супругой Верой Михайловной и двумя его малолетними племянниками – Александром и Юрием Оболдуевыми приезжает к новому месту жительства [54, с. 203, 206]. В-пятых, *Давид Давидович Grimm* (23 января 1864 – 29 июля 1941) [79, с. 51–52] и *Михаил Яковлевич Пергамент* (1866–1932) [79, с. 121–122] справедливо включены доктором юридических наук, судьей Верховного Суда РФ О. Ю. Шиловым в книгу «Русские цивилисты: середина XVIII – начало XX в.» вместе с 250 другими учеными, преподавателями, судьями, адвокатами, государственными и общественными деятелями, внесшими «заметный вклад в отечественное гражданское право на этапах зарождения, становления и наиболее стремительного развития» [79, с. 2].

Часть преподавателей Педагогического вуза – совместители, основное место их работы – московские институты. Профессора Иваново-Вознесенского политехнического института А. М. Гурвич, А. А. Кизеветтер, С. А. Котляревский и М. С. Фельдштейн приезжали на работу из Москвы [27, с. 13]. Для них два раза в неделю к московскому поезду прикрепляли так называемый профессорский вагон повышенной комфортности. Билеты в него продавали только этим преподавателям. Вагон стоял на запасных путях возле железнодорожного вокзала. Здесь в купе и жили профессора пединститута вместе с преподавателями политехнического института. Деньги на проезд и проживание включались в смету вузов [3, с. 28]. Профессор А. Л. Саккетти приезжал в Иваново из Костромы [27, с. 13]. По сути, работали вахтовым методом.

Расскажем кратко об этих персонах. *А. М. Гурвич* – историк, публицист, видный деятель партии кадетов, депутат Государственной Думы Второго созыва. *Александр Александрович Кизеветтер* – специалист по истории зарубежного государства и права, государствовед. С. А. Котляревский читал лекции в ИВПИ по истории международных отношений.

Сергей Андреевич Котляревский (23 июля 1873 – 15 апреля 1939) – профессор, доктор юридических наук, выпускник историко-филологического факультета Императорского Московского университета, приват – доцент по кафедре всеобщей истории этого вуза, член ЦК партии кадетов, депутат Государственной Думы первого созыва, осужден за знаменитое Выборгское воззвание, автор научных работ по всеобщей истории и по государственно-правовым наукам, доктор государственного права (1910), ординарный

профессор по кафедре государственного права Московского университета (1911), товарищ (заместитель) министра в Министерстве исповеданий (1917) [78, с. 389–392].

С 1918 г. Котляревский был членом ряда подпольных организаций, а в феврале 1920 г. привлекался по делу «Тактического центра» и был приговорен к условному заключению на пять лет. После окончания процесса сделал заявление о своем положительном отношении к власти и стал юрисконсультом Наркомата юстиции РСФСР. С. А. Котляревский продолжил выступления с докладами в Вольной академии духовной культуры, а в 1920–1921 гг. – преподавание государственного права для студентов факультета общественных наук, истории международных отношений и истории политических и правовых идей Средних веков и Нового времени – студентам юридического отделения ФОНа [78, с. 392].

«В начале 20-х годов научные интересы С. А. Котляревского сосредоточились в области истории международных отношений последнего десятилетия». В 1922 г. в Москве вышли в свет две его работы – «Развитие международных отношений в новейшее время» и «Австро-Венгрия в годы мировой войны». Лояльность к Советской власти и советскому государству не помогла ученому: 17 апреля 1938 г. он был арестован, 14 апреля 1939 г. по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционных организациях был приговорен к смертной казни и на следующий день расстрелян. В 1956 г. реабилитирован [78, с. 392]. О его взглядах на власть, о назначении правового государства рассказывают современные ученые на страницах учебника «История политических и правовых учений» [11, с. 592–593] и отмечают, например, что проблема власти представлена С. А. Котляревским «в лучших традициях отечественного правоведения», «во всем многообразии существующих в литературе подходов» [11, с. 593].

Николай Николаевич Полянский. «После октябрьской революции Н. Н. Полянский читает лекции во многих высших учебных заведениях нашей страны, одновременно ведя плодотворную научно-исследовательскую работу» [7, с. 166]. Ученый трудился некоторое время и в Иваново-Вознесенске.

Сергей Викторович Познышев (1870–1942) – «выдающийся русский юрист, психолог, профессор Императорского Московского университета, Государственного Московского психоневрологического института и Международной академии наук в Тулузе, чьи труды оказали существенное влияние на развитие российской юридической науки и психологии в XX в.», член Русской группы международного союза уголовного права при Юридическом обществе при Московском университете, участник конгрессов Международного союза криминалистов. Такую оценку дают С. В. Познышеву в 2007 г. советский и российский криминолог, экс-глава российского бюро Интерпола, экс-советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор в отставке, заслуженный юрист РФ, советник Министра внутренних дел РФ, постоянный член Изборского клуба, доктор юридических наук В. С. Овчинский и его соавтор – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель Председателя Следственного Комитета Российской Федерации и по совместительству – ведущий научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации А. В. Федоров [31, с. V].

С. В. Познышев говорил в первые годы после Октябрьской революции: «Я не марксист. Я им никогда и не буду». У него было идеалистическое мировоззрение и он отрицательно относился к материалистической диалектике. Но он лояльно относился к Советской власти и много помогал сотрудникам Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР своими консультациями по сложным правовым вопросам. В 1922 г. Наркомат привлек С. В. Познышева в комиссию по составлению проекта Уголовного кодекса РСФСР, и он принес там немалую пользу. С. В. Познышев также принимал участие в комиссии при Малом Совнаркоме по рассмотрению проекта УК РСФСР [31, с. VI].

В 1917–1922 гг. С. В. Познышев опубликовал, как минимум три свои работы – «Учение о наказании» в 1917 г. [40] и две статьи «К учению о личности и характере» [38] и «Чезаре Ломброзо и его учение о прирожденном преступнике» [39] в 1922 г. в «Журнале психологии, неврологии и психиатрии».

Известный советский юрист Б. С. Утевский писал в своих воспоминаниях, что С. В. Познышев был профессором Московского университета до декабря 1918 г. В. С. Овчинников и А. В. Федоров обнаружили, что это не совсем так: с декабря 1918 г. по январь 1930 г. С. В. Познышев был заведующим отделом общественных наук и права Государственного Румянцевского музея, в дальнейшем – это Всесоюзная государственная публичная библиотека имени В. И. Ленина (ВГБИЛ) [31, с. VI, примеч.]. Констатируем, что о работе ученого ИВПИ в материале Овчинникова и Федорова даже не упоминается, что, пожалуй, характерно для научных работ ряда современных московских ученых, посвященных интеллектуальным биографиям известных столичных корифеев дореволюционной и советской юридической науки. Благодаря публикациям Г. В. Савенко и А. М. Семеновича, а также О. В. Кузьминой и Е. Л. Поцелуева об истории высшего юридического образования в Ивановской губернии на страницах известного юридического журнала «Известия вузов, Правоведение», который готовится преподавателями юридического факультета СПбГУ, санкт-петербургские коллеги и все читатели журнала помнят о работе выпускников и преподавателей Императорского Петербургского университета и Петроградского университета в других городах страны, в том числе и в Иваново-Вознесенске.

У С. В. Познышева был широкий круг научных интересов: криминология, юридическая психология, уголовное право, уголовный процесс и пенитенциарное право [31, с. V], поэтому и в советское время, и особенно постсоветский период его творческое наследие востребовано и высоко оценено ведущими отечественными учеными в области материального и процессуального права, криминалистики и криминологии, а также юридической психологии. Так, известный специалист в области криминологии, психиатрии и юридической психологии, доктор юридических наук, профессор, полковник милиции, заслуженный деятель науки РСФСР Ю. М. Антонян пишет в 2004 г., что работы С. В. Познышева, в том числе написанные и опубликованные в первые годы Советской власти и в настоящее время могут считаться образцами криминологического исследования) [31, с. IX].

«Имя С. В. Познышева находится в одном ряду с такими выдающимися учеными, творившими на рубеже XIX–XX вв., как Чезаре Ломброзо, Франц фон Лист, Габриель де Тард, А. А. Дриль, Энрико Ферри, М. Н. Гернет. Работы С. В. Познышева продолжают являться фундаментом не только для криминологов, но и для изучающих уголовное и уголовно-исполнительное право, уголовный процесс и юридическую психологию», – делаю вывод

В. С. Овчинников и А. В. Федоров [31, с. IX]. По крайней мере, о С. В. Познышеве и его взглядах помнят авторы современных российских учебников по криминологии, уголовному праву и процессу, юридической психологии, а его научные труды советского периода переиздаются в Российской Федерации, поэтому определенные основания для подобного умозаключения существуют.

Александр Ливериевич Саккетти (1881–1966) – выпускник юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета в 1908 г. (диплом I-й степени, его учителем был Максим Максимович Ковалевский), стажировавшийся в Германии, в 1914–1918 гг. – приват-доцент по кафедре государственного права, кандидат исторических наук Г. В. Савенко утверждает, что с 1914 г. Саккетти был приват-доцентом кафедры общей теории и энциклопедии права Петроградского университета; (интересная деталь: отец Саккетти был профессором консерватории в Санкт-Петербурге), в 1918 г. – профессор кафедры государственного права Петроградского университета. В 1918 г. он переехал в Самару, потом в Кострому, где трудился с ноября 1918 г. в Костромском государственном рабоче-крестьянском университете, был там ученым секретарем, затем деканом гуманитарного факультета, проректором этого вуза (1920–1921), а несколько позже – членом совета Костромского педагогического института. С 4 ноября 1921 г. до 14 января 1922 г., то есть всего один семестр, он экстраординарный профессор кафедры международного права Иваново-Вознесенского политехнического института, читал лекции по международному праву студентам 3 курса. С 1923 г. работает в НКЮ. К преподавательской деятельности вернулся лишь в 1942 г.: в МГУ и Всесоюзном институте юридических наук [53, с. 232–241]. Саккетти – специалист в области истории политических и правовых учений, автор работ о философском наследии И. С. Пересветова и Г. Гроция. В 1956 г. ученый защитил кандидатскую диссертацию «Политическая программа Ивана Семёновича Пересветова». И. С. Пересветов – «передовой русский писатель-публицист» (вел свою родословную от героя Куликовской битвы Пересвета) [1, с. 76], «выдающийся представитель общественно-политической мысли середины XVI века», «идеолог самодержавия» по оценке по оценке В. П. Малахова [19, с. 168], современник Ивана Грозного, его сочинения опубликованы. Ключевые категории теории Пересветова – это «правда» и «вера» [2, с. 41–43]. И. С. Пересветов в своих сочинениях и челобитных монарху предложил «широкую программу политико-юридических преобразований». В течение ближайших 50 лет практически все его предложения были реализованы: наместничество отменено и заменено сословным самоуправлением, армия реформирована, принят новый Судебник (Царский Судебник 1550 г.) [15, с. 89, 102].

Современные российские исследователи при анализе концепции международного права Гуго Гроция обращаются к работам А. А. Саккетти [36, с. 121], к переводу А. Л. Саккетти книги Г. Гроция «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права» (М.: Ладомир, 1994) [36, с. 51]. Саккетти называет Гроция «отцом международного права» [36, с. 121], и этот титул, это выражение мы используем до сих пор. Имеется в виду не отец международного права, а отец науки международного права.

Прекращение подготовки юристов в Иваново-Вознесенске. В апреле 1922 г. социально-экономический факультет был закрыт, часть студентов

была переведена в Московский коммерческий институт, 22 выпускника получили диплом о высшем образовании [55, с. 34–40]. Первый период в истории высшего юридического образования (октябрь 1918 – апрель 1922) был завершен: результаты по подготовке дипломированных специалистов в количественном плане были скромные, но работа в Иваново-Вознесенске позволила московским и петроградским вузовским преподавателям продолжить научно-педагогическую деятельность, получать оплату своего труда, содержать себя и свои семьи, а, возможно, некоторых, таких, например, как В. М. Гессен, уберегла от уголовного преследования в годы гражданской войны. Имена выдающихся отечественных мыслителей, ученых-юристов навсегда вошли в историю нашего высшего образования, правовой науки и региона.

Ивановский факультет ВЮЗИ. В высшем юридическом образовании на ивановской земле наступил перерыв примерно в 30 лет. С 1951 г. в Иваново функционировал факультет Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ, в настоящее время в здании Ивановского филиала ВЮЗИ находится Ивановская межрайонная прокуратура) [51, с. 12; 52, с. 83], преподаватели которого и составили ядро профессорско-преподавательского состава юридического факультета ИвГУ.

Университетское юридическое образование (юридический факультет ИвГУ): возникновение и современное состояние (краткая информация). 29 декабря 1973 г. Совет министров СССР принял Постановление № 942 «Об организации в г. Иваново Государственного университета» в 1974 г. на базе Ивановского педагогического института [64, с. 6]. Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР утвердило структуру ИвГУ, куда вошел юридический факультет с дневным и заочным отделениями [24, с. 105–116; 25, с. 96–98; 26, с. 4–9]. В XXI столетии на юридическом факультета велась подготовка бакалавров по очно-заочной форме обучения, но в связи с небольшим приемом (от пяти-шести до 25–30 человек) и большим отсевом (заканчивали обучение и получали диплом по пять-шесть человек, а в перспективе – еще меньше), то прием на вечернее отделение прекращен. В последние годы не производится прием по заочной формы обучения (бакалавриат). С переходом на двухуровневую систему образования сохраняется бакалавриат (руководитель образовательной программы «Юриспруденция», направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, первый проректор ИвГУ О. В. Кузьмина) и магистратура. В прежние времена были две магистерские программы по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»:

– «Социальное государство: проблемы теории и практики», ею руководила доктор юридических наук, профессор О. В. Родионова, а затем доктор юридических наук, доцент, адвокат М. Г. Смирнова, Санкт-Петербург; – «Защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц как участников гражданских правоотношений» – руководитель доктор юридических наук, профессор А. И. Бибииков.

В настоящее время по направлению подготовки 40.04.01 реализуется образовательная программа «Юрист в сфере правоприменения и правотворчества» – руководитель кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права, сравнительного правоведения и правотворчества Е. А. Петрова).

Выводы.

Во-первых, для учреждения высших учебных заведений в Иваново-Вознесенске были объективные потребности: необходимость в инженерах для текстильных предприятий и учителей для начальных и средних учебных заведений. Немалое наличие последних мы отнесем к предпосылкам возникновения высшей школы в нашем регионе: было необходимое количество потенциальных студентов.

Во-вторых, зарождению высшего образования в нашей губернии способствовали социальные катаклизмы: Первая мировая война, революции 1917 года, особенно, конечно, приход к власти большевиков. Как известно, в период Первой мировой войны Рижский политехнический институт был эвакуирован в Москву, а из-за революционных событий в 1917 году, а затем и гражданской войны учебный процесс в эти годы фактически был сорван, поэтому часть студентов и преподавателей вместе с оборудованием и библиотекой переехала в Иваново-Вознесенск. Из-за трудностей с продовольствием в Петрограде и Москве, из-за уголовного преследования или угрозы этого либеральные (основатели партии кадетов, члены ЦК этой политической организации и др.) были вынуждены перемещаться в Иваново-Вознесенск, Кострому и другие провинциальные города. Но переезд на работу в губернские города, видимо, по бытовым, социально-экономическим и иным причинам и преподаватели – участники революционного движения.

В-третьих, нужно отметить желание, настойчивость, упорство руководителей разного ранга в Иваново-Вознесенске для открытия двух вузов в губернском центре, и особая заслуга в этом принадлежала М. В. Фрунзе и Д. А. Фурманову.

В-четвертых, благодаря вышеуказанным причинам, факторам в вузах Иваново-Вознесенска преподавали состоявшиеся ученые: в первую очередь, В. М. Гессен (депутат Государственной Думы Второго созыва), С. А. Котляревский (депутат Государственной Думы Первого созыва), а также В. М. Догатов, Э. Э. Понтович, А. М. Гурвич (депутат Государственной Думы Второго созыва) и другие – это в основном бывшие преподаватели императорских университетов Москвы и Петрограда, причем часть из была государственными, политическими и общественными деятелями.

В-пятых, подготовка юристов велась в Иваново-Вознесенске, к сожалению, всего три с половиной года (сентябрь 1918 – апрель 1922), а затем наступил перерыв в этом важном деле более чем на тридцать лет.

В-шестых, по нашему мнению, существует ложное представление, что в период революций 1917 года и Гражданской войны научная жизнь чуть ли не прекратилась или замерла. Конечно, это был трагический период в истории нашей страны: некоторые ученые (монархисты) были взяты в заложники и расстреляны в интересующий нас период или в 30-е годы, другие не занимались научной деятельностью из-за голода, бытовых проблем, кого-то уволили из вузов по идеологическим причинам (часть юридической литературы, опубликованной в Российской империи – это были курсы лекций, прочитанные в высших и иных учебных заведениях), третьи эмигрировали из страны, но четвертые читали лекции, публиковали статьи и книги, защищали диссертации (особенно в 1917 г.), т. е. работали довольно продуктивно. Это можно объяснить тем, что юридическое образование они получили в императорских университетах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Одессы; под руководством известных ученых-юристов занимались наукой в студенческие годы,

а после успешного окончания университета ряд из них стажировался в лучших университетах Германии, Франции и других европейских стран, слушали лекции знаменитых профессоров, что и позволило реализовать свои знания, способности и таланты в советский период своей интеллектуальной биографии, в том числе в Иваново-Вознесенске.

В-седьмых, книги таких преподавателей Иваново-Вознесенского политехнического института, как В. М. Гессен, С. А. Котляревский, В. С. Познышев переизданы в постсоветский период, им посвящаются научные статьи в ведущих юридических журналах нашей страны («Государство и право», «Известия вузов. Правоведение») и ивановских изданиях, монографии (о Б. И. Сыромятникове), кандидатские диссертации (о В. М. Гессене и С. А. Котляревском). Их имена, биографии и труды нашли отражение в современных юридических словарях, энциклопедиях, антологиях, хрестоматиях и т. п. Память о некоторых исследователях (об Н. Н. Полянском, А. Л. Саккетти), работавших в Иванове и других городах, сохранялась в виде некрологов, научных статей и в советский период. Современную научную юридическую общественность России интересуют взгляды предшественников на власть, суверенитет, теории избирательного права, государственность, их учение о государстве, политико-правовые теории, неизвестные научной общественности страницы биографии и документы. Однако, были те, кого вычеркнули из истории отечественной юридической науки на несколько десятков лет, как врагов народа. В постсоветской период справедливость в их отношении восстановлена.

Библиографический список

1. *Азаркин Н. М.* История юридической мысли России: курс лекций. М.: Юрид. лит, 1999. 528 с.
2. *Антонов М. В.* История правовой мысли России. Конспект лекций. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – С.-Петербург, 2012. 212 с.
3. *Балдин К. Е.* Ивановский государственный университет: очерки истории (1918–2023). 2-е изд., испр., доп. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2023. 628 с.
4. *Балдин К. Е., Кохова Л. А.* От кустарного села к индустриальному «мегаполису». Иваново: Новая Ивановская газета, 2004. 250 с.
5. *Бельский К. С.* Ученый-административист и поэт серебряного века (К 140-летию со дня рождения проф. В. М. Гессена) // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 1. С. 79–87.
6. *Бутенко Ю. В., Полянский Ф. М.* История кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета // Известия вузов. Правоведение. 2005. № 2. С. 168–179.
7. *Вся жизнь – служение науке* (К 80-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки, профессора Н. Н. Полянского) // Правоведение. 1958. № 2. С. 166.
8. *Гессен В. М.* Основы конституционного права. Пг.: издание Юрид. книжного склада «Право», 1917. VIII. 439 с.
9. *Гессен В. М.* Основы конституционного права. 2-е изд. Пг.: издание Юрид. книжного склада «Право», типо-литография товарищества А. Ф. Маркс, 1918.
10. *Гессен В. М.* Основы конституционного права / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М.: РОССПЭН., 2010. 496 с.
11. *Графский В. Г.* Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – первой половине XX в. // История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: ИНФРА-М-КОДЕКС, 1995. С. 554–619

12. *Догадов В. М.* Предприятие как объект оборота. Иваново-Вознесенск: Первая гос. типография, 1921.
13. *Дурновцев В. И., Тихонов В. В.* Жизнь и труды Б. И. Сыромятникова. М.: Канон Плюс РОИ «Реабилитация», 2012. 480 с.
14. *Егоров С. А., Лушников А. М.* По ленинскому декрету (1918–1924 гг.) // Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 164–195.
15. *Золотухина Н. М.* Политическая программа И. С. Пересветова // Исаев И. А., Золотухина Н. М. Истрия политических и правовых учений России XI–XX вв. М.: Юристъ, 1995. С. 89–102.
16. Ивановский государственный университет. 1973–1998. Иваново, 1998.
17. *Илюшин В. А.* Учение В. М. Гессена о естественном праве // Известия вузов. Правоведение. 2003. № 1. С. 252–259.
18. *Илюшин В. А.* Юридическая концепция В. М. Гессена: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 231 с.
19. История политических и правовых учений: хрестоматия / под ред. канд. филос. наук В. П. Малахова. М.: Академический Проект, 2000. 414 с.
20. *Каминская В. И.* Николай Николаевич Полянский (1878–1961) // Известия вузов. Правоведение. 1977. № 3. С. 91–98.
21. *Корнеева Н. В.* Теоретико-правовые взгляды В. М. Гессена на историческую эволюцию науки государственного права // История государства и права. 2007. № 13.
22. *Котляревский С. А.* Австро-Венгрия в годы мировой войны. М.: Гос. изд-во, 1922. 110 с.
23. *Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического образа. СПб.: Издание Г. Ф. Львовича, 1917. 250 с.
24. *Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л.* История и современное состояние юридического факультета Ивановского государственного университета (ИвГУ) // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 5. С. 105–116.
25. *Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л.* 40 лет юридическому факультету ИвГУ: история и современное состояние // Вестник ИвГУ. 2013. Сер.: Естественные, общественные науки. Вып. 1. С. 96–98.
26. *Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л.* Юбилей юридического факультета Ивановского государственного университета // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 2. С. 4–9.
27. *Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л.* Юридический факультет ИвГУ: история и современное состояние: к 40-летию со дня образования: научное издание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 240 с.
28. *Ладьяженский А. М.* Памяти А. Л. Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 1966. № 2. С. 154.
29. Николай Николаевич Полянский: [Некролог] // Советское государство и право. 1961. № 5. С. 134.
30. Николай Николаевич Полянский: К семидесятилетию со дня рождения, 1878–1948: Библиографический указатель трудов / Всесоюзный институт юридических наук Минюста СССР; ред. М. Шифман. М., 1948. 16 с.
31. *Овчинников В. С., Федоров А. В.* Предисловие составителей сборника трудов С. В. Познышева // Познышев С. В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В. С. Овчинникова, А. В. Федорова. М.: ТНФРА-М, 2007. С. V–IX.
33. *Окатова А. С.* Анализ теорий избирательного права в учении В. М. Гессена // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 384–388.
34. *Окатова А. С.* Учение В. М. Гессена о государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.

35. *Окатова А. С., Туманова А. С.* Правовое и конституционное начала государственности в трактовке В. М. Гессена // История государства и права. 2009. № 18. С. 44–47.
36. *Павлов А. А.* Гуго Гроций. Правовая концепция. Кострома: изд-во КГСХА, 2003. 216 с.
37. *Познышев С. В.* Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В. С. Овчинникова, А. В. Федорова. М.: ТНФРА-М, 2007. IX. 302 с.
38. *Познышев С. В.* К учению о личности и характере // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1922. Прил. 1.
39. *Познышев С. В.* Чезаре Ломброзо и его учение о прирожденном преступнике» в 1922 г. в Журнале психологии, неврологии и психиатрии // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1922. Прил. 1.
40. *Познышев С. В.* Учение о наказании. Б. м., 1917.
41. *Полянский Н. Н.* Революция – торжество права. М., 1917.
42. *Полянский Н. Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д. С. Карева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 271 с.
43. *Понтович Э. Э.* Выборы в Учредительное собрание по системе пропорционального представительства. Пг., 1917.
44. *Понтович Э. Э.* Непосредственное народное творчество и организация местного самоуправления // Право. Ежегод. юрид. газ. 1917. № 15 (16 мая). Ст. 847–857.
45. *Понтович Э. Э.* Основы конституционного права. 2-е изд. Пг., 1918.
46. *Понтович Э. Э.* Развитие конституции и учредительная власть. Пг.: Огни, 1918. 91 с.
47. *Понтович Э. Э.* Положение о выборах в Учредительное собрание: текст закона и наказ с предисл. и объясн. Я. М. Магазинера и Э. Э. Понтовича, чл. Особого совещания по изготовлению проекта положения о выборах. С 10-ю прил. Пг.: б. и., 1917.
48. *Понтович Э. Э.* Проблемы государственной власти: [Философско-правовые этюды]. Ч. I–V. Пг., 1919, 1921. Факт и право: Право в объективном и субъективном смысле. 1919. 75 с.; Реализм в юриспруденции. 1919. 43 с.; Понятие государства. 1921. 48 с.
49. *Понтович Э. Э.* Учредительное собрание. Пг.: Союз солдат-республиканцев, 1917. 19 с.
50. *Понтович Э. Э.* Философия права. Ч. 1. Кинешма: Тип. Иваново-Вознесенск. Губсоюза Потребительных обществ, 1920. 100 с.
51. *Поцелуев Е. Л., Кузьмина О. В.* Юридический факультет Ивановского университета: прошлое, настоящее и будущее // Lex Russica. 2015. № 1 (Т. ХСVIII), январь. С. 7–24.
52. Прокуратура Ивановской области. Б. м. Б. г.
53. *Савенко Г. В.* Александр Ливериевич Саккетти // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 5. С. 232–241.
54. *Савенко Г. В.* Василий Михайлович Догадов: неизвестные страницы биографии и документы 1909–1922 гг. // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 6. С. 200–210.
55. *Савенко Г. В.* Юристы социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института (1918–1922 гг.) // Иваново-Вознесенский юридический вестник. 2002. № 2. С. 34–40.
56. *Савенко Г. В., Семенов А. М.* В. М. Гессен в Иваново-Вознесенске // Известия вузов. Правоведение. 2003. № 1. С. 247–251.
57. *Савицкая А. Е.* Власть и государственный аппарат в трудах С. А. Котляревского // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 1. С. 38–46.
58. *Савицкая А. Е.* Правовые идеи русского мыслителя и общественного деятеля С. А. Котляревского (1873–1939) // Юридическая мысль. 2005. № 1.

59. *Савицкая А. Е.* Понятие суверенитета в доктрине С. А. Котляревского (сравнительно-правовые аспекты) // Россия и мир. Гуманитарные проблемы: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. СПб., 2005.
60. *Савицкая А. Е.* Политико-правовая теория С. А. Котляревского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 25 с.
61. *Саккетти А. Л.* Основные понятия о праве и государстве. 1916–1917. Курс общедоступных лекций. На правах рукописи. Б. м., 1917.
62. *Саккетти А. Л.* Социализм и анархизм // Народоуправство. 1917. № 6. С. 7–8.
63. *Саккетти А. Л.* Учредительное собрание и основные законы государства. Пг.: Муравей, 1917. 30 с.
64. Сборник документов о становлении и развитии Ивановского государственного университета (1973–1993) / сост. Б. И. Иванов. Иваново: ИвГУ, 1993. 160 с.
65. *Семенов А. М.* Б. И. Сыромятников: Иваново-вознесенские страницы биографии // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы VII Междунар. науч. конф. Иваново, 13–14 февр. 2008 г. Иваново, 2008. С. 288–292.
66. *Семенов А. М.* В. М. Гессен в Иваново-Вознесенске: неизвестные факты биографии // Иваново-Вознесенский юридический вестник. 2001. № 11. С. 41–43.
67. *Силин Н. Д.* Обесценение денег. Пг., 1917.
68. *Сырых В. М.* Догадов Василий Михайлович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2 / отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2011. С. 253–255.
69. *Сырых В. М.* Полянский Николай Николаевич // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2 / отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2011. С. 606–608.
70. *Сырых В. М.* Понтович Эдуард Эдуардович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2 / отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2011. С. 608–612.
71. *Сырых В. М.* Силин Николай Дмитриевич // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2 / отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2011. С. 702.
72. *Сырых В. М.* Сыромятников Борис Иванович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2 / отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2011. С. 743–744.
73. *Тихонов В. В.* Историк-юрист Б. И. Сыромятников (1874–1947) // История государства и права. 2012. № 13. С. 14–16.
74. *Тихонов В. В.* Исторические взгляды Б. И. Сыромятникова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 42 с.
75. *Томсинов В. А.* Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939). Биографический очерк // Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. VII–L.
76. *Томсинов В. А.* Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) // Преподаватели Московского университета (1755–2005) / под ред. В. А. Томсинова. М.: Городец, 2005. С. 262–303.
77. *Томсинов В. А.* Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) // Конституционное (государственное) право в Московском университете / отв. ред. Н. А. Богданова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 134–149.
78. *Чупрова Н. А.* Котляревский Сергей Андреевич // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий. Т. 2 / отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2011. С. 389–392.
79. *Шилохвост О. Ю.* Русские цивилисты: середина XVIII – начало XX в.: Краткий биографический словарь. М.: Статут, 2005. 192 с.

Информация об авторах / Information about the authors

Кузьмина Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, первый проректор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, юридический факультет, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kuzolga03@mail.ru

Kuzmina Olga Vladimirovna – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Head of Criminal Code and Procedure Department, First Vice-Rector of Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kuzolga03@mail.ru

Поцелуев Евгений Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека, юридический факультет, Ивановский государственный университет, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, г. Иваново, Россия, elp777@yandex.ru

Potseluev Evgenii Leonidovich – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights Department of Ivanovo State University, Honoured Worker of Education of the Russian Federation, Ivanovo, Russia elp777@yandex.ru

УДК 340

Н. Н. Зипунникова, А. В. Калинина

**«ПОВОРОТЫ» В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ:
О ВОСПИТАНИИ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ НА ВОСТОКЕ СТРАНЫ
(1918–1931 гг.)***

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления целевых аксиологических и иных установок, а также практик воспитания будущих юристов в переходный период от имперской к советской модели юридического образования и приращения научного знания. Показаны яркие особенности процесса трансформации образовательно-научной системы на востоке большой страны – на примере открытого в 1918 г. одним из белых правительств Иркутского университета и его юридического факультета. Отмечена периферийность проблематики воспитания и взращивания ценностных ориентиров в ходе последующего динамичного поиска эффективных форм подготовки будущего юриста. Проанализированы разные направления работы со студентами и формы его кооперации – научно-исследовательское, учебно-организационное, хозяйственно-бытовое, профсоюзное. Для продвижения в заявленных вопросах изучены обширная делопроизводственная документация, отдельные публикации в периодической печати, научно-литературная традиция. Делается вывод о вневременном характере проблем воспитания и аксиологических доминант будущего юриста.

Ключевые слова: история юридической науки и образования, переходные периоды, преемственность, Иркутский университет, юридический факультет, студенческие научные кружки, кабинеты, предметные комиссии, студенческая кооперация, факультетский комитет, профсоюзная организация студентов.

N. N. Zipunnikova, A. V. Kalinina

**“TURNS” IN THE HISTORY OF RUSSIAN LEGAL EDUCATION
AND SCIENCE: ON THE EDUCATION OF FUTURE LAWYERS
IN THE EAST OF THE COUNTRY (1918–1931)**

Abstract. The article attempts to comprehend the target axiological and other attitudes, as well as the practices of educating future lawyers in the transition period from the imperial to the Soviet model of legal education and the increment of scientific knowledge. The striking features of the transformation process of the educational and scientific system in the east of a large country are shown, using the example of the Irkutsk University and its Faculty of Law, opened in 1918 by one of the white governments. The non-periphery of the problems of upbringing and nurturing value orientations in the course of the subsequent dynamic search for effective forms of training a future lawyer is noted. The different directions of work with students and the forms of their cooperation are analyzed – research, educational and organizational, household, trade union. To advance in the stated issues, extensive office documentation, individual publications in the periodical press, scientific and literary

© Зипунникова Н. Н., Калинина А. В., 2024

* Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта научной группы № 13 «Формирование профессиональных ценностных установок студентов в образовательном пространстве юридического вуза».

• Серия «Естественные, общественные науки»

tradition have been studied. The conclusion is made about the timeless nature of the problems of upbringing and axiological dominants of the future lawyer.

Keywords: history of legal science and education, transitional periods, succession, Irkutsk University, Faculty of Law, student science clubs, classrooms, subject commissions, student cooperation, faculty committee, students' trade union organization.

Активность научных, практических, просветительских полемик вокруг феноменов образования и науки не только не снижается на протяжении разных эпох, но, как думается, в настоящий момент даже усиливается. И важно обратить внимание на преемственность сложноорганизованного отечественного дискурса, в частности вокруг университетов, воспроизводства юридических знаний и подготовки юристов. Отдельные его «реперные точки» могут быть показаны основаниями периодизации истории юридического образования и науки, но их значение представляется еще более рельефным. Например, указ Петра Великого 1724 г. [Именной указ] форматировал соответствующую «систему координат»: университет внутри академического симбиоза определялся собранием ученых людей, которые обучают молодых людей высоким наукам в их современном состоянии; в числе высоких наук был показана юриспруденция – «прав искусство». Впоследствии и указ 1755 г., «давший жизнь» Московскому университету и его юридическому факультету, и университетские уставы XIX в. (точнее – обширное законодательство о подготовке юристов и приращении знания в сфере юриспруденции в университетах и иных учебных заведениях) корректировали нормативные цели и стандарты юридического образования, особенности специализированных его форм. Значимым было также соотношение внутренних политико-идеологических факторов формирования будущего юриста и внешних кросс-культурных и иных вызовов. Юридическая общественность равнодушно включалась в обсуждение проблематики эффективной подготовки юристов, ярким свидетельством чему является «профильная» дискуссия рубежа XIX–XX веков [14; 6, с. 219–236].

В советской России к вопросу подготовки профессиональных юристов также было приковано самое пристальное внимание – как со стороны власти, так и с позиций профессиональной общественности. Проанализированные специалистами узаконения, включая партийные постановления [20, с. 5–28; 24, с. 56–105], преследовали цель формирования особого юриста – советского, по поводу модели которого развивались отнюдь не малые и не безынтересные дебаты [1, с. 73–81; 2, с. 38–45; 4, с. 82–89; 23, с. 10–17].

В размышлениях о юридической образовательно-научной традиции, ее преемственности неизбежно актуализируется вопрос о так называемых переходных периодах, о специфике подготовки юридических кадров, трансляции и приращении правоведческих идей на «поворотах» истории. Для отечественного высшего образования в XX столетии выделяется [7, с. 53–71] несколько важных поворотных событий, в которых замечены черты переходности: Великая русская революция 1917 г., когда на смену классическим традициям императорских университетов и иных учебных заведений пришли советские установки, и период конца века – смена советской традиции новыми принципами образования современной России. Так, события отечественной истории после 1917 г. ярко проявились в трансформации научно-образовательной среды: кроме прочего, шел активный поиск новой модели подготовки и воспитания советского юриста с присущими ему ценностными установками. На востоке большой страны этот процесс имел особенности.

Если в целом в конце первого послеоктябрьского года закрывались многие юридические факультеты, то как раз в 1918 г. одним из белых правительств был открыт второй в Сибири и первый восточносибирский университет – Иркутский, с историко-филологическим и юридическим факультетом в его составе. Нормативные конструкции [3, ф. Р-71, оп. 1, д. 1, л. 106–107], делопроизводственная документация начального этапа, специфика учебных планов, терминология, первые кафедры [13, с. 80–85] отсылают именно к дореволюционной традиции юридического образования и науки, что будет показано далее.

В ходе советизации происходило значительное обновление университетской жизни в Иркутске, динамично менялась модель университетского устройства, кафедральная структура, кадровый состав, учебные планы. В целом по стране в среде профессиональной и широкой общественности шли обсуждения, а на практике реализовывались разнообразные модели подготовки. Энергичным этот процесс был в 1920-е гг., когда новые ценностные ориентиры заставляли менять существовавшую систему подготовки специалистов. Важно понять, насколько отказ от прошлой традиции был полным и какие ориентиры переключались в новую модель [8].

Потому особенно интересно обратить внимание на студенчество – в терминологии имперского законодателя одно из важнейших «университетских сословий». Воспитание будущего юриста является отнюдь не простой задачей в любую эпоху, а время «разломов» обнаруживает, как видно, и новые проблемы, и новые возможности. В современном высшем образовании значительное внимание уделяется воспитанию. Феномен образования трактуется многомерно и, так или иначе, это не только услуга, но и элемент воспитания подрастающего поколения, что подчеркивает российский законодатель, закрепляя дефиницию «образования» [Федеральный закон]. И в этом «целенаправленном процессе воспитания и обучения...» важно сочетать профессиональную подготовку (фундаментальную и специальную) с подготовкой гармонично развитой личности в целом. Юридическая школа в Иркутске «вырастала», в том числе, под значительным влиянием представителей Казанского университета [12, с. 14–24], и вопросы воспитания последующих поколений профессиональных юристов, их ценностных установок, как показывают разнообразные источники, сразу проявились как приоритетные.

Набор абитуриентов на юридический факультет Иркутского государственного университета (ИГУ) был начат 24 августа 1918 г. [9, с. 216–217]. Учебный процесс строился на основе Общего устава и штатов российских государственных университетов 1884 г., с последовавшими к ним дополнениями и изменениями [3, ф. Р-71, оп. 1, д. 1, л. 30]. На практике учебные планы подвергались значительной коррекции из-за сложностей, связанных с обеспечением университета кадрами и материальными ресурсами в условиях еще продолжавшейся в этом регионе Гражданской войны. Половозрастной состав первых студентов-юристов выглядел следующим образом: 106 мужчин и 80 женщин на 1 курсе, 11 мужчин и 13 женщин – на втором; возраст студентов – от 17 и до 50 лет и старше. Большую часть составляли студенты до 30 лет [3, ф. Р-71, оп. 1, д. 42, л. 42–42 об.]. В первый год работы факультета открывать старшие (третий и четвертый) курсы не планировалось [3, ф. Р-71, оп. 1, д. 36, л. 10]. Подобную статистику должна была учитывать и воспитательная работа.

С открытием Иркутского университета и его юридического факультета встал традиционный вопрос в деле воспитания будущего специалиста – как

и чему учить. Первый ректор ИГУ М. М. Рубинштейн в газете ко дню торжественного открытия университета 27 октября 1918 г. писал о сочетании в образовательном процессе фундаментального знания и практического, ориентированного на потребности, момента. В своей статье он затронул проблему чистой науки и её связи с практикой. Первая задача университета – это задача всестороннего исследования, где «за чистым знанием придет и полезность» [19, с. 1]. Принципиально, что ректор нового вуза видел важность сохранения традиций классического образования, его автономии, но при этом связь с его с практической жизнью совсем не отрицалась.

С первых же дней создания университета в Иркутске была поставлена задача организации условий для развития студенческой науки [15, с. 4]. На юридическом факультете ИГУ были открыты специализированные кабинеты, ставшие немаловажным дополнением учебного процесса: С. П. Покровский возглавил кабинет публичного права, В. П. Доманжо – кабинет цивилистики, Г. Ю. Маннс – кабинет уголовного права, К. Н. Миротворцев – кабинет экономических наук [3, ф. Р-71, оп. 1, д. 34, л. 7–7 об., 15 об.]. Позже этот список расширялся. К примеру, к 1928 г. их было уже 19 [5, с. 62]. В ноябре 1918 г. на заседании факультета был принят план организации социального музея во главе с М. М. Агарковым. Главной целью этого музея должен был стать сбор материалов о социальной жизни края. Важной формой научной работы студентов были тематические кружки, о которых речь пойдет далее.

Не отрицались и сложности, с которыми сталкивалось студенчество тех лет: проблемы с жильем, вопросы материального быта в целом. В связи с этим предполагалось развивать студенческую кооперацию, различные студенческие организации [15, с. 4].

Студенты в Иркутском университете принимали активное участие во всех областях вузовской жизни. Во-первых, они участвовали в разрешении академических вопросов. В университете работали предметные комиссии (правовые, новых языков и др.), на заседаниях которых обсуждались вопросы методов преподавания, учебных планов, успеваемости и дисциплины и др. В каждой предметной комиссии были представители от студенчества.

Во-вторых, студенческие организации способствовали вовлечению молодежи в научно-исследовательскую работу. Важно обратить внимание на высокую организацию студенческих кружков, где студенты осмыслили вопросы юридической теории и практики, готовили рефераты и научные проекты по различным темам. Такие научные объединения студентов по интересам превратились в широкое общественное дело. Одним из первых стал работать криминалистический кружок под руководством Г. Ю. Маннса, где кружковцами, кроме прочего, составлялся сводный каталог книг по уголовно-правовой проблематике, собирались статистические материалы по преступности в городе. С 1920 г. функционировал кружок государственоведения, отмечается также работа социологического кружка. В 1924/25 учебном году студенты могли заниматься в трех научных кружках – права и советского строительства, криминалистики, ленинизма. Позднее, в 1927 г. сформировали единый юридический кружок, разделенный на секции. Тогда же стал работать экономический кружок. В 1930/31 учебном году юридический кружок был ликвидирован и создан кружок советского строительства и права. Он должен был готовить юристов-политиков, а не догматиков [10, с. 218–220]. Перед членами кружка, помимо их текущих исследований, ставилась задача воспроизводства кадров. Одним из примеров решения подобной задачи

является появление в ИГУ практики отбора выдвиженцев – наиболее подготовленных студентов, готовых в будущем заниматься профессионально научной работой [5, с. 119–124].

На юридическом факультете Иркутского университета был создан факультетский комитет из пяти человек. Комитет проводил открытые заседания, на которых обсуждались академические, организационные и административно-хозяйственные вопросы. На каждом курсе создавались низовые студенческие ячейки. Такие ячейки помогали в академической работе, участвовали в оборудовании специализированных кабинетов, занимались иной деятельностью. Комитет стремился повысить активность студентов в учебной и научной жизни. Кроме того, он проверял посещаемость занятий, проводил беседы с теми, кто пропускал занятия. Интересен опыт создания предметных комиссий, где были студенческие представители. Членами комитета выявлялись сложности, которые возникали у обучающихся в процессе освоения того или иного курса.

Факультетский комитет содействовал проведению летней практики для студентов: разрабатывал рекомендации, взаимодействовал с работодателями и др. Кроме того, им проводились различные социально ориентированные проекты. Например, один из таких проектов – помощь детскому дому. Так, в 1924/25 учебном году был организован сбор канцелярских принадлежностей, книг и др. [3, ф. Р-71, оп. 1, д. 206, л. 43 об.–47].

В ИГУ велась и профсоюзная работа. Студенческая профсоюзная организация функционировала по следующим направлениям: улучшение быта и материальная помощь студентам, повышение их академической успеваемости, массовая воспитательная и вневузовская деятельность, воспитание профсоюзного актива и вовлечение в эту работу студенчества. Профсоюзная организация пыталась решить вопросы материального обеспечения студентов – улучшение быта в общежитии и организации питания, создание касс взаимопомощи по факультетам, помощь в получении разного рода льгот. Профсоюзом было инициировано открытие яслей для детей студентов. К 1928 г. был ряд достижений в массовой воспитательной работе: создавались «красные уголки», физкультурные секции, была организована подписка на журнал «Красное студенчество». Профсоюзная организация ставила перед собой следующие задачи: создание благоприятных условий для учебы студентов, улучшение материального положения, усиление культурной работы и ее приближение к запросам студенчества [5, с. 125–130].

Таким образом, воспитательная работа была важной частью подготовки будущих специалистов-юристов, где участие самого студенчества играло существенную роль. Поворот воспитательной политики и приближение ее к интересам непосредственно тех, на кого она направлена – это тот опыт, который не утрачивает актуальности и сегодня.

К началу 1930-х гг. университетская подготовка юристов подверглась изменениям. На смену университетской форме подготовки юристов приходили институты советского права, в которые были реорганизованы выделенные из университетов факультеты (так было и в Иркутске) [17]. Советское руководство ставило перед юридическим образованием особые задачи. Был определен состав лиц, которые должны были составить основной контингент студентов-юристов – рабочие и крестьяне, которые состояли в партии и имели соответствующий опыт работы [22, с. 5–25]. Для поступления было достаточно 4-х лет начальной школы и двух лет дневного рабочего факультета.

Предпочтение отдавали тем, кто имел «правильное» социальное, а не тем, кто лучше готов [16, с. 120]. В подготовке юриста признавалась важность сочетания фундаментальной и специализированной подготовки. Юрист виделся как принципиальная, политически зрелая личность, обладающая марксистско-ленинской идейностью, понимающая свое предназначение и государственный долг. Так была раскритикована складывавшаяся в 1920-е гг. модель. В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» [18] негативно оценивалась многопредметность и частое изменение учебных планов и программ, что не способствовало воспитанию будущего специалиста.

Изучение и возможное использование «старых» форм и приемов воспитания в современных практиках является небезынтересным. Исторический и историко-правовой опыт демонстрирует многогранность вузовской жизни в разные исторические эпохи. Она не заикливалась только на механической передаче знания, а давала студенту возможность личностного развития, а также совместного и творческого решения разнообразных задач как с преподавательским составом, так и внутри собственной кооперации. Изучение такого опыта перспективно с разных точек зрения: и как значимая междисциплинарная исследовательская проблематика с особенной аксиологической доминантой, и как практическая установка на апробацию «нового старого» или «старого нового» в образовательно-научном процессе. Осмысление практик обучения и воспитания будущих юристов в Иркутском государственном университете в 1918-м – начале 1930-х гг. добавляет этому целеполаганию уверенных красок...

Библиографический список

1. *Алексеев С. С., Яковлев В. Ф.* О модели юриста и обучении в юридических вузах // Правоведение. 1976. № 4. С. 73–81.
2. *Алексеев С. С., Яковлев В. Ф.* Юридическое образование: профиль, структура, пути совершенствования // Сборник научно-методических статей по правоведению. Вып. 1. М., 1979. С. 38–45.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
4. *Дагель П. С., Овчинников Н. И., Резниченко И. М.* Модель юриста // Правоведение. 1976. № 4. С. 82–89.
5. Десять лет Иркутского университета. 1918–1928. Иркутск: Изд. Юбилейной комиссии, 1928. 180 с.
6. *Дерюжинский В. Ф.* Судебные деятели об университетской подготовке молодых юристов // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 7. С. 219–236.
7. *Зипунникова Н. Н.* Преемственность в развитии российской образовательно-научной сферы (на примере профессиональной подготовки юристов и юриспруденции) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 6. С. 53–71.
8. *Зипунникова Н. Н., Зипунникова Ю. Н.* Научное познание опыта юридического образования и науки: к актуализации отдельных исследовательских сюжетов // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2019. № 4. С. 501–508. URL: <https://journals.udsu.ru/econ-law/article/view/4583/4343> (дата обращения: 15.09.2024).
9. *Зипунникова Н. Н., Калинина А. В.* «На первый год открываются факультеты историко-филологический и юридический...», или Об образовании факультета для подготовки юристов в Иркутском государственном университете в контексте документов // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 216–217.
10. *Зипунникова Н. Н., Калинина А. В.* Студенческая наука в юридическом вузе (из истории Уральского государственного юридического университета, 1918 г. – середина 1940-х гг.) // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 218–220.

11. Именной указ, объявленный из Сената «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Дерпта, Пернова и Арнсбурга. – С приложением проекта об учреждении Академии» от 28 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4443.
12. *Казарин В. Н.* Ученые-юристы в панораме эпохи: транзит Казань – Иркутск – Свердловск. Первая треть XX в. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 14–24.
13. *Казарин В. Н., Лякутина Ю. П.* Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 80–85.
14. *Казанский П. Е.* Вопрос о преподавании права в русской печати в 1901 г. Одесса: Экон. тип., 1903. 308 с.
15. *Кац Я.* Очередные задачи иркутского студенчества // Иркутский государственный университет. Однодневная газета. 27 октября 1918 г. С. 4.
16. *Насибуллин Р. А.* «Секретаря парткома Мартысевича за гнилой либерализм к троцкисту Гордееву с работы секретаря и члена парткома снять и объявить строгий выговор»: эпизоды из жизни доцента Иосифа Демьяновича Мартысевича (1905–1990 гг.) и Свердловского правового института в 30-е годы XX века // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов межрегиональной заочной научной конференции, Екатеринбург, 26 мая 2020 года. Вып. 9. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 120.
17. Постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства» // СУ РСФСР. 1931. № 29. Ст. 261.
18. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 308.
19. *Рубинштейн М. М.* Университет и его основная задача // Иркутский государственный университет. Однодневная газета. 1918. 27 окт. С. 1.
20. Свердловский юридический институт. 1931–1981. М.: Юрид. лит., 1981. 175 с.
21. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
22. *Шебанов А. Ф.* Юридические высшие учебные заведения в СССР в 1932–1945 гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 16. С. 5–25.
23. *Яковлев В. Ф.* Вопросы подготовки юридических кадров // Известия вузов. Правоведение. 1980. № 5. С. 10–17.
24. *Яцук Т. Ф.* Юридическое образование в высшей школе: учеб. пособие. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 312 с.

Информация об авторах / Information about the authors

Зипунникова Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия, igr@usla.ru

Zipunnikova Natalia Nikolaevna – Candidate of legal sciences, Associate Professor, head of the department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, igr@usla.ru

Калинина Анна Владиславовна – преподаватель кафедры истории государства и права, документовед музея истории СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия, museum@usla.ru

Kalinina Anna Vladislavovna – lecturer, archivist, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, museum@usla.ru

УДК 1(091)

*Е. Л. Поцелуев***И. А. ИЛЬИН В 1917–1922 ГОДАХ: УЧЕНЫЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ,
АРЕСТАНТ И ЭМИГРАНТ ПОНЕВОЛЕ**

Аннотация. В статье показана актуальность изучения наследия И. А. Ильина в 1917–1922 годах, поскольку среди основных трудов мыслителя несколько было создано именно в вышеуказанный период. Особое внимание уделено двум произведениям И. А. Ильина – «Учение о правосознании» и «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Дана также краткая характеристика политической деятельности ученого и его уголовное преследование карательными (правоохранительными) органами советского государства, закончившееся осуждением и высылкой из страны. Лаконично освещена педагогическая деятельность И. А. Ильина. Приведены оценки его политико-правых взглядов современными теоретиками государства и права, философами права, специалистами по истории политических и правовых учений нашей страны. В конце публикации сделаны выводы.

Ключевые слова: И. А. Ильин в Советской России, основные труды И. А. Ильина, учение о правосознании, аксиомы правосознания, философия Г. В. Ф. Гегеля, И. А. Ильин – преподаватель, уголовное преследование И. А. Ильина и высылка из РСФСР.

*E. L. Potseluev***I. A. ILYIN IN 1917–1922: SCIENTIST, TEACHER, PRISONER
AND INVOLUNTARY EMIGRANT**

Abstract. The article shows the relevance of studying the legacy of 1917–1922 by I. A. Ilyin, since among the main works of the thinker, several were created during the above-mentioned period. Special attention is paid to two works by I. A. Ilyin – "The Doctrine of Legal Consciousness" and "The Philosophy of Hegel as a Doctrine of the Concreteness of God and Humanity." A brief description of the scientist's political activities and his criminal prosecution by the punitive (law enforcement) bodies of the Soviet state, which ended in conviction and expulsion from the country, is also given. The pedagogical activity of I. A. Ilyin is briefly highlighted. The assessments of his political right views by modern theorists of state and law, philosophers of law, specialists in the history of political and legal doctrines of our country are considered. At the end of the article conclusions are drawn.

Keywords: I. A. Ilyin in Soviet Russia, the main works by I. A. Ilyin, the doctrine of legal consciousness, axioms of legal consciousness, philosophy of G. W. F. Hegel, I. A. Ilyin as a teacher, criminal prosecution of I. A. Ilyin and expulsion from the RSFSR.

«Все чувствовал
Много страдал
Любовно смотрел
Кое-чему был виною
И мало понимал
Спасибо тебе, вечная благодать!»*

Актуальность темы

Как справедливо отмечают современные российские ученые-юристы, «обращение к правовым доктринам прошлого формирует определенный тип политико-правового мышления, позволяет сблизить теоретико-правовое и историко-правовое знание, формирует определенную систему правовых ценностей» [6, с. 12].

И. А. Ильин – классик отечественной истории политической и правовой мысли

В плеяде выдающихся деятелей русской науки и культуры XX столетия видное место принадлежит Ивану Александровичу Ильину (1883–1954). Философ, политический мыслитель, теоретик и историк религии и культуры, блестящий публицист, он внес крупный вклад в развитие русской мысли», – такую оценку дает И. А. Ильину в конце минувшего столетия В. И. Кураев [16, с. 404].

По мнению доктора юридических наук, профессора В. А. Томсинова, «Иван Александрович Ильин принадлежит к числу наиболее выдающихся деятелей русской послереволюционной эмиграции». Далее ученый пишет в 2003 г., что большинство работ Ильина стало известно в нашей стране «лишь в последнее десятилетие, поэтому изучение их идейного богатства только начинается» [20, с. 7].

Доктор философских наук, доктор юридических наук В. Н. Жуков, называет И. А. Ильина одним из крупнейших мыслителей XX века, внесшего «значительный вклад в развитие отечественной философии права» [7, с. 832].

Доктор юридических наук, профессор А. В. Поляков считает И. А. Ильина выдающимся русским философом, правоведом, публицистом, религиозным и политическим деятелем [19, с. 813].

Кандидат юридических наук, доцент А. А. Егоров пишет, что творчество философа, правоведа и общественного деятеля И. А. Ильина занимает особое место в истории отечественной политико-правовой мысли [6, с. 12].

Доктор юридических наук, профессор И. А. Исаев определяет И. А. Ильина как одного «из продолжателей неоконсервативной политической традиции в 30–40 гг.» [12, с. 340].

Биография, анализ его работ и политико-правовых взглядов отражены практически во всех постсоветских учебниках, учебных пособия, курсах лекций по «Истории политических и правовых учений» [1, с. 497–505; 17, с. 357–

* Эпитафия на могиле И. А. Ильина, он ее автор на немецком языке, перевод сделал Е. Е. Климов) [20, с. 60, примеч.], похоронен в пригороде Берна Цолликоне, где прошли последние 16 лет его жизни [20, с. 11].

364; 19, с. 813–822], а фрагменты из его произведений вошли в антологии и хрестоматии [8, с. 809; 9, с. 324–336; 14, с. 324].

В советский период ситуация была иная. Так, в учебнике «История политических учений», выпущенном в 1972 г., рассмотрены взгляды «наиболее видных теоретиков помещичье-буржуазного либерализма» – Б. Н. Чичерина, С. А. Муромцева и М. М. Ковалевского [15, с. 166–172, 280–383], а также буржуазные политические учения эпохи империализма и общего кризиса капитализма, например, психологическая теория права, но И. А. Ильин и многих другие мыслители первой четверти – первой половины 20 века, даже не упоминается.

Однако в некоторых учебных изданиях нашего столетия нет информации об И. А. Ильине и его воззрениях. В учебнике «История политических и правовых учений» под редакцией О. Э. Лейста также нет упоминания об И. А. Ильине [13]. К сожалению, нет материала о политико-правовых взглядах И. А. Ильина и в интересном, содержательном учебнике Е. А. Фроловой [22] и в прекрасно структурированном аналогичном издании И. Ф. Мачина [18].

Основные сочинения 1917–1922 годов

Н. М. Азаркин констатирует, что теоретическое наследие мыслителя огромно и «насчитывает более 40 книг и брошюр, несколько сотен статей, более ста лекций и большое количество писем». Среди работ по теоретической юриспруденции этот автор выделяет всего пять, в том числе – «Учение о правосознании» (была написана в 1919 г.) [1, с. 498]. Н. М. Марченко и И. Ф. Мачин отметили четыре работы И. А. Ильина, в которых нашли свое выражение его политические и правовые взгляды и среди них – «Учение о правосознании» [17, с. 358]. В. П. Малахов называет два основных произведения И. А. Ильина – «Наши задачи. Исторические судьбы и будущее России» (статьи 1948–1954 гг.) и «О сущности правосознания» [9, с. 324], правда, при этом фрагмента о правосознании в понимании Ильина в его хрестоматии нет. В. В. Ячевский также среди трудов, посвященных политико-правовым вопросам, выделяет также интересующее нас сочинение [8, с. 809]. В. Г. Графский перечислил семь работ И. А. Ильина, в том числе две работы интересующего нас периода: «Учение о правосознании» (1919) и «Основные задачи правоведения в России» (1921) [4, с. 609]. Свою позицию относительно работ Ильина Графский сохранил и в своем авторском учебнике «История политических и правовых учений» [3, с. 685]. В. Н. Жуков среди наиболее значимых произведений И. А. Ильина указывает всего три его сочинения – «Общее учение о праве и государстве», «О сущности правосознания», «О монархии и республике» (труд писался свыше 40 лет и остался незавершенным) [7, с. 832], А. В. Поляков среди шести основных работ упоминает и две советского периода – «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (в 2 т., 1918) и «О сущности правосознания» и будучи последовательным указывает не дату ее написания, а опубликования, т. е. 1956 г. [19, с. 813].

Работы о правосознании – одни из основных в политико-правовом наследии И. А. Ильина

«Правосознание занимает особое место в философско-правовой доктрине И. А. Ильина. Не случайно, а, напротив, показательно, что исследованию этой категории посвящена его работа «О сущности правосознания». Эта проблема поднималась им и в других произведениях. Однако сегодня (в 2024 г. – *Е. П.*) этот мыслитель во многом ассоциируется с этим фундаментальным трудом, – утверждает А. А. Егоров. – Следует отметить, что правосознание понималось им значительно шире и глубже той традиции, которая укоренилась в учебной и учебно-методической литературе, используемой в рамках образовательного процесса» [6, с. 13].

Правосознание И. А. Ильин понимал как правовое чувство человека. Ученый отмечал, что это понятие, как правило, сводят к сознанию, хотя на самом деле оно охватывает «и чувство, и волю, и воображение, и мысль и всю сферу бессознательного духовного опыта» [6, с. 13]. Ученый придавал правосознанию глобальное значение [6, с. 13].

Впервые работа «О сущности правосознания» вышла в свет в 1956 г. в Мюнхене [10, с. 4]. Считается, что «это одно из самых значительных произведений русской теоретической юриспруденции за всю ее историю» [10, с. 4].

«Проблему формы правления И. А. Ильин тесно увязывал с проблемой правосознания» [20, с. 8].

Во-первых, как известно, прогностическая функция, по крайней мере, в теории государства и права, одна из самых сложных, трудных, а И. А. Ильину блестяще удалось показать перспективы нашей страны на несколько десятилетий. Это свидетельствует, что по данному критерию он был подлинным ученым-правоведом, государствоведом. Во-вторых, юристы знают, что правосознание лежит в основе правовой культуры, это ее важнейшая часть. Это уровня правосознания напрямую зависит и уровень правовой культуры и во многом вся юридическая деятельность: правотворческая, в том числе законотворческая; правоинтерпретационная; в) правореализационная, в том числе правоприменительная; установка на правомерное или противоправное поведение; режим законности и правопорядок. Поэтому проблемы правосознания вообще и в точках бифуркации в особенности должны быть в центре внимания исследователей, предметом тщательного изучения и анализа.

Аксиомы правосознания

Нормальное правосознание, по И. А. Ильину, заключается в том, чтобы на его основе индивид мог «**сам управлять своим поведением**, но в соответствии с **положительным правом**». Поэтому, по его мнению, народ, который ведет темную и нетрезвую жизнь неспособен к организованному самоуправлению [19, с. 819].

«В основе правосознания лежит несколько неизменных вечных истин, называемых аксиомами. Всего их три. Первая – аксиома духовного достоинства, которая предполагает, что уважение к себе и другим является гарантией любого правового строя. Вторая – аксиома автономии, согласно которой неотъемлемым условием бытия человека является его свобода как возможность выбора и решения, возможность иметь самостоятельное представление о добре и зле, возможность воспитывать свою волю. Третья аксиома заклю-

чается в необходимости взаимного признания. Ильин полагает, что право существует лишь там, где есть духовное признание одного человека другим. Вступление в правоотношения означает, что два или более лица согласились признать друг друга и вместе подчиниться праву. Если этого нет, то речь может вестись лишь о произволе» [2, с. 189].

Без взаимного признания невозможны правоотношения, диалог в праве, правовая коммуникация, в том числе между субъектами международного права, недаром существует признание государств и правительств, признание де-юре и де-факто. Не соглашусь с заключительной фразой о произволе. Например, обвиняемые могут не признавать легальность международных военных трибуналов или внутригосударственных судов, но правоотношения возникают со всеми вытекающими юридически значимыми последствиями и душевными переживаниями участников процесса.

Применительно к учению И. А. Ильина о правосознании М. В. Антонов отмечает, что мыслитель формулировал его не как абстрактную конструкцию. «Он считал правосознание необходимым условием общественной жизни – без него были бы невозможны ни договоры, ни товарооборот, ни семейная жизнь, ни политическое действие. При этом Ильин отрицал, что правосознание заложено в души людей с момента рождения – его необходимо воспитывать и культивировать с самого детства. Отсюда требование полномасштабного вмешательства государства в воспитание с целью формирования лояльных и законопослушных граждан – требование, чем-то напоминающее идеальное государство Платона» [2, с. 189].

Для нас многие моменты очевидны. Во-первых, поскольку право необходимо в государственно-организованном обществе (однажды возникнув, оно остается и можно смело прогнозировать не исчезнет в обозримом будущем), то, безусловно, существовало и будет существовать правосознание индивидов, социальных групп, общества, мирового сообщества. Во-вторых, в момент рождения и до определенного возраста правосознания нет и быть не может, так как у новорожденных, младенцев нет и не может быть никаких юридических знаний и лишь в детсадовском возрасте появляются крупинцы, фрагменты подобных знаний, например, элементарных правил дорожного движения. В-третьих, лояльное отношение подданных или граждан к государству, органам государственной и муниципальной власти – это задача минимум, так как государство и общество заинтересованы в активном правомерном поведении, в том, чтобы население было патриотами своей Родины, своего Отечества и готово было это доказать, в том числе с оружием в руках, защищая рубежи своей Отчизны.

«Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»

В 1918 г. И. А. Ильин защитил диссертацию на эту тему, получил степень доктора государственного права и звание профессора Московского университета [1, с. 498]. В. И. Кураев отмечает, что увлечение системой Гегеля нашло отражение в этой работе [16, с. 412]. В. Н. Жуков утверждает, что в произведениях И. А. Ильина «ощущается заметное влияние Г. В. Ф. Гегеля» и, по его мнению, Иван Александрович «написал одну из лучших работ на русском языке, посвященную Гегелю» [7, с. 832].

Доктор философских наук, профессор И. И. Евлампиев оценивает труд И. А. Ильина о Гегеле как одно из наиболее оригинальных сочинений не

только в отечественной, но и во всей европейской философии XX в. «В этой работе Ильин оказался подлинным *первооткрывателем* одного из самых влиятельных и оригинальных течений в европейской философии нашего столетия, очень по-разному преломившегося и в экзистенциальной философии М. Хайдеггера, и в неогегельянстве Ж. Валя, А. Кожева, Ж. Ипполита, и в «атеистическом» экзистенциализма Ж.-П. Сартра и А. Камю. Все эти столь разные философские школы объединяет одно и то же стремление – совершенно по-новому оценить положение человека в мире, по-новому понять его роль и судьбу в истории» [5, с. 6].

«Двухтомный труд о Гегеле, несомненно, является вершиной философского творчества Ильина, здесь соединяются в целостную концепцию идеи его ранних работ, отсюда расходятся линии его дальнейшего творческого развития», – утверждает И. И. Евлампиев [5, с. 9]. И. А. Ильин считает, «гегелевское Абсолютное Государство как такое духовное единство людей, в котором полностью преодолевается их конечность, остается нереализуемой утопией» [5, с. 9].

Во втором томе 16-я глава посвящена праву [11, с. 296–329], а 20-я – государству [11, с. 409–442].

После высылки И. А. Ильина из Советской России «его труд о Гегеле будет надолго забыт, даже само его имя делается запретным по эту сторону «железного занавеса», особенно после того, как оно станет легендарным в кругах русской эмиграции, – явившись олицетворением непреклонной борьбы с большевизмом, оказавшись навсегда связанным с идеологией белого движения» [5, с. 5–6].

Вузовский преподаватель

После захвата власти большевиками учебные заведения некоторое время продолжали работать, поэтому И. А. Ильин преподавал на юридическом факультете Московского университета. Он также читал лекции «в Коммерческом институте, на Высших женских Юридических и Историко-филологических Курсах, учрежденных В. А. Полторацким, и в Народном университете имени Шанявского» [20, с. 24]. После освобождения из-под ареста в августе 1918 в октябре указанного года доктор государственного права Ильин читал курс «Общей теории государства и права» в Народном университете имени Шанявского и вел там практические занятия по государственному праву. На Высших Женских Юридических и Историко-Филологических Курсах он читал лекции по таким дисциплинам как «Введение в философию», «Логика», «История философии права». Продолжал он преподавать в Коммерческом университете, где на его лекции приходило 2500 студентов, а также в Московском университете [20, с. 25].

Осенью 1921 г. все преподаватели философских дисциплин, не являющиеся членами РКП(б), были уволены с факультета общественных наук (так с 1919 г. стал именоваться юридический факультет) Московского университета и зачислены в штат созданного при университете Философского института. 1921/22 учебный год был его последним для И. А. Ильина в Московском университете. Он объявил два семинария «Философия Гегеля» и «О методе философии», которые были предназначены для 60 студенток и студентов, заканчивавших философское отделение филологического факультета. Вот что писал об этом впоследствии в своих мемуарах Ильин: «Я знал,

что им тут *все* будет странно, ново, опрокидывающее. <...> Постепенно, однако, атмосфера устанавливалась...», затем, по его оценке, она стала превосходной и занятия давали ему большое удовлетворение [20, с. 28–29].

Революции, уголовное преследование и депортация

Кандидат юридических наук, доцент, известный специалист по истории правовой мысли и теории государства и права М. В. Антонов, утверждает, что Ильин занимает враждебную позицию по отношению, как к Февральской революции, так и Октябрьской [2, с. 186]. Объяснение этому можно найти в том, что по своей политической позиции он «всегда оставался монархистом» [2, с. 187]. Доктор философских наук, доктор юридических наук В. Н. Жуков констатирует, что «Октябрьскую революцию Ильин встретил враждебно и навсегда оставался идейным врагом советской власти» [7, с. 832].

Во время нахождения в советской стране И. А. Ильин резко критиковал большевизм «и в его лекциях, прочитанных в студенческих аудиториях, и в публичных выступлениях в различных научных обществах, и в ряде брошюр, опубликованных в те годы, что и послужило причиной его неоднократных арестов», – отмечает В. И. Кураев [16, с. 405]. И. И. Евлампиев пишет, что столкновения Ильина с новой властью начались в 1918 г.: за этот год он был четыре раза арестован, в декабре его дело по обвинению в антисоветской агитации было рассмотрено революционным трибуналом, но ученый был оправдан за недоказанность обвинения [5, с. 5]. В апреле 1918 г. И. А. Ильин был арестован по подозрению в участии в контрреволюционной организации «Добровольческая армия», но вскоре был освобожден до суда. Процесс длился до декабря 1918 г., но благодаря умелой защите ученый был амнистирован. Как известно, осенью 1922 г. он был вновь арестован, осужден и выслан за границу. А. В. Поляков пишет, что И. А. Ильин после шести арестов в сентябре 1922 г. был выслан за рубеж [19, с. 813].

Заключение

Таким образом, в 1917–1922 гг. И. А. Ильин продолжал педагогическую и научную деятельность, защитил магистерскую и докторскую диссертации, опубликовал целый ряд работ, в том числе фундаментальны труд о Гегеле. Ученый проявлял политическую активность, не принял Октябрьскую революцию (а, по мнению некоторых исследователей и Февральскую), неоднократно подвергался аресту, был на волосок от смерти и спасла его высокая оценка В. И. Лениным работ Ильина о Гегеле, но был все-таки осужден и выслан из советской страны, что объективно уберегло, спасло его от сталинских репрессий и позволило продуктивно трудиться еще примерно 30 лет.

Оценки политико-правовых взглядов И. А. Ильина современной юридической наукой разноречивы: В. Г. Графский пишет о либерально-консервативном духе [4, с. 609], И. А. Исаев называет И. А. Ильина одним «из продолжателей неоконсервативной политической традиции в 30–40 гг.» [12, с. 340], третьи (М. В. Антонов и др.) отмечают монархизм и, как следствие, антибольшевизм мыслителя. Бесспорно, ученый был монархистом, поэтому вполне возможно его негативное отношение к свержению монархии. Широко известно его неприятие большевизма и Советской власти и, наоборот, симпатии к белому движению. Конечно, либерализм и монархизм трудно

совместимы, гораздо лучше монархическая идея сочетается с консервативной идеологией. Но И. А. Ильин ратует за духовного достоинство, уважение к себе и другим и считает это гарантией любого правового строя. Он также выступает за автономию индивидов, т. е. за неотъемлемую свободу как возможность выбора и решения, возможность иметь самостоятельное представление о добре и зле, возможность воспитывать свою волю; взаимное духовное признание одного человека другим и подчинение праву. Ученый, что логично, был противником произвола. Таким образом, в его воззрениях можно найти и либеральные элементы, фрагменты, по крайней мере, в работах 1917–1922 годов. Если и отмечать некоторый либеральный дух И. А. Ильина, то, по нашему мнению, все-таки корректней называть И. А. Ильина не либерально-консервативным мыслителем, а консервативно-либеральным.

Библиографический список

1. *Азаркин Н. М.* История юридической мысли России: курс лекций. М.: Юрид. лит., 1999. С. 497–505.
2. *Антонов М. В.* История правовой мысли России. Конспект лекций. С.-Петербург. филиал Нац. исслед. Ун-та «Высшая школа экономики». СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – С.-Петербург, 2012. 212 с.
3. *Графский В. Г.* История политических и правовых учений: учебник. 3-е изд., доп. М.: Норма, 2009. 736 с.
4. *Графский В. Г.* Политические и правовые учения в России во второй половине XIX – первой половине XX в. // История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М.: ИНФРА-М-Кодекс, 1995. С. 554–619.
5. *Евлампиев И. И.* Иван Ильин и его книга о Гегеле // Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. СПб.: Наука, 1994. С. 5–12.
6. *Егоров А. А.* Правосознание как базовый концепт построения юриспруденции (в трудах И. А. Ильина) // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 2 (32). С. 11–22.
7. *Жуков В. Н.* Политическая мысль русской эмиграции // История политических учений: учебник для вузов / под общ. ред. проф. О. В. Мартышина. М.: НОРМА: НОРМА-ИНФРА-М, 2002. С. 803–858.
8. Ильин // История политических и правовых учений. Ч. 2: Русская политико-правовая мысль: хрестоматия / сост. и автор вступительных статей В. В. Ячевский. Воронеж: изд-во Воронеж гос. ун-та, 2005. С. 809.
9. Ильин // История политических и правовых учений: хрестоматия / под ред. канд. филос. наук В. П. Малахова. М.: Академический Проект, 2000. С. 324–336.
10. *Ильин И. А.* Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 4.
11. *Ильин И. А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. СПб.: Наука, 1994. 544 с.
12. *Исаев И. А.* Идеи истоки и трагедия русской революции (И. Ильин) // Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. М.: Юрист, 1995. С. 340–344.
13. История политических и правовых учений: учебник / под ред. О. Э. Лейста. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. 688 с.
14. История политических и правовых учений: хрестоматия / под ред. канд. филос. наук В. П. Малахова. М.: Академический Проект, 2000. С. 324.
15. История политических учений. Ч. II. Учебник для студентов юридических институтов и факультетов / под ред. проф. К. А. Мокичева. М.: Высшая школа, 1972. С. 166–172, 280–283.

16. *Кураев В. И.* Философ волевой идеи // Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 404–414.
17. *Марченко М. Н., Мачин И. Ф.* История политических и правовых учений: учеб. пособие. М.: ТК Велби: Проспект, 2007. С. 357–364.
18. *Мачин И. Ф.* История политических и правовых учений: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 459 с.
19. *Поляков А. В.* Естественно-правовая теория И. А. Ильина // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. 2-е изд. СПб.: изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2015. С. 813–822.
20. *Томсинов В. А.* Иван Александрович Ильин (1883–1954): биографический очерк // Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 7–62.
21. *Фролова Е. А.* История политических и правовых учений: методологические проблемы соотношения юридической науки и учебной дисциплины // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2009. № 1. С. 70–80.
22. *Фролова Е. А.* История политических и правовых учений: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 528 с.

Информация об авторе / Information about the author

Поцелуев Евгений Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека, юридический факультет, Ивановский государственный университет, Почетный работник сферы образования Российской Федерации; г. Иваново, Россия, elp777@yandex.ru

Potseluev Evgenii Leonidovich – Candidate of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights Department of Ivanovo State University, Honoured Worker of Education of the Russian Federation; Ivanovo, Russia elp777@yandex.ru

ВЗГЛЯДЫ В. И. ЛЕНИНА КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового мировоззрения В. И. Ленина в контексте его воздействия на содержание советской юридической науки периода Гражданской войны. На основе изучения книг, статей, выступлений и законопроектов, в разработке которых принимал участие В. И. Ленин, в статье предпринята попытка рассмотреть его взгляды на происхождение, назначение, функционирование и судьбу права. Это позволило прийти к выводу, что в совокупности эти тексты представляют собой интертекст. В. И. Ленин разработал последовательную философско-правовую концепцию, которую можно отнести к интегративному правопониманию. Значительное влияние на его мировоззрение оказал не только марксизм, но и анализ российской социальной реальности. Именно последнее обусловило трансформацию его идей в сторону усиления нормативного начала в правовом регулировании и разработку концепции пролетарского права. Эти идеи активно поддерживались и пропагандировались в первые годы Советской власти представителями советской юридической науки, в т. ч. теми, кто занимал руководящие посты в советском государственном аппарате, в формировании персонального состава которого принимал участие В. И. Ленин.

Ключевые слова: советская юридическая наука, советское правопонимание, пролетарское право, В. И. Ленин, Гражданская война, П. И. Стучка, А. Г. Гойхбарг, Д. И. Курский.

A. V. Skorobogatov

V. I. LENIN'S IDEAS AS A PHILOSOPHICAL AND LEGAL BASIS OF SOVIET LEGAL SCIENCE DURING THE CIVIL WAR

Abstract. The article is devoted to the study of the legal worldview of V. I. Lenin in the context of its impact on the content of Soviet legal science during the Civil War. Based on the study of books, articles, speeches and bills in the development of which V. I. Lenin participated, the article attempts to consider his views on the origin, purpose, functioning and fate of law. This allowed us to conclude that, taken together, these texts represent an intertext. V. I. Lenin developed a consistent philosophical and legal concept. Theoretically, V. I. Lenin's ideas can be attributed to integrative legal understanding. His worldview was influenced by Marxism and the analysis of Russian social reality. This led to the development of the concept of proletarian law. These ideas were actively supported and promoted by Soviet lawyers.

Keywords: Soviet legal science, Soviet legal understanding, proletarian law, V. I. Lenin, Civil War, P. I. Stuchka, A. G. Goykhbarg, D. I. Kursky.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. и дальнейшие преобразования, проведенные ими во всех сферах жизни, привели к созданию нового пространственно-временного континуума, содержание которого в значительной степени было обусловлено не только нормативными установлениями, но

и ценностными ориентирами. Заложенные большевиками потенции государственно-правового развития оказались достаточно устойчивыми и определили транзитивную интенциональность эволюции государства и права России на последующее столетие. Это предполагает необходимость изучения государственно-правовых исследований не только онтологически, с учетом институциональных, нормативных и функциональных аспектов, но и аксиологически, на основе обращения к правовым принципам и правовой идеологии. Последнее направление обуславливает интерес к исследованию политико-правовых взглядов лиц, определяющих интеллектуальное движение российского общества. Применительно к первому периоду в развитии советского государства и права речь идет, в первую очередь, о Владимире Ильиче Ленине, который был не только лидером большевистской партии и руководителем советского государства, но и оказал большое теоретическое влияние на становление и развитие нового правового мировоззрения и новой правовой системы [52].

Хотя В. И. Ленин никогда не анализировал право как отдельный теоретический объект, его работы, тем не менее, содержат множество наблюдений и комментариев, относящихся к теории права. Творчески переработав идеи К. Маркса и Ф. Энгельса [56], он разработал собственную оригинальную правовую концепцию. По словам Д. А. Шелеста, концепция В. И. Ленина «становится “прометеевским” усилием “сшить” разрыв между существующей теоретической базой и революционным топосом России 1917 года» [54, с. 92]. При этом необходимо учитывать, что онтологически и гносеологически взгляды В. И. Ленина стояли на объективистской, материалистической точке зрения [15, с. 14]. Свои идеи о правовом и политическом развитии России он стремился максимально ориентировать на анализ современной социальной реальности. В значительной степени на его оценку правовых явлений в период Гражданской войны оказала влияние его государственная деятельность, обусловившая необходимость подчинения теоретических построений практическим задачам. Интерпретация правовых проблем в работах В. И. Ленина была вторична по отношению к политике. Главным было определение полезности/вредности права для социального развития, прежде всего, по отношению к пролетариату.

Сочинения В. И. Ленина, посвященные вопросам права, разнообразны и включают в себя многочисленные полемические заметки, выступления и замечания, высказанные как в собственно юридических или философско-правовых целях, так и по другим поводам развития и функционирования социальной реальности.

Большое значение для реконструкции правовой доктрины В. И. Ленина, игравшего ведущую роль в развитии и функционировании Советского государства в период Гражданской войны, также имеет значение анализ законодательства первых лет советской власти, в создании которого он принимал непосредственное и активное участие либо в качестве автора законопроектов, либо реализуя законодательную инициативу [13]. По словам А. Г. Гойхбарга, в 1918–1919 гг. возглавлявшего Отдел законодательных предположений и кодификации Народного комиссариата юстиции (Наркомюст) РСФСР – государственный орган, отвечавший за разработку законопроектов, «... ни один более или менее важный законопроект Советской власти с конца 1917 г. по начало 1922 г. (когда В. И. [Ленина. – А. С.] сразила болезнь) не мог миновать внимания Владимира Ильича при окончательном его утверждении. ...

в разработке всех важнейших проектов, которые проходили через комиссии, В. И. редко не принимал непосредственного и активнейшего участия» [3, с. 4].

Несмотря на различия цели, содержания и функционирования книг, статей, выступлений и законопроектов, в разработке которых принимал В. И. Ленин, в совокупности их можно рассматривать как единый интертекст, дающий представление о его взглядах на природу, назначение, функционирование и судьбу права в будущем. Именно в таком контексте и воспринимали его идеи современники, в т. ч. и первые советские юристы, опирающиеся на его взгляды в своих теоретических построениях.

Поскольку большая часть ленинских текстов в той или иной степени были написаны на «злобу дня», то обращение к его правовому наследию произошло практически сразу после его смерти [3; 38]. Однако это не означает, что его взгляды имели лишь перспективное значение для эволюции российской философии права. Значимость ленинской фигуры в теоретическом и практико-политическом смысле обуславливала обращение к его высказываниям по различным правовым вопросам и при его жизни. Сравнение взглядов В. И. Ленина и произведений советских юристов показывает не только сходство в рассматриваемых вопросах, но и значительное воздействие ленинских идей на интерпретацию правовых проблем в работах последних. Однако в отличие от последующего периода, когда работы В. И. Ленина были разобраны на цитаты, в первые годы советской власти его влияние носило не текстуальный, а ценностно-концептуальный характер, определяя принципы советского правотворчества и правоприменения. По словам Е. Н. Тонкова, «интуитивное право вождей и их сподвижников становилось основным источником права, формирующим правопорядок вопреки естественно-правовым представлениям о справедливости, позитивным нормам и устоявшимся социальным практикам российского общества» [53, с. 22].

Прежде всего, речь идет об углублении ленинских идей о пролетарском праве [20; 50]. Хотя в первые годы советской власти правоведа не цитировали прямо текст ленинских статей, они активно обращались к его идеям, в т. ч. тем, которые они могли услышать лично при общении с В. И. Лениным или слушая его многочисленные выступления, а не только прочитав в его работах (к тому же многие работы В. И. Ленина были атрибутированы и напечатаны лишь в 1960–1970-х гг. в Полном собрании его сочинений [43]). Традиция использования взглядов В. И. Ленина в качестве теоретической основы своих юридических построений появилась позднее, хотя уже в работах П. Б. Пашуканиса середины 1920 – начала 1930-х гг. встречаются многочисленные цитаты из ленинских работ [62].

Необходимо учитывать, что В. И. Ленин был юристом по образованию и имел опыт практической работы адвокатом (помощником присяжного поверенного в Самарской губернии). Это позволило ему подойти к правовым преобразованиям как в нормативном ключе, так и доктринально не только с политических позиций, обусловленных потребностями государственного строительства после прихода большевиков к власти, но и юридически, в контексте потребности в нормативном регулировании общественных отношений. Кроме того, необходимо учитывать, что юридическое образование позволило В. И. Ленину взглянуть на вопросы развития и функционирования правовой системы с учетом российского и зарубежного опыта. Хотя непосредственное использование сравнительно-правового метода в его работах не

распространено, опосредовано он отсылает своего читателя к негативным образам политической и правовой системы буржуазных государств.

Однако в отличие от К. Маркса [65, р. 371], отношение которого к праву было однозначно критическим, правопонимание В. И. Ленина более сложное [60]. Хотя в своих работах он активно использовал не только классические марксистские идеи, но и прямо ссылаясь на произведения К. Маркса и Ф. Энгельса [61], тем не менее учитывал, «что марксистское учение в большей степени задает стратегические ориентиры, нежели ориентирует на конкретные тактические действия по социалистическому преобразованию государства и общества, особенно в правовой сфере» [55, с. 130]. Взгляды В. И. Ленина на право были детерминированы двумя факторами.

Во-первых, в своих оценках сущности, назначения и роли права в регулировании общественных отношений он руководствовался марксистской идеей о классовой природе права и отмирании права в коммунистическом (бесклассовом) обществе. В. И. Ленин рассматривал право как остаточный, по существу буржуазный инструмент, который социалистическое государство обязано использовать до тех пор, пока оно остается неспособным достичь условий подлинного коммунизма [22, с. 94]. Эти идеи были поддержаны и российскими юристами большевистской ориентации. Так, А. Г. Гойхбарг, утверждал, что с уничтожением враждующих классов исчезнет необходимость в любом праве [8, с. 9]. П. И. Стучка по этому поводу добавлял, что буржуазное и пролетарское право имеют совершенно разное значение, и уничтожение классов, приведет к уничтожению лишь буржуазного права, основанного на принуждении буржуазного государства [50, с. 210].

Во-вторых, сделанные В. И. Лениным оценки права (особенно в его законодательном выражении) в значительной степени зависели от социально-политических условий, в которых писалось то или иное сочинение. Так, если до революции он однозначно критично относился к праву (буржуазному праву), поскольку оно защищало интересы буржуазии, то после прихода к власти его взгляды приобретают более сложный характер. Наряду с признанием необходимости пролетарского права (причем не всегда в нормативном выражении: наряду с декретами большое место в правовом регулировании должно было занимать революционное правосознание), В. И. Ленин много внимания уделил значению в регулировании общественных отношений и организации политической власти (в т. ч. в преодолении политико-правового наследия свергнутого режима) юридическим институтам, подчеркивая, что соблюдение советских законов является необходимым условием победы над классовым врагом [31, с. 155]. Эти идеи были поддержаны советскими юристами. Например, М. Ю. Козловский, говоря об упрощении структуры пролетарского права, отмечал, что в революционную эпоху «право не кодекс, не писанный свод законов; без всяких законов, без особых правил вооруженный народ борется со своими классовыми противниками» [14, с. 24].

Несмотря на однозначный курс на исчезновение права в коммунистическом обществе, в переходный период, по мнению В. И. Ленина, было необходимо уничтожить лишь прежнее, классовое, буржуазное право [22, с. 93]. Эти телеологические идеи получили развитие в работах советских правоведов. Так, по мнению Д. И. Курского, «отмена всех норм буржуазного права, единственная гарантия правосудия для городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» [17, с. 20].

В значительной степени такой подход к праву определил сложное отношение В. И. Ленина к юридическому образованию, юридической профессии и юридической науке. С одной стороны, речь шла о закрытии юридических факультетов и крайне негативном отношении к адвокатуре, но с другой – преподавание права стало необходимым элементом учебных программ вновь создаваемых факультетов общественных наук [12], а на руководящие посты в Наркомате юстиции (высшем государственном органе, ответственном за разработку не только советской правовой доктрины, но и конкретных законопроектов) были назначены профессиональные юристы, хотя и революционной ориентации [37].

В. И. Ленин не только лично знал лиц, имеющих юридическое образование и опыт профессиональной деятельности, которые работали в высших советских органах, но и активно использовал их интеллектуальные возможности для пропаганды советского права и принципов организации и функционирования общества трудящихся. Так, 11 декабря 1918 г. он поручил В. Д. Бонч-Бруевичу напечатать брошюру с Постановлением VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов» [40], проект которого был составлен В. И. Лениным [25], и комментариями к нему, подготовленными А. Г. Гойхбаргом [1, с. 295]. Брошюра была издана весной 1919 г. [4] и является чрезвычайно важной в контексте развития советского правопонимания. Охарактеризовав советские законы как выражение интересов «рабочего народа», А. Г. Гойхбарг потребовал их соблюдения ото всех граждан. При этом он подчеркивал, что нарушители законов будут «строго караться» [4, с. 11].

По нашему мнению, ленинские наброски этого постановления, сам текст постановления и комментарии к нему следует рассматривать в качестве единого интертекста, позволяющего исследовать не только отношение В. И. Ленина к революционной законности, но и официальное советское правопонимание периода Гражданской войны, а также рассмотреть личностно-организационное воздействие В. И. Ленина на формирование взглядов советских юристов в это время.

Несмотря на широкое использование марксистской методологии при анализе правовых явлений, градиент интерпретации В. И. Лениным правового развития в послереволюционные годы в первую очередь определялся не теорией, а практическими нуждами. В значительной степени это детерминировало, с одной стороны, максимальную практикоориентированность (в определенной степени политическую конъюнктурность) его взглядов и их экспликацию в советском законодательстве, а с другой – дихотомизм его теоретических построений, которые включали не только постановку цели (стратегического направления) правового развития, но и разработку конкретных шагов (тактики) в части трансформации правового регулирования общественных отношений [63].

При этом необходимо учитывать, что взгляды В. И. Ленина на право не ограничивались лишь его онтологическим аспектом, но и выходили на уровень аксиологии. С одной стороны, он достаточно детально анализировал содержание законодательства в буржуазном и советском обществе, выделяя в последнем не только негативные, но и позитивные черты особенно применительно к переходному к коммунизму периоду социализма и требуя от граждан неукоснительно соблюдать советские декреты [25, с. 129]. С другой стороны, при переходе к коммунистическому обществу соблюдение декретов

Советской власти как высшей формы пролетарского права являются ценностной категорией, определяющей не только достижение правопорядка, но и определяющей интенциональность коммунистического строительства и консолидацию социальных усилий в этом направлении, хотя в условиях Гражданской войны действие законов может быть ограничено чрезвычайными условиями борьбы с контрреволюцией [25, с. 129]. Ценностным отношением проникнута и трактовка В. И. Лениным революционного правосознания, которое фактически уподобляется справедливости [36, с. 302].

В то же время необходимо учитывать, что советские декреты первых лет советской власти носили весьма специфический характер, существенно отличаясь от законов буржуазного общества. Фактически речь шла о разработке новой формы права и об использовании нового права для конструирования новой социальной реальности, причем не только на функциональном, но и на ментальном уровне. При этом новое пролетарское право, формой которого и являлись декреты, с одной стороны, выступало экспликацией социального правосознания, а с другой – разумным средством конструирования новой реальности. Речь при этом шла о возможности с помощью разума воздействовать на общество с целью его революционного преобразования [59].

Во-первых, значительное число декретов, хотя и были облечены в нормативную форму имели декларативный характер. На это обращали внимание советские правоведы, отмечая, что недостаточная конкретность законов ведет к «возникновению целого ряда спорных вопросов, неправильному пониманию и извращению его революционного смысла», при этом подчеркивали, что советские декреты необходимо рассматривать не по отдельности, а в совокупности, поскольку они дополняют друг друга [58, с. 13]. Пониманию значения этих декретов в развитии и функционировании социальной реальности помогает телеологический подход. Целью большинства первых декретов было не столько создание новых норм, сколько пропаганда новых идей (хотя и в контексте социальных потребностей) и формирование новой массовой правовой культуры. На это указывал и сам В. И. Ленин в одном из выступлений на XI съезде РКП(б) в 1922 г.: «Центр внимания не в том, чтобы законодательствовать, лучшие декреты издавать и т. д. У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды» [32, с. 111]. Фактически они носили в большей степени не нормативный, а ценностный характер. В этом смысле первые советские декреты можно рассматривать как средство конструирования новой пролетарской идентичности, основанной не только на следовании нормам права, но и на осознании, что эти нормы выражают и защищают интересы трудящихся. В целом это позволяет утверждать, что для В. И. Ленина и советской юриспруденции главной была не легальность законодательства, а его легитимность.

Во-вторых, если буржуазное законодательство, будучи преимущественно основано на римском частном праве, основное внимание уделяло диспозитивному регулированию, то советское право было по большей части императивным и предполагало активную роль государства в регулировании общественных отношений [47]: «декреты, это – инструкции, зовущие к массовому практическому делу» [23, с. 198–199], «мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [26, с. 398]. Издаваемые Советской властью законы, будучи направленными на отмену буржуазного права и создание нового пролетарского права, должны

были по мнению В. И. Ленина, учитывать социальные потребности и являться экспликацией «творчества масс» [28, с. 56–57].

Это позволяет утверждать, что ленинские идеи, наряду с марксизмом, в качестве философского источника использовали архетип соборности, предполагающий ориентацию сознания на соблюдение правил, являющихся результатом конвенционального согласия в определенном сообществе, с которым себя идентифицирует индивид. В свою очередь это предполагало уничтожение частноправового начала в правовом регулировании, на чем акцентировал внимание А. Г. Гойхбарг при рассмотрении вопроса о реформе гражданского права [7]. Несколько позднее он добавлял, что отличительной чертой советского гражданского права является его принудительный характер [2]. Очень точно эти идеи А. Г. Гойхбарга в контексте развития советского правопонимания охарактеризовал Д. А. Пашенцев: «По его [А. Г. Гойхбарга] мнению, разделение права на частное и публичное ограничивает возможности государства вмешиваться в дела собственника, служит защите интересов последнего и тем самым способствует продолжению эксплуатации» [39, с. 23].

В этом смысле советские законы можно рассматривать в качестве вербализации правил, сложившихся в социальной практике, о чем применительно к Конституции РСФСР 1918 г. писал П. И. Стучка [48, с. 16]. Фактически речь шла о трансформации буржуазной идеи о народном суверенитете, в соответствии с которой единственным источником власти и права является народ [21]. Хотя ни сам В. И. Ленин, ни современные ему теоретики права и конституционалисты не употребляли этот термин, ленинский вариант теории народного суверенитета можно назвать теорией пролетарского суверенитета. Ленинская интерпретация этой идеи была воспроизведена в Конституции РСФСР 1918 г. [16] (ст. 7) и поддержана советскими правоведами [5].

Фактически В. И. Ленин объединил закон с революционной целесообразностью, которой много внимания уделялось в работах П. И. Стучки [49]. Однако речь шла не о законе вообще, а именно о советских декретах. Поэтому вполне оправданным с точки зрения не только политического момента, но и ленинской концепции права выглядит выдвинутое им в декабре 1917 г. требование беспощадного наказания за малейшие нарушения правил и законов социалистического общества [24, с. 201]. Не случайно П. И. Стучка в 1919 г. писал, что революция «торжественно бросает на костер все 16 томов «Свода законов Российской империи вместе с самой империей и ее империализмом» [50, с. 221]. Соблюдению подлежат только законы, установленные советской властью, поскольку они подчеркивают волю рабочего класса в установлении законности [51]. Однако ленинская концепция революционной законности была тесно связана с идеей революционной дисциплины. Большое внимание при этом уделялось не только форме и содержанию законодательства, но и его применению, прежде всего, контролю и надзору в этой сфере [27, с. 16]. Учитывая особенности социальной реальности России в годы Гражданской войны, В. И. Ленин признавал возможность временного характера законов: «Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется» [11]. Развивая эти идеи, А. Г. Гойхбарг утверждал, что советские законы, включая и кодифицированные акты, носили временный характер и принимались лишь на переходный период [6, с. 4].

Ленинский анализ права был основан на обращении к правосознанию, которое он рассматривал в качестве регулятора общественных отношений более высокого порядка, что нашло отражение в структуре и содержании Руководящих указаний по уголовному праву РСФСР [41] и активно продвигалось в жизнь представителями советской юридической науки, например, М. А. Рейснером [44]. Анализ развития пролетарского правосознания убеждал советских правоведов, что «развитие революции протекает в условиях поступательного прогресса» [35, с. 17] и замена законов революционным правосознанием является логичным этапом правового развития [19, с. 17–18]. Некоторых советских правоведов это даже убеждало в том, что советское право представляет собой «нормы живые, развертывающиеся» [34, с. 87]. Фактически речь шла об использовании идей Е. Эрлиха [57] в совершенно новых условиях.

Отмечая, что советские законы являются «идушими навстречу чаяниям и надеждам широких народных масс» [28, с. 56], проходящими в жизнь, ставящими своей задачей борьбу с эксплуататорами и требующими немедленного исполнения [29, с. 307], В. И. Ленин прослеживал их воздействие на общественные отношения с момента издания до упорядочивания общественных отношений в интересах трудящихся, подчеркивая единство норм права и правоотношений, которые возникали на их основе [30, с. 182]. Это обусловило особенности его отношения к законности и возможности использования законов для укрепления советской власти и диктатуры пролетариата. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В. И. Ленин подчеркивал, что «революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насильем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами» [33, с. 245]. Однако это не означало полного отрицания роли законов в правовом регулировании. Речь шла об отказе от норм именно буржуазного права причем лишь в чрезвычайных условиях диктатуры (т. е. временно). В то же время советское право оставалось действующим и в чрезвычайных условиях, хотя и приобретало специфические формы, в частности, находило выражение в правосознании пролетариата. Эти идеи получили развитие в работах советских юристов, которые подчеркивали, что законы хотя и необходимы, но лишь в переходный к коммунизму период времени [6, с. 4–5].

Анализ произведений Ленина позволяет утверждать, что центральное место в его идеях кануна Октября 1917 г. и первых лет советской власти занимает концепция диктатуры пролетариата, которая включала не только политические, но и правовые аспекты. Однако эта диктатура являлась для него не целью, а средством. Речь шла о создании переходного режима к коммунистическому строю. Эта концепция проявляется в творчестве В. И. Ленина в четырех связанных, но различных формах.

Во-первых, диктатура пролетариата должна была стать необходимым, строгим и быстрым завоеванием политической власти революционными силами, чтобы предотвратить восстановление старого порядка. В этом смысле это должна была быть исключительная, временная фаза, квазивоенная по своей природе, необходимая для обеспечения полного поражения предыдущего режима, но сама по себе не составляющая нового социалистического порядка. Чрезвычайные политические условия требовали и чрезвычайных мер в регулировании общественных отношений, главной задачей которого становилось подавление сопротивления прежде господствующих классов.

Поэтому вполне оправданной представлялась диктатура, «не связанная никакими законами» [33, с. 245]. Соответственно право этого времени виделось советским юристам средством подавления сопротивления меньшинства (прежде господствующих классов) большинством (трудящимися классами) [14, с. 24].

Во-вторых, диктатура пролетариата должна была включать требование В. И. Ленина о разгроме буржуазной государственной машины, и созданной ею правовой системы. Его ключевое утверждение здесь заключалось в том, что буржуазные институты не соответствуют целям революционных классов, захвативших власть [33, с. 244]. Он никогда точно не определял, почему буржуазное государство и право не соответствуют задачам пролетариата, хотя его позиция исходила из более широкого тезиса о том, что должен быть полный разрыв между всем историческим периодом капиталистического общества и периодом, знаменующим наступление социализма. Эта мысль нашла развитие в небольшой статье Д. И. Курского «Пролетарское право», написанной в 1919 г.: «Советской власти предстояло не только отменить отдельные законы, проникнутые духом царской охранки, но разрушить все от века существующие основы буржуазного общества и на их развалинах создать новое право, пролетарское коммунистическое право. Советская власть разрушила три института буржуазного права: старое государство, крепостную семью и частную собственность» [20, с. 58].

В-третьих, В. И. Ленин часто называл диктатуру пролетариата революционным периодом, который активно продвигал институты и социальные отношения для перехода от социализма к коммунизму. Поэтому принимаемые в революционный период законы были не только возможны, но и необходимы, но лишь на переходный период [33, с. 275, 320]. Раньше переходы между различными формами классового общества имели определенную институциональную и политическую преемственность, поскольку все они были диктатурами меньшинства против большинства. Напротив, социалистическая революция должна была быть совершена подавляющим большинством или от его имени, или и тем, и другим [33, с. 258]. Следствием этого было создание принципиально иного пролетарского права, не имевшего ничего общего с буржуазным [33, с. 185], что подчеркивали советские юристы [45, с. 120].

В-четвертых, под пролетариатом понимался не только рабочий класс, но и все трудящиеся [33, с. 256]. Это должно было означать, что издаваемые в интересах пролетариата нормативные правовые акты фактически были ориентированы на всех трудящихся. В этом смысле они не только противостояли буржуазному праву, но и фактически отрицали индивидуальный интерес в праве, характерный для буржуазного периода [33, с. 253]. Это рассматривалось советскими правоведами как важнейшее завоевание революции [17, с. 19].

По мнению Ч. Варги, при анализе правопонимания В. И. Ленина необходимо учитывать особенности языка советского законодательства, в разработке и принятии которого он принимал участие. Если в первые месяцы после прихода большевиков к власти язык декретов был декларативным, будучи призванным легитимизировать революцию и мобилизовать народ на целенаправленные свободные действия, то к марту 1918 г. декреты стали писаться бюрократическим языком, в значительной степени основанном на дореволюционном профессиональном стиле [64, р. 144]. Речь при этом шла о постепенном свертывании революционной «вольницы» и формировании правопорядка как необходимого условия организации населения в условиях

разворачивающейся Гражданской войны. Это свидетельствует о философско-правовой гибкости взглядов В. И. Ленина. С одной стороны, налицо трансформация правовых идей, обусловленная потребностями времени. С другой стороны, отказа от идеи диктатуры пролетариата, не связанной законом не произошло. Большое внимание в правовом регулировании уделялось не только нормативным правовым актам, но правоприменению, основанному на революционном правосознании. Последнее подтверждается анализом Декретов о суде [9; 10] и Постановлении СНК о красном терроре [42], которые апеллировали к ненормативным средствам поддержания правопорядка. Об этом же писал и Д. И. Курский при рассмотрении вопроса о реформе местных судов [18]. Хотя ни В. И. Ленин, ни советские правоведы этого времени не дали определение понятию «революционное правосознание», исходя из контекста их сочинений и первых советских декретов можно предположить, что имелись в виду опыт, взгляды и интуиция обычных, классово сознательных рабочих и крестьян, совершивших революцию, которые теперь должны были укомплектовать судебную систему.

Фактически речь шла о синтезе идей российского юридического позитивизма начала XX в. и психологической теории права Л. И. Петражицкого и их адаптации к современным российским реалиям на основе марксистской методологии. В этом смысле В. И. Ленин предвосхитил идеи М. А. Рейснера [46], но если последний пытался работать в рамках социологической парадигмы, то взгляды первого могут рассматриваться в качестве примера интегративной методологии.

Таким образом, взгляды В. И. Ленина, хотя и не выражены цельно в единой работе, а представляют собой интертекст, позволяют утверждать, что он разработал последовательную философско-правовую концепцию, которую можно отнести к интегративному правопониманию. Значительное влияние на его мировоззрение оказал не только марксизм, но и анализ российской социальной реальности. Именно последнее обусловило трансформацию его идей в сторону усиления нормативного начала в правовом регулировании и разработку концепции пролетарского права. Эти идеи активно поддерживались и пропагандировались в первые годы Советской власти представителями советской юридической науки, в т. ч. теми, кто занимал руководящие посты в советском государственном аппарате, в формировании персонального состава которого принимал участие В. И. Ленин.

Библиографический список

1. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6: Июль 1918 – март 1919. М.: Изд-во полит. лит., 1975. 666 с.
2. *Гойхбарг А. Г.* Базис и надстройка // Известия. 1921. 4 авг. № 161.
3. *Гойхбарг А. Г.* В. И. Ленин и советское право // Советское право. 1924. № 2 (8). С. 3–6.
4. *Гойхбарг А. Г.* Исполняйте законы Советской республики! М.; Пг.: Коммунист, 1919. 15 с.
5. *Гойхбарг А. Г.* О Советской конституции // Пролетарская революция и право. 1918. № 3. С. 3–14.
6. *Гойхбарг А. Г.* Первый кодекс законов РСФСР // Пролетарская революция и право. 1918. № 7. С. 3–9.
7. *Гойхбарг А. Г.* Пролетариат и гражданское право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата: сб. статей. М.: Госиздат, 1919. С. 221–230.

8. *Гойхбарг А. Г.* Пролетарская революция и гражданское право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 9–20.
9. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
10. Декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 г. № 3 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.
11. Заседание второе. 5-го июля 1918 г. // Пятый Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. С. 67–68.
12. *Иваненко В. С.* Перипетии трансформации университетского юридического образования в первый период Советской власти (1917–1920-е гг.) // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 4. С. 25–34. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).25-34.
13. *Ирошников М. П.* Становление советского декрета // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 6. Л.: Наука, Ленинград. отд., 1974. С. 58–78.
14. *Козловский М. Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 21–28.
15. *Кондрашов П. Н.* Социальная диалектика В. И. Ленина // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18, № 2. С. 10–35. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_2_10.
16. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
17. *Курский Д. И.* Гарантии правосудия и правосудие без гарантий // Пролетарская революция и право. 1918. № 7. С. 17–22.
18. *Курский Д. И.* Заметки о Народном Суде // Пролетарская революция и право. 1918. № 2. С. 18–22.
19. *Курский Д. И.* О едином народном суде (Речь, произнесенная на заседании ЦИУ) // Пролетарская революция и право. 1919. № 1 (11). С. 16–19.
20. *Курский Д. И.* Пролетарское право // Курский Д. И. Избранные статьи и речи / сост.: Г. Н. Амфитеатров, А. С. Курский, М. Л. Шифман. М.: Юриздат, 1948. С. 56–61.
21. *Курскова Г. Ю.* Идея народного суверенитета в западной политико-правовой мысли // Закон и право. 2008. № 9. С. 48–51.
22. *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1974. С. 1–438.
23. *Ленин В. И.* Из доклада о работе в деревне. 23 марта 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 38. М.: Политиздат, 1974. С. 187–206.
24. *Ленин В. И.* Как нам организовать соревнование? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 195–205.
25. *Ленин В. И.* набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 37. М.: Политиздат, 1974. С. 129–130.
26. *Ленин В. И.* О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1974. С. 396–400.
27. *Ленин В. И.* О международном и внутреннем положении Советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов. 6 марта 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1974. С. 1–16.
28. *Ленин В. И.* Ответ на запрос левых эсеров [Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 56–57.
29. *Ленин В. И.* Ответы на записки [Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд. 5–30 января (18 января – 12 февраля) 1918 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 306–310.
30. *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1974. С. 165–208.
31. *Ленин В. И.* Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1974. С. 151–159.

32. Ленин В. И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта [XI съезду РКП(б)] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1974. С. 69–117.
33. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 37. М.: Политиздат, 1974. С. 235–338.
34. Молочков А. На тему о социальных нормах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1 (11). С. 80–103.
35. Молочков А. Поступательный прогресс (О проекте Советской Конституции, разработанном коллегией Народного Комиссариата Республики) // Пролетарская революция и право. 1918. № 5-6. С. 17–20.
36. Никулин В. В. Революционная теория права: Мировоззренческие истоки большевистской концепции права // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 8 (100). С. 300–304.
37. Олейник И. И., Олейник О. Ю. Политика Советского государства в отношении юридической интеллигенции (1917–1920 гг.) // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 90–110.
38. Панферов А. И. Ленинизм и право // Право и суд. 1924. № 2. С. 1–17.
39. Пащенко Д. А. Особенности развития советского гражданского права на начальном этапе (1917–1922) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 22–27. DOI: 10.18384/2310-6794-2017-4-22-27.
40. Постановление VI Всероссийского Чрезвычайного Съезда Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов о точном соблюдении законов. 8 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 90. Ст. 908.
41. Постановление Народного комиссариата юстиции от 12.12.1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
42. Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 г. «О красном терроре» // СУ РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.
43. Предисловие к полному собранию сочинений // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. VII–XVII.
44. Рейснер М. А. Основы Советской Конституции. М.: Изд. Академии Генштаба РККА, 1920. 238 с.
45. Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.: Госиздат, 1925. 275 с.
46. Скоробогатов А. В. Развитие советского правопонимания в период новой экономической политики // Историко-правовой ежегодник – 2022 / ред. кол.: Д. А. Пашенцев, А. А. Дорская, М. В. Залоило и др. М.: Инфотропик Медиа, 2023. С. 52–76.
47. Скоробогатов А. В., Рыбушкин Н. Н. Конструирование уголовно-правовых запретов как направление уголовно-правовой политики в первые годы советской власти // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2022. Т. 164. Кн. 4. С. 134–154. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.4.134-154.
48. Стучка П. И. Конституция гражданской войны // Пролетарская революция и право. 1918. № 3-4. С. 15–21.
49. Стучка П. И. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 3–7.
50. Стучка П. И. Пролетарское право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата: сб. статей. М.: Госиздат, 1919. С. 210–220.
51. Стучка П. И. Районный сепаратизм // Известия. 1918. 6 июля. № 140.
52. Сырых В. М. В. И. Ленин – основоположник советского права и правосудия // Российское правосудие. 2020. № 4. С. 5–15.
53. Тонков Е. Н. Подходы к пониманию права в ранний советский период // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер.: Естественные, общественные науки. 2023. Вып. 3. С. 18–24.

54. *Шелест Д. А.* «Государство и революция» В. И. Ленина как доктринальное обоснование революционного переустройства общества // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 5. С. 89–93.
55. *Шенталин А. А.* Формирование квазимарксистского правопонимания в советской юридической науке в 1920–1930-е гг. // Lex russica. 2022. Т. 75, № 4. С. 128–142. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.185.4.128-142.
56. *Шульц Э. Э.* Теория революции Ленина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 137–144. DOI: 10.17223/15617793/478/17.
57. *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.
58. *Яблонский А.* Основные начала семейного права // Пролетарская революция и право. 1918. № 7. С. 10–16.
59. *Beer D.* Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930. Ithaca, London: Cornell University Press, 2008. x+229 p.
60. *Burbank J.* Lenin and the Law in Revolutionary Russia // Slavic Review. 1995. Vol. 54, No. 1. P. 23–44.
61. *Head M.* Revolution, Lenin, and law // O’Connell P., Özsü U. (eds.) Research Handbook on Law and Marxism. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. P. 77–97.
62. *Pazello R. P.* O Lênin de Pachukanis: reflexões jurídico-insurgentes a propósito de um duplo centenário // InSURgência: revista de direitos e movimentos sociais. Vol. 10 (2). P. 89–139. DOI: 10.26512/revistainsurgencia.v10i2.54539.
63. *Pazello R. P., Ferreira P.* Tática e estratégia na teoria política de Lênin: aportes para uma teoria marxista do direito // Verinotio. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 126–151.
64. *Varga C.* Lenin and the Law: A Case-study on the Borders of Legal Normality // Central European. Political Science Review. 2019. Vol. 20. No. 75. P. 131–179.
65. *Vincent A.* Marx and law // Journal of Law and Society. 1993. Vol. 20. No. 4. P. 371–397. DOI: 10.2307/1410207.

Информация об авторе / Information about the author

Скоробогатов Андрей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия, av.skorobogatov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

Skorobogatov Andrey Valerievich – Doctor of Historical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (EIML), Kazan, Russia, av.skorobogatov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-5367, Web of Science Researcher ID: J-4391-2016

УДК 340.158

*С. П. Коваль***ВЕДУЩАЯ РОЛЬ Д. И. КУРСКОГО В ФОРМИРОВАНИИ
И РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ПРОЛЕТАРСКОГО ПРАВА**

Аннотация. В первые годы советской власти в России использовалась концепция пролетарского права, которая была создана юристами-большевиками, в том числе Д. И. Курским (Народный комиссар юстиции РСФСР). В статье анализируется сущность данной концепции. Исследуются акты периодов «военного коммунизма» и новой экономической политики, в которых воплощены основные положения концепции пролетарского права. Особое внимание уделяется декрету Совета Народных Комиссаров «О суде» № 1 от 22.11.1917 г. и Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. Изучается деятельность Д. И. Курского по развитию гражданского, семейного, уголовного и процессуального права. Обращено внимание на проблематику заимствований из дореволюционного отечественного и зарубежного права. Делается вывод, что концепция пролетарского права, представляла собой разновидность социологической концепции права, практическую реализацию которой и пытались осуществить первые советские юристы, среди которых ведущую роль играл Д. И. Курский.

Ключевые слова: советское право, советская власть, концепция, закон, декрет, право, советское государство, большевики.

*S. P. Koval***THE LEADING ROLE OF D. I. KURSKY IN THE FORMATION
AND IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF PROLETARIAN LAW**

Abstract. In the early years of Soviet power in Russia, the concept of proletarian law was used, which was created by Bolshevik lawyers, including D. I. Kursky (People's Commissar of Justice of the RSFSR). The article analyzes the essence of this concept. The acts of the periods of "war communism" and the new economic policy, which embody the main provisions of the concept of proletarian law, are studied. Special attention is paid to the decree of the Council of People's Commissars "On the Court" No. 1 dated 11/22/1917 and the Criminal Code of the RSFSR of 1922. The work of D. I. Kursky on the development of civil, family, criminal and procedural law is studied. Attention is drawn to the problem of borrowings from pre-revolutionary domestic and foreign law. It is concluded that the concept of proletarian law was a kind of sociological concept of law, the practical implementation of which was attempted by the first Soviet lawyers, among whom D. I. Kursky played a leading role.

Keywords: Soviet law, Soviet power, concept, law, decree, law, Soviet state, Bolsheviks.

Вопросы, связанные с правопониманием являются актуальными в настоящее время, потому что от теоретического понимания права зависит качество законодательства, качество подготовки будущих юристов и результативность юридической практики. Результаты развития теории права показывают, что содержание правовых концепций формируются с учетом

© Коваль С. П., 2024

2024. Вып. 2 •

общественной и политической ситуации в стране в определенный период времени, на основе мнения о происходящем ведущих ученых-правоведов. Особый интерес представляют взгляды о правопонимании в период создания права молодого советского государства. После октябрьских событий 1917 г. созрела необходимость создания права нового типа на основе марксизма, который был официальной идеологией советской власти. Первая концепция советского права – это концепция пролетарского права, ведущим автором которой был Д. И. Курский.

В концепции пролетарского (советского) права и революционной законности юридическое содержание права подменялось идеологическим. Согласно основным положениям данной концепции, право рассматривалось как средство подавления меньшинства «трудящимся большинством». В случае реальных угроз социалистической революции была предусмотрена возможность временного отказа от законности и замены ее «революционной целесообразностью». Воплощение в жизнь положений этой концепции привело к упразднению многих правовых институтов и ограничению прав граждан во многих сферах жизни. Отход от традиционного правопонимания к новой его сущности, основанной на классовом подходе, противопоставление законности и целесообразности, оправдание насилия ради интересов революции привело к деформации правосознания. Советская практика «красного террора» в годы гражданской войны медленно, но уверенно формировала его новый тип [5, с. 42].

Право Советского государства не было однородным, оно прошло несколько этапов формирования, которые связаны не только с изменением социально-политической обстановки, но и со сменой правовых концепций. Ленинская и сталинская концепции имели отличия по некоторым позициям. На основе ленинской концепции было создано пролетарское право, которое затем было заменено социалистическим правом, основанным на сталинской концепции. Изменения касались основных идей, правовых взглядов и теорий, судебной системы, что привело к изменению правосознания народа.

Особенный признак пролетарского советского права – это его классовый (неправовой) характер, который законодательно был закреплен в 1919 г. в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР. О классовом подходе как о важном принципе организации государственно-правовой жизни в РСФСР заявлено было значительно раньше. Конституция РСФСР 1918 г. в своем содержании закрепила советскую пролетарскую республику, основанную на основных положениях пролетарского права.

Пролетарское право, которое получило окончательное оформление в 1918 г. (в связи с принятием Конституции РСФСР 1918 г.), возникло на базе российского имперского и буржуазно-республиканского права. Среди источников права в данный период рассматриваются российские имперские законы, акты Временного правительства, не отмененные советской властью, первые акты государственных органов советской власти и революционное правосознание, совесть народных масс. В условиях отсутствия систематизированного права в первые годы советской власти именно юридическая практика формировала ответы на множество правовых вопросов теоретического содержания и устанавливала правила разрешения правовых коллизий. Отразив революционный переворот в отечественной правовой системе пролетарское право утверждало особое отношение к праву, обращаясь непосредствен-

но к его классовой сущности, и ориентировало советских юристов на конструирование данного явления не только нормативно, но и доктринально.

Право советского государства традиционно развивалось в контексте марксистско-ленинской идеологии. Но спорным является вопрос о том, существовали ли вообще в первые годы советской власти правовая концепция и сложившаяся правовая система. Некоторые ученые считают, что изначально советское право не имело заранее продуманной концепции, и развивалось экспериментально, путем проб и ошибок. Но основные руководящие идеи, определяющие правовые установки и особенности реализации норм права, все же были. Основными идеологами большевиков в отношении права были В. И. Ленин и Д. И. Курский (а также теоретики и практики советского права – П. И. Стучка, А. А. Сольц, Е. Б. Пашуканис). На идеях данных представителей была основана концепция пролетарского права. Эта концепция просуществовала до начала 1930-х гг. [2, с. 10].

Дмитрий Иванович Курский – выпускник юридического факультета Московского университета. Он выделялся среди советских юристов 1920-х годов тем, что его идеи основывались на его практической работе, поэтому изучение его трудов позволяет понять, как развивалось советское право в первые годы советской власти. В данный период государственным органом, который готовил законопроекты, был Народный комиссариат юстиции РСФСР, во главе которого с 1918 по 1928 г. стоял Курский. Курский писал, что Народный комиссариат юстиции проводит серьезную законодательную работу в области материального права. Народный комиссариат юстиции давал ряд руководящих указаний, инструкций, которые позволили уяснить точку зрения советской власти на соответствующий вопрос и нейтрализовали множество всяких обходов закона. Д. И. Курский считал, что первой основой пролетарского права стал Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. Он утверждал, что революционные события октября 1917 г. привели к серьезной перестройке судостроительства и судопроизводства, к ликвидации его прежней классовой основы. В работе судов решающий голос должны иметь только рабоче-крестьянские представители в лице народных заседателей, которые обязательно избирались Советами. Д. И. Курский к принципу несменяемости судей относился отрицательно. Он считал, что в советском государстве не может быть столкновения интересов частных предпринимателей и государства, не могут возникать судебные споры, могут решаться только вопросы об организации производства и распределения.

Декрет № 1 о суде узаконил ликвидацию судебной системы царского режима. Большевики не предусматривали какую-либо модернизацию юстиции, и лишь сложившаяся обстановка вынудила предпринимать активные шаги в этом направлении. По воспоминаниям советских судебных чиновников, после принятия Декрета № 1, деятельность судьи не была престижной. Она считалась второстепенной, несерьезной и лучших на эту работу не брали. К середине ноября 1917 г. стало очевидно, что государственные служащие не собираются сотрудничать с советской властью. В Петрограде, в первые годы советской власти, некоторые суды еще выносили свои решения от имени Временного правительства, что расценивалось большевиками как антисоветская деятельность. Д. И. Курский при формировании новых судебных органов в г. Москве, писал об усилении после октябрьской революции нежелания многих царских судебных чиновников надлежаще исполнять свои обязанности [6, с. 102].

На заседании Центрального исполнительного комитета (ЦИК) 10 ноября 1917 г. с важной информацией о новых судах выступил Д. И. Курский. На следующий день опубликовали его статью, в которой излагались основное содержание Декрета № 1 о суде. Декрет № 1 был принят Советом Народных Комиссаров 22 ноября 1917 г. Необходимость принятия данного декрета обосновывалась следующими причинами:

- наведение революционного порядка;
- урегулирование споров и придание легитимности новой власти;
- подтверждение права советской власти на применение репрессий за нарушение устанавливаемых норм права, оформлявших советскую государственность.

Декрет № 1 носил межотраслевой характер. Содержание данного правового акта составляли нормы о судоустройстве, а также нормы процессуального права. Декрет, где-то был похож на Русскую Правду, не было четких понятий, противоправность деяния определялась представлениями тяжущихся сторон о нарушенном праве и правомочных органов, разрешавших спор. Декретом закладывалась полисистемность юстиции, которая была присуща дореволюционному периоду, например, создание полковых судов как аналога местных судов в армии (ст. 2); учреждались революционные трибуналы (ст. 8); формирование третейских судов для разрешения гражданских дел (ст. 6). Особо отражены в Декрете № 1 вопросы регламентации организации института местных судов (замещались мировые суды).

В 1919 г. Д. И. Курский в статье «Пролетарское право», утверждал, что Советам предстояло отменить отдельные законы, проникнутые духом царской охранки, а также разрушить все существующие основы буржуазного общества и на их развалинах создать новое пролетарское коммунистическое право. Советская власть разрушила три института буржуазного права: старое государство, крепостную семью и частную собственность. Данная статья дала название главной концепции права в первые годы советской власти, которая получила название как концепция пролетарского права. Весомый вклад в разработку данной концепции вместе с Курским внесли юристы – большевики – П. И. Стучка и Н. В. Крыленко. Изучая стенографические отчеты ВЦИК можно выяснить, в разработке каких законопроектов принимал участие Д. И. Курский. Например, 17 февраля 1919 г. ВЦИК рассмотрел вопрос о реорганизации Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) и революционного трибунала. Докладчиком был глава ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Он высказал мнение, что в новых условиях необходимо менять методы борьбы с контрреволюцией. Курский по этому вопросу активно участвовал в прениях. Он инициировал вопрос о недопустимости совмещения членства в революционных трибуналах и в чрезвычайных комиссиях. Против данной инициативы выступил В. А. Аванесов. Он считал, что в пролетарском государстве произошел явный отход от прошлых традиций юстиции. Затем проект был передан в Президиум ВЦИК. Потом данный документ рассматривался на заседании ВЦИК VI созыва 30 марта 1919 г. Курский информировал ВЦИК, что проект обсуждался в особой комиссии Народного комиссариата юстиции и в Президиуме ВЦИК.

В Наркомате юстиции хотели конкретнее сформулировать задачи и полномочия революционных трибуналов, а в Президиуме ВЦИК фракция большевиков предложила определиться с подсудностью в общих терминах. Курский, поддержал точку зрения Президиума и выступил о том, что без

точной формулировки полномочий революционный трибунал успешно выполняет свои функции, которые необходимы для того, чтобы точно определить подсудность. В итоге ВЦИК после голосования поддержал точку зрения Курского. Мнение Курского относительно законодательной регламентации деятельности революционного трибунала претерпело изменения. Если в начале он предлагал детализировать регулирование деятельности данного чрезвычайного органа, то при окончательном обсуждении поддержал точку зрения фракции большевиков Президиума ВЦИК и выступил против позиции своего ведомства.

В первые годы советской власти Народный комиссариат юстиции РСФСР во главе с Курским работал под непосредственным руководством В. И. Ленина, который был Председателем Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР. Ленин часто выступал с инициативой о разработке того или иного правового акта и давал соответствующие указания Д. И. Курскому. 8 мая 1918 г. был принят декрет СНК о взяточничестве. Издание данного декрета – это была инициатива В. И. Ленина. Московский трибунал 3 мая 1918 г. вынес явно мягкую меру наказания по уголовному делу в отношении сотрудников Московской следственной коллегии по взяточничеству. По инициативе В. И. Ленина ВЦИК пересмотрел данное дело и 3 обвиняемых были приговорены к 10 годам лишения свободы. Ленин позже пишет Д. И. Курскому письмо о том, что необходимо тотчас внести законопроект, в котором наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки) должны быть не ниже десяти лет лишения свободы и десяти лет принудительных работ [7, с. 207].

Концепция пролетарское право активно реализовалась в годы гражданской войны и нашла своё отражение во многих правовых актах, регулирующих проведение мероприятий политики «военного коммунизма». При проведении данной политики через законодательные акты Д. И. Курский выступал как верный соратник Председателя Совета народных комиссаров В. И. Ленина. Возникает вопрос о том, как же Курский, который получил высшее юридическое образование до революции в МГУ, активно участвовал в формировании правовых актов, регулирующих проведение политики «военного коммунизма». Считаю, что Курский в первую очередь был большевик и как преданный член ВКП(б) он старался подвести теорию права под нужды политики советского государства. Два первых советских кодекса – Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния (КЗАГС) и Кодекс законов РСФСР о труде, подготовленные Народным комиссариатом юстиции РСФСР под руководством Курского, имели высокий уровень юридической техники. Данные кодексы заложили основы двух отраслей советского права – семейного и трудового. Курский лично сам представлял проект КЗАГС на рассмотрение и утверждение ВЦИК 16 сентября 1918 г. В своем выступлении он уточнил, что данная систематизация проведена с использованием положений первых декретов советской власти, которые были посвящены семейно-брачным отношениям. Д. И. Курский отмечал, что это законодательство переходного периода. Он признавал, что в данном кодексе имеются явные отступления от классового подхода.

Период новой экономической политики, который начался после окончания гражданской войны, выделялся необходимостью восстановления народного хозяйства и внедрением элементов рыночной экономики. Важнейшей задачей, которая стояла тогда перед советским государством, было

укрепление революционной законности. Восстановление товарно-денежных отношений потребовало развития советского права, в частности создания советского гражданского права. В январе 1922 г. Курский выступил с докладом на IV съезде деятелей советской юстиции о задачах советского правосудия, где были конкретизированы задачи и функции советского суда и прокуратуры. Для утверждения законности требовались конкретные законы, поэтому он говорил: «Необходимо иметь твердую и в достаточной степени разработанную систему норм, чтобы не только говорить о революционной законности, но и проводить ее в жизнь» [4, с. 830]. В 1922 г. Курский стал первым прокурором РСФСР, оставаясь при этом и Народным комиссаром юстиции. В 1921 г. он стал членом Президиума ВЦИК, а в 1922 г. Курский вошел в состав Президиума ЦИК СССР. Будучи членом данного государственного органа, он сыграл важную роль в законотворческой деятельности. Курский принимал активное участие в создании и развитии советского трудового, семейного, гражданского, уголовного и процессуального права.

Особенно активно Д. И. Курский участвовал в развитии советского уголовного права. В 1919 г. в статье «Новое уголовное право» Курский утверждал, что уголовное право в большей степени развивается благодаря деятельности народных судов. Он утверждал, что история права знает такие моменты, когда судья может взять на себя функции своего рода законодателя и правотворческая роль народных судов может стать очевидной. При этом утверждалось, что никаких уголовных законов пролетарский суд не имеет, а в изданных уже декретах содержится очень мало норм, запрещающих те или иные деяния под страхом наказания. Д. И. Курский считал, что речь идет не о допущении правотворчества судов, как в странах общего права и признание революционного правосознания судей в первые годы советской власти было вынужденной мерой, так как уголовный кодекс отсутствовал. Хорошо зная первые декреты советской власти в сфере уголовно-правовых отношений, Курский отмечал, что они фиксируют внимание судов на наиболее опасных деяниях, давая общие указания, предоставляя судам всю индивидуализацию преступлений и определение того, какое деяние подлежит уголовной репрессии.

Данная правовая неопределенность была явлением временным. Д. И. Курский называл следующие виды преступлений, которые должны были войти в Особенную часть советского уголовного кодекса: преступления против личности, преступления против рабоче-крестьянского правительства, нарушение порядка прохождения военной службы, имущественные преступления, нарушение постановлений о налогах, о почте и телеграфе, об охране научных и художественных ценностей.

С января 1921 года по май 1922 года в Народном комиссариате юстиции РСФСР активно велась работа по созданию проекта первого советского уголовного кодекса. По итогам работы над проектом уголовного кодекса 5 мая 1922 г. Курский выступил с докладом на III сессии ВЦИК 9-го созыва. Он дал разъяснения позиции Народного комиссариата юстиции по данному проекту. В своем выступлении Д. И. Курский особо выделил принцип классовости советского уголовного права. Он утверждал, что уголовный кодекс определяет преступления, как опасные для советского строя явления и борьба с преступлениями не должна строиться на началах мести и устрашения, т. е. на тех началах, на которых основывал свою работу мир буржуазного уголовного права. В концепции пролетарского права устрашение как цель уголовной

политики советского государства всегда отвергалось. Продвигалась перспектива особого рода преступлений – контрреволюционных преступлений. Содержание декрета ВЦИК от 6 февраля 1922 г. о создании Государственного политического управления при Народном комиссариате внутренних дел (один из авторов Курский) свидетельствует о том, что теперь с контрреволюционными преступлениями советская власть будет бороться только при помощи закона. Изучая данные о преступности за 1921 г., которые озвучены в докладе Курского, можно увидеть, что на долю контрреволюционных преступлений приходилось лишь 1 %, имущественные преступления составляли 40 %, мелкие правонарушения – 18 %, воинские – 15 % и преступления против личности – 11 %.

Уже в 1922 г. борьба с контрреволюционными преступлениями не была важной задачей уголовной политики советского государства. Включение контрреволюционных преступлений в Особенную часть нового Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР) явилось одним из проявлений принципа классовости в советском уголовном праве. Понятие контрреволюционных преступлений была сформулировано В. И. Лениным. Под этим он понимал агитацию, участие в организации и содействии помощи той части буржуазии, которая не признает приходящей на смену капитализму коммунистической системы собственности и стремится к насильственному свержению советского строя путем интервенции, блокады, шпионажа или финансирования прессы и т. д. В. И. Ленин 17 мая 1922 г. при обсуждении проекта Уголовного кодекса во ВЦИК писал Курскому: «Несмотря на все недостатки черновика необходимо выставить принципиальное и политически правдивое положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас. Только революционные правосознание и совесть будут основой применения террора на деле» [1, с. 18].

В противоположность буржуазному уголовному закону с его принципом «нет преступления и наказания без указания на то в законе» Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (статья 6) закрепил материальное, классовое определение преступления как деяния, угрожающего основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью. В качестве главной задачи УК РСФСР (статья 5) закрепил правовую защиту государства от преступлений и от общественно опасных элементов. В ст. 10 УК РСФСР была закреплена аналогия закона для деяний, которые отсутствуют в содержании Уголовного кодекса. Аналогия закона была отмечена как важная идея в советском уголовном праве еще в период его становления. Д. И. Курский на III сессии ВЦИК 9-го созыва в мае 1922 г. привел доводы для обоснования аналогии закона. Он утверждал, что уголовный закон не в состоянии объять все уголовные деяния и если мы хотим эффективно бороться с опасными для советского строя явлениями, то необходимо иметь положения, которые дают возможность судье действовать по аналогии. СНК РСФСР и Президиум ВЦИК не в состоянии реагировать оперативно на явления, которые возникают в жизни. Также было добавлено, что возникнут пробелы и появится необходимость властно суду вмешиваться, чтобы парализовать опасные деяния, а не дожидаться, пока будут приняты необходимые правовые нормы.

Для принятия решений по данным делам в судах Курским признавались не только положения соответствующих законов, но и революционное

правосознание судей. Для содержания концепции пролетарского права было характерно мнение о том, что содержание права, основанное на принципах классового подхода, было важнее, чем форма права. Судебная практика была основным показателем эффективности правового регулирования. Он утверждал, что народные суды – это в основном суды уголовной юрисдикции. Например, народные суды в г. Москве за первое полугодие 1919 года приняли к своему производству 46 тысяч дел и из этого количества 31 тысяча уголовных дел. Утверждение о том, что правосознание судей является источником права, объясняется тем, что в первые годы советской власти право находилось на стадии становления и законов не хватало. Советская государственная и правовая системы не могли развиваться на пустом месте, без опоры на исторический, многолетний опыт государственного строительства, правотворческой и правоприменительной деятельности в стране. При формировании советского права использовался дореволюционный отечественный опыт и зарубежное право, и, хотя Курский называл пролетарское право новым правом, в нем осталось много черт от старого права.

В юридической литературе первых лет советской власти выделяется проблема заимствований при создании советского уголовного права. Явным заимствованием из российского буржуазного права явились структура и юридическая техника уголовного закона. УК РСФСР 1922 г. состоял из общей и особенной части. УК РСФСР предусматривал санкции за конкретные преступления, что серьезно ограничивало судебское усмотрение, которое широко практиковалось в годы гражданской войны. Авторы первого советского уголовного закона учитывали и использовали опыт разработки и содержание Уголовного уложения Российской империи 1903 г. Данное уложение оценивается с точки зрения юридической техники чрезвычайно высоко. Многие ученые считают, что его текст ознаменовал собой вершину двадцатилетних дискуссий. Российский кодекс послужил эталоном для правовой реформы в Германии, в Австро-Венгрии и других европейских государствах. Например, П. Соломон утверждал, что большевики отрицательно относились к заимствованиям из буржуазного права, но не могли полностью отвергнуть дореволюционные положения из-за их значимости.

Если сравнить содержание УК РСФСР 1922 г. и Уголовного уложения 1903 г. то можно сделать вывод о том, что последовательность изложения Особенной части советского УК лишь отчасти повторяет структуру дореволюционного Уложения. Правовая терминология царского уголовного закона использовалась, например, для закрепления форм вины. В УК 1922 г. имеются новеллы, например, глава о контрреволюционных преступлениях. Авторы старались закрепить классовый подход в положениях УК РСФСР 1922 г., но на IV съезде деятелей советской юстиции в январе 1922 г. как одну из проблем уголовного закона РСФСР отмечали слабую выраженность классовости [3, с. 106].

Концепция пролетарского права развивалась на основе положений социологической теории. Видными представителями данной теории в дореволюционной России были С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов и т. д. Социологическая теория нашла свое отражение в «Руководящих началах уголовного права», изданных НКЮ РСФСР в 1919 г., где впервые появилось легальное определение советского права, автором которого был П. И. Стучка. В ст. 1 «Руководящих начал...» закреплялось: «Право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам

господствующего класса и охраняемая организованной силой его». Для выражения классового подхода в уголовном праве, использование одних отечественных разработок оказалось мало, поэтому пришлось обратиться к зарубежным теориям. Применялась антропологическая теория опасного состояния личности. Видными представителями данной теории были Ф. Лист, А. Принс, Р. Гарофало. Не все советские ученые считали, что данная теория может пригодиться для нужд Советского государства. Например, анализируя проект общей части УК, И. Славин в 1922 г. пытался доказать, что теория опасного состояния противоречит классовым интересам Советского государства. Он считал, что данный подход не может достичь необходимой цели и будет направлен против трудящихся, которые из-за сложного материального положения совершают большинство имущественных преступлений. На содержание положений Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. оказали влияние не только классическая теория буржуазного права, но также социологическое и антропологическое направления науки уголовного права. Главная цель данных заимствований – это обоснование и конкретное закрепление классового подхода в содержании уголовного закона.

Если сопоставить взгляды Д. И. Курского с нормами советского права, закрепленными в законодательстве того времени, то можно сделать вывод, что большинство его идей получили воплощение во многих советских законах. Д. И. Курский высказывал свои идеи о советском праве по мере необходимости создания того или иного нормативного правового акта. Его взгляды отличаются большим реализмом, чем взгляды других представителей концепции пролетарского права, например, Стучки и Крыленко. Они часто выдавали положения, которые были оторваны от правовых реалий, исходя из умозрительного тезиса, что по мере развития социализма и построения коммунизма право должно отмереть. Если говорить о пролетарском праве как о концепции, то она не производит впечатления завершенности, если судить по опубликованным выступлениям и статьям Курского.

Другому представителю данной концепции П. И. Стучке удалось сформулировать основные положения пролетарского права. В 1922 г. он давал следующее определение права: «Понятием “право” мы определяем охраняемое классовым государством распределение людей в производстве, т. е. распределение средств производства и роль людей в производстве». Стучка считал, что основными признаками права являются классовый интерес и защита данного интереса государством. Для буржуазного юриста правом является форма (совокупность норм), для юриста-марксиста содержание права состоит из системы отношений. Основу марксистской теории права составляет теория интереса и отвергается волевая теория. Курский же в 1927 г. выделил основные направления развития советского права: 1) советские законодательные органы должны строить именно классовое пролетарское государство, которое открыто ставит свои правовые проблемы; 2) развитие пролетарского права, в соответствии с развитием экономики советского государства, вовремя должно создавать надлежащую правовую надстройку. Он утверждал, что советское право отрицает правовой фетишизм, который характерен для буржуазного права (например, гражданский кодекс Наполеона, царские уложения и тома Свода законов) [8, с. 236].

Концепция пролетарского права имеет важное историческое значение, потому что с помощью ее положений постепенно преодолевалось состояние правовой неопределенности (возникло после революции октября 1917 г.)

и формировалась новая система советского законодательства. Триумфом данной системы считается кодификация в РСФСР в 1921–1922 гг. Концепция пролетарского права и ведущая практическая деятельность Д. И. Курского на посту руководителя Народного комиссариата юстиции и прокуратуры РСФСР оказали существенное влияние на характер становления и развития советской правовой системы. В советских условиях отход от основ буржуазного права, основанным на нормативизме и защите собственности являлось обязательным. Большевизм не ставил своей главной задачей переустройство правовой системы. Советская правовая система в первые годы советской власти формировалась, скорее всего, спонтанно, чем в соответствии с каким-либо планом. Поэтому юристы данной советской эпохи искали основы будущего советского права в феноменах социальной жизни – в правосознании и социальной (классовой) структуре. Это было наиболее правильным решением, потому что отвергался диктат закона, который присущ буржуазным государствам и обосновывалось отсутствие юридической концепции у партии большевиков, а также обеспечивалась поддержка со стороны массовых слоев населения. Все это объясняет обращение юристов в первые годы советской власти к социологическому подходу в праве, которое находилось в то время в оппозиции к буржуазному нормативизму и нашедшему в социалистическом государстве благоприятную почву.

Д. И. Курский являлся марксистом-революционером, которого можно назвать сторонником социологического подхода в праве, расцвет которого наблюдался в имперской России. Все это проявлялось в следующих моментах: – Д. И. Курский считал право результатом повседневной деятельности людей в Советском государстве; – он утверждал, что на право оказывают влияние антропологические и социально-психологические характеристики общества; – законотворчество рассматривал как «живой» процесс, который постоянно находится в поиске решений, адекватных той социальной и экономической ситуации, в которой оказались советское государство и идеалы социалистической революции. Революционные события в России в первые годы советской власти, могли основываться на подходе, учитывающем особенности общественных отношений. Данный подход был отражен в концепции пролетарского права, которая была разновидностью социологической концепции права. Реализацию такого подхода пытались осуществить первые советские юристы, среди которых ведущую роль играл Д. И. Курский.

Курский в первые годы советской власти активно поддерживал концепцию пролетарского права как права, имеющего по содержанию, ярко выраженный, классовый характер. Наркомат юстиции под руководством Курского старался проводить эту линию, подготавливая проекты первых декретов в период «военного коммунизма». Наркоматом юстиции РСФСР в 1918 г. также были разработаны первые советские кодексы, которые уже не относятся к правовым актам «военного коммунизма». Деятельность Курского на посту наркома юстиции была противоречивая в первые годы советской власти. С одной стороны, он был вынужден исполнять указания руководства партии, а с другой – руководствуясь требованиями правовой теории, старался поддержать издание качественных законов.

Библиографический список

1. *Акопьянц А. С.* На пути к террору: нормативная база репрессивной политики советской власти (1917–1918 гг.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1. С. 16–21.
2. *Афанасьева В. И.* Революционная и государственная деятельность Д. И. Курского: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 17 с.
3. *Колемасов В. Н.* Советская уголовно-правовая политика в 1917–1928 годах // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2008. № 1. С. 105–108.
4. *Кузнецов М. Н.* Гражданский кодекс РСФСР 1922 года: особенности рождения и счастливой судьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2022. Т. 26, № 4. С. 826–844.
5. *Новицкая Т. Е.* Правосознание трудящихся масс и борьба с самосудами в первый год Советской власти // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1982. № 1. С. 40–45.
6. *Павлов Д. Б.* Российский суд от февраля к октябрю 1917 г. (к 90-летию Февральской революции) // Российское правосудие. 2007. № 2. С. 98–104.
7. *Рогачев А. Г.* Секретное письмо В. И. Ленина 20 февраля 1922 г. наркому юстиции РСФСР Д. И. Курскому и дальнейшая модернизация советской правовой политики в условиях НЭПа // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 203–213.
8. *Улиско А. Н.* К 135-летию со дня рождения Д. И. Курского // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 6. С. 234–236.

Информация об авторе / Information about the author

Коваль Сергей Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека, юридический факультет, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, petrovitsch17@mail.ru

Koval Sergey Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights of the Faculty of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia petrovitsch17@mail.ru

**АНТИКОНЦЕПТУАЛИЗМ «РАННЕЙ» СОВЕТСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА
(НА ПРИМЕРЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ
Е. Б. ПАШУКАНИСА)**

Аннотация. В статье рассматривается одна из основных тенденций советского общетеоретического правоведения – его антиконцептуализм. Обосновывается шесть этапов развития советской юриспруденции, среди которых именно пятый этап выделяется как ключевой с точки зрения разработки методологии, концепций и понятийно-категориального аппарата советского права. Делается вывод, что антиконцептуализм в особенности был присущ довоенной советской правовой доктрине, хотя в той или иной степени сохранялся весь период развития советского права. На примере меновой теории права Е. Б. Пашуканиса осуществляется исследование советского юридического антиконцептуализма. Основной причиной неприятия концептуализма как нейтральной правовой формы, универсального начала права как самоценного, абстрактного способа регулирования, позволяющего воздействовать на социальную действительность, является марксистская методология и идеология права, воплощенная в идеях классовой борьбы и первичности в социальной практике производственных отношений.

Ключевые слова: концептуализм, антиконцептуализм, юридическая догматика, Е. Б. Пашуканис, меновая теория права, марксизм.

V. I. Pavlov

**THE ANTI-CONCEPTUALISM OF THE «EARLY» SOVIET THEORY
OF LAW (ON THE EXAMPLE OF THE THEORETICAL AND LEGAL
IDEAS OF E. B. PASHUKANIS)**

Abstract. The article examines one of the main trends of Soviet general theoretical jurisprudence – its anti-conceptualism. Six stages of the development of Soviet jurisprudence are substantiated, among which the fifth stage stands out as the key one from the point of view of developing methodology, concepts and conceptual and categorical apparatus of Soviet law. It is concluded that anti-conceptualism was especially inherent in the pre-war Soviet legal doctrine, although it was preserved to one degree or another throughout the entire period of development of Soviet law. On the example of the exchange theory of law, E. B. Pashukanis is conducting a study of Soviet legal anti-conceptualism. The main reason for the rejection of conceptualism as a neutral legal form, the universal principle of law as a valuable, abstract method of regulation that allows influencing social reality, is the Marxist methodology and ideology of law, embodied in the ideas of class struggle and primacy in the social practice of industrial relations.

Keywords: conceptualism, anti-conceptualism, legal dogmatics, E. B. Pashukanis, exchange theory of law, Marxism.

Введение. В последние годы в русскоязычной юриспруденции возрос интерес к исследованию советского юридического дискурса. Данный интерес обусловлен различными причинами, в том числе постепенным переосмыслением раннего периода развития постсоветской юриспруденции (1990-е –

начале 2000 гг.), более внимательным изучением того, что было сделано в советской юриспруденции, охлаждением к новоевропейским, либерально-ориентированным политико-правовым концепциям. С точки зрения языка современной юриспруденции, прежде всего, на уровне общей догмы права, следует признать, что практическая юридическая деятельность во многом основывается на догматике, сформированной в советском правоведении 1960–1980-х гг., в особенности, в публичном праве. В частном праве произошли более серьезные изменения, связанные с пересмотром доктринальных оснований отраслей, однако и там продолжают сохранять свое значение универсальные частноправовые конструкции, разработанные либо оформленные советскими юристами.

1. Как воспринимается советское правоведение и его доктринальное наследие представителями современных школ правопонимания? Большинство представителей аналитическо-позитивистского направления в русскоязычном правовом дискурсе сегодня практически не обращаются к анализу советского юридического позитивизма, сосредоточившись на исследовании западных авторов. Отчасти это объяснимо, однако, как мы обосновали в отдельном исследовании, развитие догмы права должно осуществляться в сопоставлении с уже сформировавшейся традицией юридического языка, для чего должно специально проводиться сравнительно-правовое сопоставление новых, в основном заимствованных из западноевропейского правового дискурса понятий и категорий с привычными для отечественной юриспруденции языковыми рядами [6]. В юснатурализме, наиболее широко представленном в общеправовой теории позициями либертарной теории права В. С. Нерсисянца, анализ того, что было сделано в советский период, затрагивает в основном проблематику прав и свобод человека, формирующуюся в позднесоветском правоведении. Наиболее полно трансляцию советского юридического дискурса осуществляют представители советской и постсоветской догмы права, которые используют методологические подходы и сформировавшиеся в советский период понятия и категории для исследования современных проблем правовой действительности (теория правоотношения, правовых средств, механизма правового регулирования, юридической техники и др. – например, школа С. С. Алексеева). В постклассическом правоведении, связанном с освоением новой методологии в социогуманитарном знании (социокультурная антропология права, коммуникативная теория права и др.), также отсутствует специальный анализ советской догмы права, хотя иногда отдельные темы и проблемы советской юриспруденции сопоставляются с новыми разработками (проблема юридической практики, субъекта права).

2. Наряду с причинами юридико-догматического характера интерес к советской юриспруденции иногда обуславливается и политико-идеологическими соображениями, связанными с попытками радикально переоценить сам характер советского юридического дискурса, нивелировав причины его формирования и те условия, в которых он складывался. Отчасти такой подход, основанный на непропорциональном выдвигании на первый план только положительных сторон советской юридической науки и ее достижений, также объясним, однако он требует учета целого ряда факторов, связанных с представлением о становлении советской юриспруденции. Прежде всего, с представлением о *хронологической и событийной неоднородности* развития советской науки права и выделением в ней различных этапов ее развития на протяжении 74-летнего периода ее существования.

В данной связи предлагаем выделить следующие этапы развития советской юриспруденции.

1) «Ранний этап» развития советской юридической науки (1917–1922 гг.) характеризовался полной отменой права дореволюционной России, попыткой отказаться от права как такового, рассматриваемого в качестве «института буржуазного общества» и, следовательно, средства эксплуатации рабочего класса, использованием вненормативных оснований правового регулирования («революционное правосознание», «революционная законность» и др.) в условиях Гражданской войны и «красного террора».

2) *Второй этап* (1922–1928 гг.) – право периода НЭПа, характеризующееся относительным, «внутренним» методологическим плюрализмом, попыткой обосновать концепцию «пролетарского права» в качестве временного, вынужденного социального института, сохраняющегося в условиях социалистического строительства до момента завершения построения коммунизма. На данном этапе учреждается Институт красной профессуры, в том числе в 1924 г. в его составе открывается отделение советского строительства и права. В данный период делались попытки разработать правовые подходы на основе теории производственного отношения, которые сегодня трактуются в качестве намечавшейся социологической линии в довоенном советском правоведении.

3) *С 1928 г. по 1938/41 гг.* (период «сворачивания» НЭПа и начало коллективизации и индустриализации страны) начинается *третий этап* развития советской правовой науки. В процессе ее формирования наблюдается тенденция постепенного перехода к жесткому методологическому монизму, завершившемуся Первым всесоюзным совещанием по вопросам науки советского государства и права 16–19 июля 1938 г. под председательством А. Я. Вышинского. На данном Совещании впервые официально формулируется жесткое позитивистское (этикетское) понятие права, выступающее в качестве общеобязательного для советских правоведов [8]. С конца 1920-х и в течение 1930-х гг. в стране происходила политическая борьба за определение стратегического курса развития советского государства в контексте различных трактовок и направлений реализации большевизма и советского марксизма. В контексте этой борьбы происходили репрессии, затронувшие, в том числе, и правоведов как «старорежимной» школы, так и новых пролетарских ученых. Именно к этому периоду относится главный этап научной деятельности Е. Б. Пашуканиса, подвергнутого преследованию по идеологическим мотивам, связанным в том числе с юридическим мировоззрением ученого (расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1956 г.). А. А. Иванов отмечает, впрочем, что суть реформ в советской юриспруденции периода 1930-х гг., проводимых под руководством А. Я. Вышинского, заключалась не только в устранении идеологических противников, но и в том, чтобы исключить наличие в советской юриспруденции «правового авангарда» в правопонимании периода 1920-х гг., когда делались попытки обоснования различных концепций права на основе марксистского учения при отрицании основ классического права, и вернуться к «старому» праву, адаптировав его к социализму [3]. На данном этапе действительно происходит разрыв в преемственности с советской юриспруденцией 1920-х гг.

4) *В период Великой Отечественной войны и до конца 1950-х гг.* наука права как бы «замирает», большинство профессуры идет служить на фронт (в основном правоведы работали в органах военной юстиции). Выполняющи-

еся в эвакуации или на неоккупированных территориях научные исследования направлены на укрепление советской государственности на основе идей Совещания 1938 г.

5) Новый этап развития советской науки права начинается с конца 1950-х – начала 1960-х и продолжается до начала перестройки (1985 г.). Полагаем, что послевоенная советская юриспруденция, юриспруденция периода 1960–1980-х гг., представляет центральный, самый «зрелый» этап развития советской правовой науки. Именно на этом этапе в правовую науку постепенно возвращается полемический стиль, связанный с плюрализмом мнений (пусть и в рамках методологического монизма – марксистско-ленинской идеологии), вырабатывается советская догма права, появляются основные работы по ключевым разделам общеправовой теории. Отчасти возрождаются идеи 1920-х гг., связанные с пониманием права не только как правовых норм, но и как правоотношений, а также и правосознания (С. Ф. Кечекьян, Л. С. Явич, Е. А. Лукашева и др.). В 1972–1973 гг. появляется знаменитый двухтомный курс по проблемам теории права С. С. Алексеева [1], на основе которого формируется особый юридико-догматический стиль мышления и отношения к правовой реальности, до настоящего времени сохраняющийся в уральской юридической школе. Показательно, что обращение к советскому правовому наследию современными правоведами в основном происходит именно в рамках данного, пятого этапа развития советской юриспруденции.

6) *Шестой, завершающий этап советского правоведения (1985–1991 гг.)* связан с процессами постепенного выхода за рамки идеологического монизма, в той или иной степени присущего советской юриспруденции на всех этапах ее развития. Полагаем, что ключевым событием для становления данного этапа стало издание еще в 1983 г. монографии В. С. Нерсесянца «Право и закон: из истории правовых учений (М., 1983)» [5], в которой пусть и на материале истории политических и правовых учений, однако ярко обосновывалась необходимость введения в советский юридический дискурс *юснатуралистической посылки*, что свидетельствовало о начале фундаментального кризиса советского юридического позитивизма. Более свободное обсуждение монографии В. С. Нерсесянца уже в период перестройки (с 1985 г.) «обнажило» фундаментальные проблемы и противоречия советского правоведения и послужило методологической базой для формирования первых советских работ, основанных на идеях новоевропейской правовой методологии. С конца 1980-х гг. начинается обращение советских правоведов к дореволюционным работам и включение содержащихся в них идей в первые постсоветские учебники и научные труды.

3. Положительное значение советской юридической науки, связанное в основном с ее развитием в 1960–1980-х гг., трансляция «методологического оснащения» (понятий, категорий, классификаций и т. д.), советской догмы права в современной юриспруденции не означает отказа от комплексной оценки понимания феномена советского правоведения, понимания его места в эволюции русской юриспруденции. Как всегда, базовые основания любого феномена закладываются в начале его формирования – это касается и советского юридического дискурса. В этой связи важным представляется проследить, какие изменения претерпела русская юриспруденция на эпохе «разлома» – при переходе от дореволюционной к революционной, «ранней» советской юриспруденции в период ее становления в первые революционные годы, причем не с точки зрения политико-идеологических трансформаций

(которые, как показано выше, являются весьма значимыми), а с точки зрения закономерностей формирования самой юридической науки как автономной, эпистемологически целостной системы знания, обладающей собственными логическими закономерностями развития, сформированными на протяжении тысячелетий, начиная с римского права.

Дореволюционные правоведы события октября 1917 г., связанные с первыми декретами советской власти, отменой права Российской империи в совокупности с последующей политикой «красного террора» восприняли как катастрофу. Разумеется, такая внутренняя позиция не касалась тех дореволюционных правоведов, которые хотя и формировались в рамках дореволюционной юридической школы, т. е. знали основы классической юриспруденции, однако «внутренне» находились к ней в оппозиции по политико-идеологическим убеждениям (П. И. Стучка, Н. В. Крыленко, М. А. Рейснер, тот же Е. Б. Пашуканис и др.). Уже на исходе Гражданской войны и на основании широко проводимых мер по увольнению дореволюционной профессуры, а также и последующей высылкой большинства из нее из страны в 1922 г. («Философский пароход»), стало понятно, что в советской юриспруденции устанавливается методологический монизм. Впрочем, внутри самой советской правовой доктрины в эпоху НЭПа (указанный выше второй этап) в рамках марксистской идеологии возникла дискуссия относительно способов реализации пролетарской программы советской юриспруденции. Одной из значимых фигур правоведов-теоретиков права этого периода и стал *Е. Б. Пашуканис*, выдвинувший т. н. *меновую теорию права*, обоснованную в работе «Общая теория права и марксизм» [7].

Общезвестно, что континентальная юриспруденция вне зависимости от политико-правовых форм государств и господствующих в них политико-идеологических нарративов основывается на историческом фундаменте юридической догматики. Понятийно-категориальный аппарат, способы юридического мышления, методология, логика построения и иные составляющие юриспруденции в континентальных правовых порядках, так или иначе, связаны с догматической структурой права, пронизывающей все его проявления. Последняя может быть охарактеризована понятием *концептуализма*, выражающего собой *универсальные начала права как самоценного, абстрактного регулятора, позволяющего воздействовать на социальную действительность путем ее «удвоения» за счет конструирования особого уровня реальности, упорядочивающего общественные отношения*. Иными словами, юридический концептуализм означает *правовую формализацию*, возможность придания правовой формы любому социальному акту на основе принципов абстрактности, всеобщности, непersonифицированности в целях придания ему положительного направления развития. В концептуализме континентальной традиции лежит логика римской юриспруденции, ее формализма со всеми вытекающими из него положительными и отрицательными свойствами. Можно сказать, что концептуализм – это относительно универсальный и одновременно нейтральный язык права, его догматическое основание, независимое от политико-правового содержания правовой системы и правового порядка.

В русской дореволюционной юриспруденции концептуализм как правовая универсалия в целом воспринимался положительно и рассматривался как фундамент организации правовых начал социальной жизни. Такое значение догматике придавал Р. Иеринг, рассматривая ее как наивысший, научный уровень организации опыта и фактов [4; 2]. При этом признание концептуа-

лизма как правовой универсалии не мешало русским правоведам обосновывать различные подходы к правопониманию, и даже в случае введения принципиально новых языковых единиц в рамках своих концепций (например, «нормативный факт» у Л. И. Петражицкого, «духовное правосознание» у И. А. Ильина), догматика оставалась базой, на которой строилась правовая форма концепции.

4. Советская правовая доктрина изначально выдвинула претензию на *антиконцептуализм своей юриспруденции*. Аргументация отказа от концептуализма в советской науке права вполне логично исходила из марксистского учения о роли права в буржуазном обществе, а также права как института классового общества вообще. Антиконцептуализм советского права и правовой доктрины означал отказ от самодостаточности правовой формы и утверждение неизменной ее зависимости от практики. Правовая форма, рассматриваемая сама по себе, в «отрыве» от реальных производственных отношений, сразу попадала под «подозрение» советской науки права, рассматривалась как «искушение схоластической премудростью» [7, с. 17], поскольку нарушала основы марксистского, марксистско-ленинского мышления о праве как надстроечном явлении классового общества, которое должно «отмереть» с развитием «развернутого коммунизма». Как указывалось в работе Е. Б. Пашуканиса, «защита так называемых абстрактных основ правового строя есть наиболее общая форма защиты классовых интересов буржуазии» [7, с. 5], и не случайно именно в буржуазно-капиталистическом обществе «правовая форма достигает кульминационного пункта развития» [7, с. 7]. Однако абстрагирование как метод правового познания, метод построения правовой теории советским правоведением вовсе не отрицался (что означало бы отрицание возможности построения советской теории права), утверждалась лишь необходимость построения абстрактных понятий на основе непосредственного отражения ими реальных явлений действительности. Е. Б. Пашуканис подчеркивал, что без абстрактных и общих определений, составляющих суть юридической догматики, «не может обойтись ... и наша советская юриспруденция» [7, с. 12].

Оценивая личность Е. Б. Пашуканиса как ученого, следует отметить, что он являлся одним из самых глубоких правоведов-теоретиков «ранней» советской юриспруденции. Его работы «Общая теория права и марксизм» и другие сочинения, присутствующие в них анализ и критика как русских дореволюционных источников, так и работ современных ему зарубежных правоведов, показывает, что он прекрасно разбирался в методологии практически всех современных ему правовых концепций. В его работах критикуются позиции Р. Иеринга, Л. И. Петражицкого, Г. Кельзена, Р. Штаммлера, используются аргументы концепций Г. Ф. Шершеневича, Н. М. Коркунова, С. А. Муромцева.

Решая задачу утвердить советскую теорию права на основе антиконцептуализма, отождествлявшегося с антиформализмом, Е. Б. Пашуканис использует для этого понятие *товарных отношений обмена*, выходя, таким образом, на базовое понятие марксистского учения о социуме – понятие *производственного отношения* (базис), *volens nolens* создававшего в советской юриспруденции ассоциации с социологической юриспруденцией. Сближение правовой формы и формы товарного обмена у Е. Б. Пашуканиса означает попытку «привязать» правовую форму к практике, некоторому материальному субстрату в соответствии с логикой марксистского учения.

Основываясь на идеях К. Маркса, советский правовед отмечал, что «основное, коренящееся в самой экономике условие существования правовой формы, а именно – объединение трудовых усилий по принципу эквивалентного обмена, вскрывает глубокую внутреннюю связь формы права и формы товара» [7, с. 23]. При этом, как мы покажем далее, Е. Б. Пашуканис признает значение и оценивает достоинства юридического концептуализма, но только в рамках буржуазной юриспруденции: в рамках же советского правоведения товарно-денежные отношения и выступают осязаемой базой построения нового языка советского права.

Антиконцептуализм теории права Е. Б. Пашуканиса обнаруживается, прежде всего, в *теории субъекта права*. Само понятие правосубъектности, личностную автономию, признание за лицом свободы и равенства с другими людьми исследователь рассматривает не как универсальную конструкцию, которую можно использовать в любом подходе к праву и в условиях любой политической идеологии, но как маскировку буржуазной эксплуатации. «Юридический субъект, – отвечает Е. Б. Пашуканис, – это вознесенный в небеса абстрактный товаровладелец» [7, с. 71]. Е. Б. Пашуканис пишет: «принцип правосубъектности (под этим мы понимаем формальные начала равенства и свободы, принцип автономии личности) не только есть орудие обмана и продукт лицемерия буржуазии, поскольку он противопоставляется пролетарской борьбе за уничтожение классов, но в то же время – реально действующий принцип, воплощаемый буржуазным обществом... <...> ...он вытекает из условий товарно-денежного хозяйства» [7, с. 6, 8]. Указывая на то, что «идеалистические теории права» развивают понятие субъекта права только лишь спекулятивным путем, на основе лишь общей идеи, Е. Б. Пашуканис предлагает преодолеть концептуализм в учении о субъекте права по следующей схеме: «как продукт труда приобретает свойство товара и становится носителем стоимости, так и человек приобретает свойство юридического субъекта и становится носителем права» [7, с. 64–65]. Иными словами, под субъектом права правоведом понимается личность в конкретных исторических условиях и его реальном месте в системе отношений товарного обмена. При этом Е. Б. Пашуканис дистанцируется от популярной в конце XIX в. немецкой волевой теории субъекта права за ее опору на понятие разумной воли и игнорирование конкретно-исторического содержания понятия правосубъектности [7, с. 68–69].

Антиконцептуализм теории Е. Б. Пашуканиса проявляется и в области *онтологии права*, связанной не только с формулированием понятия права, но и пониманием природы правовой реальности. Так, в своей критике Г. Кельзена Е. Б. Пашуканис указывает на неприемлемость для науки права «отворачиваться от фактов», от самой социальной жизни, что имеет место в нормативной теории права [7, с. 14–15]. Ограничение правовой реальности только сферой нормативного долженствования для марксистской методологии недопустимо несмотря на то, что источником нормоустановления в концепции Г. Кельзена является воля государства. В онтологии Е. Б. Пашуканиса критике также подвергаются социологические и психологические направления, которые, в отличие от нормативизма, не учитывают положительное значение правовой формы, растворяясь внутри неюридических понятий [7, с. 15–16]. Казалось бы, социологическая юриспруденция является наиболее близкой Е. Б. Пашуканису концепцией, соединяясь с ней посредством понятия правового отношения, однако он объясняет неприемлемость социологиче-

ских подходов и концепции Л. И. Петражицкого «неспособностью охватить понятие права в его действительном движении, раскрывающем полноту внутренних взаимоотношений и связей» [7, с. 18]. Таким же образом критике подвергаются и юснатуралистические концепции, обвиненные в использовании «выспренных фраз о “вечной идее права” и “абсолютном значении личности”», пропитанных «моралином» [7, с. 15]. Вместе с тем Е. Б. Пашуканис верно замечает, что именно естественно-правовая доктрина лежит в основе буржуазной теории права: «школа естественного права ...дала образец наиболее глубокого и отчетливого понимания правовой формы» [7, с. 28].

Какую онтологию предлагает сам Е. Б. Пашуканис? В своей основной работе правовед однозначно отказывается от нормативного понимания права и, соответственно, понимания правовой реальности как сферы нормативного должествования. Первичной клеточкой правовой ткани, как отмечает ученый, является «юридическое отношение... и только в нем право совершает свое реальное движение. *Право как совокупность норм, наряду с этим, есть не более как безжизненная абстракция*» [7, с. 41]. Вне реализации правовой нормы она не имеет своего реального существования, что означает примат правоотношения над нормой права «в материальной действительности» [7, с. 42]. «Право как объективное социальное явление, — отмечает Е. Б. Пашуканис, — не может исчерпываться нормой или правилом, все равно записанным или незаписанным» [7, с. 42]. Ввиду этого мышление юриста-догматика, основывающегося на юридическом концептуализме, всегда неверно представляет «объективное существование права», поскольку такое существование не связано с фактом. Следовательно, субъект права и само правоотношение в теории Е. Б. Пашуканиса существуют и вне нормы объективного права. Как мы отмечали выше, эти идеи о первичности и определенной автономии правоотношения от норм объективного права были реанимированы в советской юриспруденции периода 1960–1980-х гг. Вопрос о разграничении меновой теории права и юснатурализма правоведом даже не обсуждается, проблематика ценностей в советской общетеоретической юриспруденции возникнет только в послевоенный период. Комментируя понятие личностной ценности в рамках классической теории субъекта права, Е. Б. Пашуканис указывает на его идеологическую природу и неадекватность действительности [7, с. 99], ведь не только право и государство, но и мораль рассматриваются им как форма буржуазного общества [7, с. 104].

Интересно отметить *место государства* в проблеме правогенеза в рамках концепции Е. Б. Пашуканиса. Характерно, что правовед отрицает государственную волю в качестве источника правоустановления, что указывает на «внутренний» для советской юриспруденции плюрализм правопонимания, свойственный периоду 1920-х гг. «Государственная власть, — отмечает правовед, — вносит в правовую структуру четкость и устойчивость, но она не создает ее предпосылок, которые коренятся в материальных, т. е. в производственных отношениях» [7, с. 49]. Правовед подчеркивает, что в «научной теории права» логика юридических понятий соответствует логике социальных отношений товаропроизводящего общества, с позиции правоустановления на первое место выходит не государственная воля, а договор как «составная часть идеи права», подразумевающий взаимное признание сторон договора как товаровладельцев [7, с. 72].

Заключение. Подводя итог рассмотрению взглядов Е. Б. Пашуканиса с позиции построения им правовой теории на началах антиконцептуализма, сформулируем несколько обобщений.

1. Антиконцептуализм в подходе Е. Б. Пашуканиса, несмотря на попытки дистанцироваться от догматической юриспруденции, не является радикальной методологической установкой. Правовед признает значимость правовой формы для юриспруденции и в своей концепции пытается связать ее с отношениями товарного обмена в социалистическом обществе. Однако классическое понимание концептуализма как самоценной, абстрактной универсалии, позволяющей воздействовать на социальную действительность путем ее «удвоения» за счет конструирования особого уровня реальности, упорядочивающего общественные отношения, правоведом отвергается.

2. Значительное место в своей концепции Е. Б. Пашуканис уделяет критике теории субъекта права как наиболее «сильной» составляющей концептуализма, связанной с абстрактным представлением о действующем в праве лице. Непризнание правоведом классического учения о правосубъектности как личностной автономии, свободе и равенстве лиц указывает на ярко выраженный классовый характер представлений о субъекте права. Отметим, что несмотря на попытки обосновать меновую концепцию субъекта права на основе отождествления субъекта права и субъекта товарного обмена, у Е. Б. Пашуканиса фактически отсутствует четко разработанное учение о субъекте права.

3. В своей критике концептуализма Е. Б. Пашуканис проницательно указал на его доктринальные истоки и наиболее развитые формы проявления, связанные именно с буржуазными политико-правовыми теориями эпохи Нового времени. Указание на договор, взаимное соглашение товаропроизводителей-сторон договора товарного обмена в условиях буржуазного общества как на центральные элементы правовой формы определяло непримиримую позицию советского правопонимания относительно всех версий юснатурализма, и, в то же время, сдержанное отношение к юридическому позитивизму и социологической юриспруденции.

4. В онтологии права Е. Б. Пашуканиса антиконцептуализм проявляется в социологических тенденциях его концепции, связанных с признанием первичности отношения перед нормой объективного права и его генетической независимости от нее. Правовая реальность в меновой теории права рассматривается как реальность фактов действительности товарного обмена, которым и должно коррелировать объективное право. Рассмотрение же правовой реальности только как реальности нормативного должествования Е. Б. Пашуканис считал недопустимым. При этом основным источником правогенеза правовед считал не государственную волю, но производственные и основанные на них правовые отношения.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972–1973. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. 396 с.; Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). 401 с.
2. *Горбань В. С.* Правовое учение Иеринга и его интерпретации: монография. М.: КДУ: Университетская книга, 2018. 354 с.

3. *Иванов А. А.* «Советская» «юридическая» «наука»: путь к праву. Часть вторая. Периодизация // *Zakon.ru*. URL: https://zakon.ru/blog/2017/11/19/sovetskaya_yuridicheskaya_nauka_put_k_pravuchast_vtoraya_periodizaciya (дата обращения: 30.10.2024).
4. *Иеринг Р.* Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб.: [Типо-лит. А. Г. Розена (А. Е. Ландау)], 1905. 106 с.
5. *Нерсесянц В. С.* Право и закон. Из истории политических учений. М.: Наука, 1983. 366 с.
6. *Павлов В. И.* Мир юридического позитивизма и антропологическое измерение права // Как возможна логика в праве?: коллективная монография / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2021. С. 27–70.
7. *Пашуканис Е. Б.* Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. 3-е изд. М.: Коммунист. Акад., 1927. 128 с.
8. *Уманский Я. Н.* Первое совещание по вопросам науки советского государства и права // Социалистическая законность. 1938. № 9. С. 124–126.

Информация об авторе / Information about the author

Павлов Вадим Иванович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, vadim.i.pavlov@mail.ru

Pavlov Vadim Ivanovich – Candidate of science (law), Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, vadim.i.pavlov@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые достижения советских ученых в области общественных наук, которые выходили за рамки классического марксизма. Рассмотрены пионерские работы Д. А. Керимова по проблемам философии права и методологии юридической науки. Дано новое понимание предмета и структуры методологии юридической науки. Методология юридической науки определена как учение об уровнях, видах, методах, формах научного юридического знания, юридической картине мира, типах юридической рациональности.

По глубине отражения реальности реальное юридическое знание разделяется на три уровня: эмпирический, теоретический, метатеоретический (философский). В юридическом знании выделяются три вида знания: знание о предмете, знание о проблемах, знание о методах. В юридическом знании применяются многие методы, в том числе общенаучные, специальные, частнонаучные. На каждом уровне научного юридического знания выделяются различные формы знания. На эмпирическом уровне – юридические факты; на теоретическом уровне – законы, гипотезы, теории; на метатеоретическом уровне – правовые принципы, юридическая картина мира, типы юридической рациональности, правовые парадигмы.

Ключевые слова: философия права, методология юридической науки, предмет и структура методологии юридической науки, уровни, виды, методы, формы научного юридического знания, юридическая картина мира, тип юридической рациональности.

G. G. Bernatskiy

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF LAW IN THE SOVIET PERIOD AND MODERNITY

Abstract. The article examines some of the achievements of Soviet scientists in the field of social sciences, which went beyond the framework of classical Marxism. The pioneering works of D. A. Kerimov on the problems of philosophy of law and methodology of legal science are considered. A new understanding of the subject and structure of the methodology of legal science is given. The methodology of legal science is defined as the doctrine of the levels, types, methods, forms of scientific legal knowledge, the legal picture of the world, types of legal rationality. According to the depth of reflection of reality, scientific legal knowledge is divided into three levels: empirical, theoretical, and metatheoretical (philosophical). There are three types of knowledge in legal knowledge: knowledge about the subject, knowledge about problems, and knowledge about methods. Many methods are used in legal knowledge, including general scientific, special, and private scientific ones. At each level of scientific legal knowledge, various forms of knowledge are distinguished. At the empirical level – legal facts; at the theoretical level – laws, hypotheses, theories; at the meta-theoretical level – legal principles, the legal picture of the world, types of legal rationality, legal paradigms.

Keywords: philosophy of law, methodology of legal science, subject and structure of methodology of legal science, levels, types, methods, forms of scientific legal knowledge, legal worldview, type of legal rationality.

Марксистско-ленинская философия в СССР господствовала в области общественных наук. Это создавало определенные трудности в развитии и самой философии, и общественных наук, в частности, юриспруденции, социологии, истории... Господствовал исторический материализм как философское учение о происхождении и развитии общества.

Вместе с тем советские ученые, не смотря на большие теоретические ограничения и даже репрессии, разрабатывали новые подходы к познанию общества, выходили за пределы ортодоксального марксистского учения.

Хотелось бы вспомнить наших выдающихся ленинградских ученых, философов, юристов (автор этих строк родился и сформировался как исследователь в Ленинграде), которые во второй половине XX века внесли большой вклад в отечественную общественную науку, выходя за пределы марксизма.

Доктор философских наук, профессор А. Г. Здравомыслов (1928–2009) последовательно отстаивал социологию (социология конфликта, теория интереса) как самостоятельную науку в отличие от исторического материализма. Доктор философских наук, профессор Б. Д. Парыгин (1930–2012) стал основоположником в нашей стране науки социальной психологии. Доктор философских наук, профессор И. С. Кон (1928–2011) – известный социолог, психолог, антрополог, философ. Его работа «Социология личности» (1967) строилась на ролевой теории личности и выходила за рамки марксистского понимания личности как совокупности всех общественных отношений. Доктор исторических и географических наук Л. Н. Гумилёв (1912–1992) – создатель пассионарной теории этногенеза – подвергался резкой критике за то, что объяснял этногенез вне связи с марксистским учением о взаимодействии производительных сил и производственных отношений как источнике развития общества.

Необходимо отметить, что среди последовательных сторонников исторического материализма были выдающиеся советские философы, которые видели историческую ограниченность марксистского учения об обществе. Автор этих строк присутствовал в 70-е годы прошлого столетия, будучи еще студентом, на научной конференции в Ленинградском государственном университете имени А. А. Жданова (ЛГУ им. А. А. Жданова) на философском факультете. На конференции выступали доктора философских наук, профессора В. Ж. Келле (1920–2010) и М. Я. Ковальзон (1913–1992), которые утверждали, что исторический материализм исчерпал свои возможности в объяснении современного общества. Необходимо разрабатывать новые подходы к обществу в науке и философии.

В советский период практически не развивалась такая область юриспруденции, как философия права. В целом считалось, что исторический материализм достаточно подробно решил проблему сущности и происхождения права. Классики марксизма утверждали, что буржуазные идеи – продукт буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, а буржуазное право – возведенная в закон воля буржуазии [9, с. 443]. Классовый подход к праву не исключал дальнейшего философского осмысления сущности права.

Сегодня мы должны помнить наших замечательных советских ученых-юристов, которые дали пионерские работы в нашей стране по философии права.

Доктор юридических наук, профессор Л. С. Явич (1919–2004) – выдающийся ленинградский учёный-юрист, основные труды которого посвящены проблемам философии и теории права. В 1987 г. он опубликовал свою известную работу «Сущность права» [12]. Явич основывается на марксистском подходе к сущности права. Он указывает на утверждение В. И. Ленина о том, что «мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. ...» [7, с. 227]. Явич подчеркивает, что марксизм определяет сущность права как волю господствующего класса. Да, это верно, но это сущность первого порядка. Надо идти далее вглубь – переходить к сущности второго порядка, третьего порядка и т. д. Воля господствующего класса определяется экономическими производственными отношениями (сущность второго порядка).

В своей монографии Явич здесь останавливается и не идет далее вглубь. Однако читатели могут пойти дальше, используя его подход и общее марксистское понимание общества как общественно-экономическую формацию, главным элементом которой является способ производства. Экономические производственные отношения определяются уровнем и характером развития производительных сил (сущность третьего порядка). Главным элементом производительных сил является человек. Таким образом, уровень развития производительных сил определяется уровнем развития самого человека (его знаниями, умениями, навыками, трудолюбием...) – сущность четвертого порядка. Так мы приходим, пожалуй, к неожиданному результату для марксизма: сущность права определяется уровнем развития человека.

Нельзя не вспомнить пионерские работы по философии и методологии права доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР и РАН Д. А. Керимова (1923–2015). Он много лет работал на юридическом ф-те ЛГУ, и поэтому его тоже можно сказать ленинградцем. В 2023 г. юридическая общественность отмечала 100-летие со дня рождения Д. А. Керимова. В Санкт-Петербургском государственном университете на юридическом ф-те 23 сентября 2023 г. прошел большой семинар, посвященный творчеству Керимова.

На семинаре выступила академик РАН Т. Я. Хабриева. Она подчеркнула, что Керимов дал в СССР пионерские работы по философии и методологии права [3, 4]. Философия права – это самое сложное в юридической науке. Заслуга Керимова в том, что он связал философию и право. Это важно было в то время потому, что теоретики права разрабатывали в основном проблемы догмы права, и не поднимались до философии права. С тех времен положение практически не изменилось – бросила легкий упрек современным теоретикам права Хабриева. Теоретики до сих пор продолжают заниматься преимущественно догмой права, хотя сейчас все двери открыты для философских исследований права. Хабриева отметила, что Керимов смело критиковал советских философов за то, что те не исследуют проблемы философии права, а занимаются исключительно философией и методологией естественных наук.

На семинаре выступила замечательный ленинградский-петербургский ученый – юрист Д. И. Луковская, которая на протяжении многих лет занимается историей политических и правовых учений, можно сказать, занимается

историей философии права. Луковская обратила внимание на то, что Керимов утверждал – философия права должна определять структуру общей теории права. На семинаре выступил известный ленинградский-петербургский ученый-юрист, выдающийся организатор юридического образования и науки в Ленинграде-Петербурге – доктор юридических наук, профессор В. П. Сальников, который сказал, что Керимов был подлинным философом права. Сейчас остро не хватает философии права и в теории, и на практике.

Мы вспоминаем сейчас имена наших выдающихся советских ученых потому, что мы стали, к сожалению, забывать наше великое научное наследие советского прошлого. До последнего времени считалось нежелательным в научных статьях и монографиях цитировать советских ученых и философов. Редакторы многих научных журналов требовали, чтобы в статьях авторы ссылались на работы, которые изданы в последние пять-десять лет – не раньше. Вместе с тем в советский период времени были выдающиеся ученые, философы, юристы, которые выходили за пределы ортодоксального марксизма и продвигали нашу советскую науку вперед. Мы – потомки этих ученых, ученики этих ученых – должны помнить их имена.

История общества не однозначна. Общество развивается в борьбе противоположных сил. И здесь надо высказать аргументы в защиту идеологии марксизма в СССР. Марксизм был не просто господствующей философией, он был государственной идеологией Советского Союза. Марксизм – это, можно сказать, светская религия в нашей стране. Обратим внимание на то, что Российское государство сейчас живет уже 30 лет без государственной идеологии. Впервые за 1000 лет Россия живет без государственной идеологии. И вот теперь многие российские политики, ученые, журналисты открыли для себя простую истину – успешно вести войну с агрессором без государственной идеологии в России нельзя. И вот теперь на телевидении наши генералы начали утверждать наперебой, что надо вводить в воинских частях институт заместителя командира по политчасти, упразднённый в период отрицания идеологии в стране. Генералы ссылаются на слова В. И. Ленина, который говорил, что красноармеец должен не просто уметь стрелять, но и быть убежден в том, что он воюет за правое дело. Сталин хорошо понимал, что разложение и подрыв марксизма приведет и к дискредитации КПСС и к гибели СССР. Граждане Советского Союза жили и создавали новую жизнь под лозунгом Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [8, с. 43]. Наши советские воины победили фашизм с верой в Ленина и Сталина. Защита марксизма в СССР рассматривалась как защита советского государства, защита тех ценностей, с которыми советская страна одерживала победы и стала сверхдержавой с самой сильной армией в мире. Можно утверждать, что идеология в СССР была выше, ценнее развития общественной науки. Из истории хорошо известно, что там, где падает государственная религия и идеология, там и падает само государство.

В настоящее время по философии и методологии юридической науки опубликовано довольно много работ. Однако до сих пор не сложилось единого подхода к пониманию предмета познания таких дисциплин, как «Философия права» и «Методология юридической науки». Не выработана единая структура этих дисциплин. Здесь преобладают авторские подходы, которые очень различаются друг от друга. Например, доктор юридических наук, профессор В. В. Лазарев делает основной упор на политико-правовые учения [6], а доктор юридических наук, профессор В. М. Сырых – на догму права [11].

Мы хотим изложить здесь свое видение предмета и структуры методологии юридической науки. Прежде всего скажем несколько слов о том, как возникла сама методология науки как научная дисциплина. Хорошо известно, что научное познание обрело бурное развитие в XIX и особенно в XX веке. К середине XX в. возник огромный массив разнообразных научных знаний: фактов, гипотез теорий, методов... Оказалось, что в этом гигантском массиве научных знаний нет никакого порядка. В полный рост встала проблема упорядочивания самого научного знания. Так возникает методология научного познания как наука, у которой предметом научного познания становится само научное знание.

Советские философы достигли больших результатов мирового уровня в изучении проблем методологии научного познания. Вспомним таких выдающихся исследователей, как В. С. Степин, Ю. В. Сачков, Г. И. Рузавин, Л. А. Микешина, В. А. Штофф, В. П. Бранский, В. В. Ильин, А. С. Кармин. Вместе с тем большие результаты были получены именно в области методологии естественных наук: методологии физики, биологии, математики. Практически никто из ученых не занимался методологией общественных наук. Профессор В. А. Штофф в конце жизни заявлял, что занялся исследованием проблем методологии общественных наук, но каких-либо значительных результатов получить не успел.

По аналогии с методологией естественных наук можно утверждать, что методология юридической науки – это знание о самом научном юридическом знании. Методология – это знание о юридическом знании. Методология юридической науки – учение об уровнях, видах, методах, формах научного юридического знания, юридической картине мира, типах юридической рациональности... Особенность методологии юридической науки в том, что юриспруденция – это наука о должном, а не наука о сущем. Поэтому строить методологию юридической науки так же, как методологию социологии нельзя. Социология – это наука о сущем. Социология – это наука о том, как существует реальное общество с его позитивными и негативными сторонами (преступностью, наркоманией, терроризмом...). Юриспруденция – это наука о должном, как общество должно быть устроено. Отсюда возникает проблема правового идеала: как он формируется.

По глубине отражения реальности научное юридическое знание разделяется по крайней мере на три уровня: эмпирический, теоретический, метатеоретический (философский). Здесь нельзя не вспомнить высказывание выдающегося русского ученого Ф. Ф. Кокошкина. Он писал: «В науке государственного права, как и во всякой другой юридической науке в обширном смысле этого слова, есть три различных элемента. Юридические нормы можно изучать с точки зрения исторического их возникновения и развития. Так изучает их история права. Можно далее изучать юридические нормы, существующие в известном государстве в данный момент, выяснять их содержание, раскрывать общие начала, лежащие в основе их, зависимость их между собой и сводить их в одну общую систему. В этом заключается догма права, или юридическая наука в тесном (узком) смысле этого слова. Можно, наконец, подвергать право критической оценке с точки зрения соответствия его потребностям данного общества, можно строить идеальные нормы, не в смысле пригодности их для всех народов и времен, а в смысле пригодности для данного общества данной эпохи. Это составляет задачу политики права»

(доктрины права) (не в практическом, а в теоретическом значении слова)» [5, с. 162–163].

Продемонстрируем уровни научного юридического познания на примере историко-теоретических юридических наук. История государства и права – это эмпирическая наука. История изучает реальное государство и право и собирает научные факты о государстве и праве. Историк использует метод описания исторических событий. Исторический трактат рассказывает нам о том, «что, когда было». Наука история с методологической точки зрения создает эмпирическую базу данных для дальнейших уже теоретических исследований. Научные факты – исключительно важное знание. Великий русский ученый-физиолог И. П. Павлов в «Письмах к молодежи» советовал изучать, сопоставлять и накапливать факты. И. П. Павлов утверждает, что «факты – это воздух ученого» [10, с. 98].

На теоретическом уровне познания развивается теория государства и права. Ученый-теоретик изучает научные факты, которые собраны уже ученым-историком. Задача теоретика – найти устойчивые, повторяющиеся связи между фактами, установить закономерности функционирования и развития права и государства, построить теорию государства и права, которая уже не просто описывает, а объясняет политические и правовые явления. На этом уровне создается догма права и государства – теория о закономерностях внутренней организации права и государства. На метатеоретическом уровне познания государства и права ученый-философ строит доктрины государства и права, выдвигает теории правопонимания.

В юридическом знании выделяются три вида знания: о предмете, о проблемах и о методах. Ученые в монографиях, статьях, учебниках излагают обычно результаты научных поисков, т. е. предлагают читателям предметное научное знание – знание о том, как устроен сам предмет познания. Знание о предмете выражается в научных фактах, законах, теориях, гипотезах и является результатом научного поиска. Так создается впечатление, что научное знание сводится исключительно к предметному знанию. Однако это не так. Проблема – это нерешенный в науке вопрос, нерешенная задача. Любой научный поиск начинается с постановки проблемы. Его успех во многом определяется тем, насколько поставленная проблема является актуальной, ясно сформулированной и разрешимой на том или ином этапе развития научного познания. Одновременно с этим к видам научного знания относятся и методы познания, которые можно разделить по разным основаниям. Например, в юриспруденции часто говорят об общенаучных, специальных и частных методах. Эти методы применяются в разных юридических науках [1].

Юридическое научное знание выражается в различных формах. Форма научного познания – это способ организации содержания научного знания на том или ином уровне научного познания. На каждом уровне научного юридического знания выделяются различные формы знания. На эмпирическом уровне – юридические факты; на теоретическом уровне – законы, гипотезы, теории; на метатеоретическом уровне – правовые принципы, юридическая картина мира, типы юридической рациональности, правовые парадигмы и др. Понятие о юридической картине мира введено судьей Конституционного Суда РФ (в настоящее время – судьей Конституционного Суда РФ в отставке), доктором юридических наук, профессором Г. А. Гаджиевым [2].

В заключении отметим, что наше видение предмета и структуры методологии юридической науки мы изложили в своей работе «Введение в методологию юридической науки» [1].

Библиографический список

1. *Бернацкий Г. Г.* Введение в методологию юридической науки: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 113 с.
2. *Гаджиев Г. А.* Юридическая картина мира. СПб.: СПбГУП, 2016. 25 с.
3. *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. Репр. воспроизведение изд. 1972 г. М.: Норма: Инфра-М, 2019. 471 с.
4. *Керимов Д. А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. Ин-т соц.-полит. исслед. Рос. акад. наук и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2003. 520 с
5. *Косошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву. 2-е изд. М.: Бр. Башмаковы, 1912. 306 с.
6. *Лазарев В. В., Липень С. В.* История и методология юридической науки: университетский курс для магистрантов юридических вузов / под ред. А. В. Корнева. М.: Норма, 2016. 496 с.
7. *Ленин В. И.* Философские тетради // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 29. М.: Госполитиздат, 1958–1965. 782 с.
8. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1958–1965. 594 с.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 253 с.
10. *Павлов И. П.* Избранные сочинения. М.: Академия наук СССР, 1949. 567 с.
11. *Сырых В. М.* История и методология юридической науки: учебник по программам магистерской ступени образования. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
12. *Явич Л. С.* Сущность права. Л.: ЛГУ, 1985. 207 с.

Информация об авторе / Information about the author

Бернацкий Георгий Генрихович – доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор каф. теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, gberg@yandex.ru

Bernatskiy George Genrikhovich – Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Faculty of Law, Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, gberg@yandex.ru

УДК 34.01

А. В. Мурунова

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ОНТОГЕНЕЗА ПРАВОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИИ ОТ ПЕРВЫХ ШАГОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ДО СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматривается правовой менталитет в первые годы советской власти, исследуются способы, с помощью которых большевики создавали свою правовую систему. В исследовании анализируется роль идеологии, политических императивов и использования права как инструмента социального контроля в формировании правового сознания населения. Опираясь на первоисточники того периода, включая юридические тексты, речи и пропагандистские материалы, можно утверждать, что раннесоветский правовой менталитет характеризовался сочетанием революционного рвения, авторитаризма и сосредоточенности на классовой борьбе. В статье также исследуется влияние правового менталитета этого периода на развитие всего советского права и его продолжение в правовой системе современной России.

В данной статье делается попытка проследить онтологические черты права и их пересечение с современными конкретно-историческими условиями. Автор анализирует различные оценки первых правовых реформ и новой правовой идеологии большевиков с точки зрения современных правовых ценностей. Делается вывод о необходимости проведения параллелей между современными правовыми проблемами и теми проблемами, которые стояли перед новой властью в 1917 году.

Ключевые слова: правовой менталитет, правовые ценности, система права, правовая политика, советское право.

А. В. Murunova

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE ONTOGENESIS OF THE LEGAL MENTALITY OF RUSSIA FROM THE FIRST STEPS OF SOVIET POWER TO MODERN STATEHOOD

Abstract. This article examines the legal mentality in the early years of Soviet power, explores the ways in which the Bolsheviks created their legal system. The study analyzes the role of ideology, political imperatives and the use of law as an instrument of social control in the formation of legal consciousness of the population. Based on the primary sources of that period, including legal texts, speeches and propaganda materials, it can be argued that the early Soviet legal mentality was characterized by a combination of revolutionary zeal, authoritarianism and a focus on class struggle. The article also examines the influence of the legal mentality of this period on the development of the entire Soviet law and its continuation in the legal system of modern Russia.

This article attempts to trace the ontological features of law and their intersection with modern concrete historical conditions. The author analyzes various assessments of the first legal reforms and the new legal ideology of the Bolsheviks from the point of view of modern legal values. It is concluded that it is necessary to draw parallels between modern legal problems and those problems that faced the new government in 1917.

© Мурунова А. В., 2024

Keywords: legal mentality, legal values, legal system, legal policy, Soviet law.

Первые годы советской власти были весьма неоднозначными с точки зрения их исторического значения для развития российского права. Однако несомненным является тот факт, что это был великий опыт и его следует периодически осмысливать в контексте современной исторической ситуации. Мы можем отметить позитивные и негативные черты онтогенеза правовой ментальности России от первых шагов советской власти до современной государственности.

Правовая реальность первых десятилетий после Октябрьской революции являла собой сложную картину радикальных изменений, идеологизации и противоречий. Этот период стал основой для дальнейшего развития советской правовой системы и оказал долговременное влияние на правовую культуру и практику в России. В то время как свершившиеся изменения преследовали цели построения социалистического общества, они также сопровождались репрессиями и серьезными нарушениями прав человека.

Первые годы Советской власти были периодом глубоких преобразований в российском обществе, ознаменовавшимся установлением нового правового порядка, основанного на марксистско-ленинских принципах. Этот период был отмечен стремительными изменениями, связанными с установлением советской власти, реформированием правовой системы и трансформацией общественных отношений. Рассмотрим несколько характерных черт правовой ментальности того времени.

В первые годы после революции был предпринят переход от буржуазного права к социалистическим нормам. Ряд уголовных, гражданских и трудовых законов был преобразован в соответствии с идеологией рабочего государства. Отличительной чертой этого процесса стало использование классового подхода в правоприменении: права и интересы рабочих и крестьян ставились выше интересов буржуазии.

После Октябрьской революции 1917 года началась реформа правосудия. С 1917 года по 1936 год правовая система России претерпела радикальную трансформацию. В 1918 году была принята Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая означала отказ от буржуазного правопорядка и внедрение новых правовых норм в жизнь общества. Правоведам предстояло проработать основы функционирования новых институтов. Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 года упразднил все существовавшие ранее судебные учреждения: окружные суды, судебные палаты, Правительствующий сенат, военные и морские, а также коммерческие суды. Действие института мировых судей приостанавливалось до замены этих судей местными судами, избираемыми на основании прямых демократических выборов. Местные суды состояли из постоянного судьи и двух очередных народных заседателей. Предварительное следствие осуществляли единолично судьи. Для рассмотрения жалоб на решения местных судов и ревтрибуналов созывались уездные, а в столицах – столичные съезды местных судей.

Кроме местных судов, учреждались и революционные трибуналы для борьбы против контрреволюционных сил, а также для решения дел о мародёрстве, саботаже и прочих злоупотреблениях. Революционные трибуналы создавались в составе председателя и шести заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами. 30 ноября 1918 года было принято Поло-

жение «О народном суде РСФСР», которое унифицировало судебную систему. Положением учреждалась единая форма суда – народный суд, действовавший в пределах района, уездного или городского. В компетенцию народных судов входило рассмотрение всех гражданских и уголовных дел, за исключением дел, рассмотрение которых входило в компетенцию революционных трибуналов (дела о контрреволюционных деяниях, саботаже, дискредитировании советской власти, шпионаже и др.). В последующие годы после окончания гражданской войны была проведена судебная реформа, главным достижением которой стала ликвидация революционных трибуналов и формирование единой централизованной системы советских судов.

В начале 20-х годов XX века была проведена работа по созданию Кодекса законов о труде (1922), который стал важным шагом в регулировании трудовых отношений в условиях новой экономики. Правоведы работали над тем, чтобы сделать трудовое законодательство более доступным для рабочих и крестьян, отражая интересы нового класса.

Развитие правоведения в советский период также привело к появлению новых учебных заведений и кафедр. В университетах начали преподавать новые дисциплины, которые охватывали как теоретические аспекты, так и практические. Правоведы стали публиковать научные работы, участвовать в конференциях, формируя новую юридическую науку. После революции 1917 года в юридической науке была предпринята попытка создать марксистскую теорию права. Остальные течения игнорировались или критиковались. Юриспруденция фактически была поставлена на службу классовым интересам, в практическом применении они интерпретировались с административно-командной позиции. Наука стала партийной, отмечалось пренебрежение интересами индивида и его правами. Первые годы советской власти были особенно трудными для юридической науки и образования. Новые источники права только формировались, отсутствовало чёткое представление о том, каким должно быть социалистическое право, однако радикальные теории отбросили советское правоведение далеко назад.

Следует также отметить, что революционные преобразования имели и положительное значение для развития отдельных правовых институтов. Так, изменения, затронувшие трудовое право, семейное и социальное обеспечение, носили прогрессивный характер. В дальнейшем кодификация советского права, прошедшая в 20-е годы, закрепила эти изменения и развила отдельные положения, способствовала росту юридической науки.

Правоведы первых десятилетий советской власти играли ключевую роль в формировании нового правового пространства, соответствующего идеалам социализма. Их правовые исследования закладывали основы для правовой системы, которая продолжала развиваться в последующие десятилетия. Несмотря на сложности и противоречия того времени, их вклад в правовую мысль и практику остаются значимыми в истории отечественного права. Выдающимися представителями советской правовой мысли периода ее становления являются М. А. Рейснер, который смог в своем подходе соединить марксизм и психологическую школу права, П. И. Стучка, который придерживался социологической теории, и Е. Б. Пашуканис, автор меновой концепции права.

В октябре 1917 года произошли кардинальная смена политического и правового курса страны, отказ от старого права, прежнего понимания основных принципов законности и справедливости, а также упразднение прежних

юридических институтов. Вместо окружных судов и «мирового» советской властью были введены народные суды, формировалась новая интеллектуальная элита. В первом декрете «О суде» от 24 ноября 1917 года Советское правительство учредило два вида судебных учреждений: местные суды для рассмотрения обычных гражданских дел и революционные трибуналы для борьбы с контрреволюцией. Интересно, что эти переломные события поменили местами тех, кто занимал до революции высшие юридические посты, и тех, кто до недавнего времени числился нарушителем закона. Новые судьи не имели юридического образования, и отправлять правосудие теперь разрешалось непрофессионалам, которые поверхностно усвоили суть новых правовых норм. Хронически не хватало юристов, однако буржуазная правовая наука теперь не признавалась и старые специалисты соответственно тоже. В городах права трудящихся были защищены лучше, а в деревнях в сфере юриспруденции работали даже неграмотные.

Новая власть диктовала новое правопонимание. Советское право исходило от государства, понималось как его продукт, но в то же время было обусловлено существующими общественными отношениями. Согласно марксистско-ленинской теории о буржуазном праве, право детерминировано условиями жизни, волей господствующего класса. Это система санкционированных государством формальных норм, выражающих волю экономически господствующего класса и выступающих в качестве регулятора общественных отношений. Изначально советское право квалифицировалось как обреченное на отмирание вместе с государством. В СССР всегда был примат политики над правом. Думается, что эта черта до сих пор не преодолена.

Однако эта концепция права не является новой. К. Маркс и В. И. Ленин сформировались как юристы в странах, входящих в романо-германскую правовую семью. Она связана с юридическим позитивизмом, который хотел видеть право как выражение воли законодателя, высшего толкователя справедливости [2, с. 43–44, 81, 151]. Именно поэтому многие западные авторы, особенно английские и американские, отказывались видеть в советском праве оригинальную систему и помещали его в романскую правовую систему. Первая советская крупная кодификация права начала 20-х годов, стала в значительной мере рецепцией германского права, в частности, в сфере гражданско-правового регулирования – Германского гражданского уложения 1896 года. От германского права советские кодексы восприняли пандектную систему изложения нормативного материала (общую и особенную части) [1, с. 158].

При оценке правового менталитета переходного периода в первые годы советской власти особое значение приобрел вопрос о соотношении коллективистских и индивидуалистических ценностей в праве. В первые годы советской власти коллективизм понимался как классовый. Однако впоследствии в 60-х годах, после XX съезда партии, официальная идеология больше внимания стала уделять личности. Повсюду стали создаваться народные дружины, товарищеские суды, общественные пункты охраны общественного порядка и так далее. Таким образом, основы общественной профилактики в нашей стране были заложены более полувека назад и затем успешно имплементированы и модернизированы во многих западноевропейских и азиатских странах.

С первых шагов советский период правового развития начал формировать традицию, которая очень органично вписывается в правовой менталитет России, повышение воспитательной роли права, разрушение в людях эгоизма,

антиобщественных тенденций. В тоже время проявился правовой утопизм в стремлении переделать человека. Гражданин должен был выполнять законы не под страхом наказания, а повышения уровня сознательности. В советское время социальная справедливость функционировала в ее классовом понимании вплоть до ликвидации эксплуататоров. Многие современные конституции (Индия, Пакистан и другие) восприняли положения о ликвидации эксплуатации, а в Ирландии, Португалии, Испании, в частности, говорится о справедливом распределении общественных доходов и богатств или запрещении подневольного и детского труда, неравноправия различных социальных групп, каст, племен. В ряде конституций есть и прямые формулировки о принципе социальной справедливости (Египет, Греция, Шри-Ланка). Сам термин о социальном государстве, возникший в зарубежных конституциях не без влияния социалистических идей, которым был просто придан демократический смысл, не исчерпывает социальной справедливости [5, с. 9].

В первые годы советской власти была провозглашена диктатура пролетариата, которую современные юристы называют апологией насилия. Е. А. Лукашева отмечает, что диктатура пролетариата является противоположностью правового государства, которая исключает принципы верховенства закона и права человека. По ее мнению, при установлении большевистского режима были отвергнуты главные ценности демократии – свобода, правовое государство, права человека. Вместо них были поставлены во главу угла авторитаризм, отрицание права на свободу выбора и самоопределения, «лжеколлективизм». Е. А. Лукашева осуждает методы насилия и террора, «революционную вседозволенность», говорит о последствиях «беспощадной классовой борьбы» [4, с. 271]. Однако следует помнить, что такие методы были выбраны в условиях внешней опасности, угрозы интервенции. Необходимо было удержать власть любой ценой, исключить возможность нового переворота, преодолеть сепаратизм.

Правовая ментальность постреволюционного общества определялась идеологией, которую разработали «вожди революции». В. И. Ленин открыто оправдывал деспотизм и антиличностную направленность политики. Марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата легло в основу дальнейших преобразований. Однако изучение языка права свидетельствует о преобладании устрашающей лексики и противозаконных лозунгов. Власть не должна прислушиваться к правозащитному движению, она имеет право на насилие и террор. Апологетами этой политики выступили Н. И. Бухарин и Г. Е. Зиновьев, фактически оправдывавшие такие антиправовые явления как самосуд и произвол самих трудящихся масс.

При формировании нового правового менталитета отказались от деления на публичное и частное право, характерного для романно-германской семьи. Все, что было связано с областью хозяйства, было публично-правовое, а не частное. Не было в советском праве и деления имущества на движимое и недвижимое. Для советского права было характерно негативное отношение к вещному праву [5, с. 17].

В советских конституциях вообще не предусматривалось введение норм международного права в национальную правовую систему. Однако В. И. Ленин видел в России лишь стратегический плацдарм для мировой пролетарской революции. То есть «Русскую революцию» большевики рассматривали исключительно в глобалистском контексте. Впоследствии А. Я. Вышинский выдвинул теорию примата национального права перед

международным, но она не получила поддержки. Советской доктрине была чужда как теория примата международного права, так и теория примата национального права. Общеизвестная концепция международного права была развита в трудах Г. И. Тункина, Р. Л. Боброва и др. Среди принципов международного права Г. И. Тункин выделял следующее: ненападения, мирного разрешения международных споров, самоопределения народов, разоружения, запрещения пропаганды войны [3, с. 94–95]. Под давлением потребностей международного общения СССР признал неизбежность частной имплементации международных правил во внутреннее право. Для чего использовались отсылки к международным договорам. Впервые в современной истории дань уважению к международному праву была отдана в Конституции СССР 1977 года, но лишь во внешнеполитической области. Горбачевское руководство проявило даже решимость поднять уровень внутреннего права до международного, что нормы международного права обладают приоритетом над их внутренними нормами. Началось постепенное проникновение международной правовой культуры в национальное право.

Среди принципиальных различий советской и российской системами права можно выделить, во-первых, отказ от классового подхода к праву, во-вторых, отрицание императивного жесткого административно-правового регулирования всех общественных отношений, в-третьих, восстановление отвергнутых советским правом государственно-юридических институтов, как институты мировых судей, присяжных заседателей и др. Наконец, существенные изменения происходят в иерархии источников права, канул в лету такой гибрид государственно-правового регулирования, как акты совместных постановлений ЦК КПСС и высших органов власти и управления, составляющих пятую часть всего законодательства СССР [5, с. 195, 198].

Однако этот период в советской истории незримо перекликается с современными событиями. Политтехнологии В. И. Ленина не исчезли, а были переработаны на Западе, а возможно оттуда и проистекают. Онтологическая суть современных событий перекликается с событиями начала прошлого века. И цели у власть имущих остались те же – создание единой мировой гегемонии, с унифицированным материалистическим мировоззрением, с единым правительством. Разлагающая идеологическая агрессия на российский менталитет, либерально-материалистическая ментальная экспансия должны быть нейтрализованы, иначе может произойти захват власти и полный демонтаж суверенного «враждебного» государства.

Октябрьская революция 1917 года стала поворотным моментом в истории России, навсегда изменившим правовую систему и восприятие права как такового. Правоведы того времени столкнулись с задачей осмысления новых политических реалий и их влияния на существующие юридические нормы. В революционных условиях многие из них оказались в состоянии внутреннего конфликта: с одной стороны, они стремились сохранить законность и правопорядок, а с другой – ощутили необходимость адаптировать существующее право к требованиям социалистической идеологии.

Некоторые юристы поддержали революцию, полагая, что она приведет к справедливому обществу, основанному на новых принципах. Другие же, наоборот, предупреждали о возможных опасностях, связанных с принудительной трансформацией правовой системы. Неоднозначность правового статуса после революции привела к массовым дискуссиям о природе права, его источниках и функции в условиях дестабилизации. Правоведы начали

переосмыслять идеи, которые считали неизменными, и это осмысление продолжилось на протяжении всего советского периода, оставляя глубокий след в правовой науке и практической деятельности.

Русские правоведы были вынуждены эмигрировать, но даже в эмиграции упорно изучали право, добились больших достижений в своей деятельности. Например, П. И. Новгородцев даже смог основать в Праге Русский юридический факультет – эмигрантское высшее учебное заведение. Однако факультет просуществовал недолго – с 1922 по 1933 год, в его стенах преподавали выдающиеся ученые: Г. В. Вернадский, Г. Д. Гуревич, Н. Н. Алексеев, сам П. И. Новгородцев и другие.

Таким образом, правовая мысль первых десятилетий советской власти является важным элементом истории России, который оказал большое влияние на формирование современной правовой системы страны. Первые годы Советской власти были периодом глубоких преобразований в российском обществе, ознаменовавшимся установлением нового правового порядка, основанного на марксистско-ленинских принципах.

Одним из ключевых элементов правовой мысли в первые десятилетия советской власти было создание новой системы права, основанной на идеологии марксизма-ленинизма. Важными являлись такие законы, такие как «Об учреждении Совета Народных Комиссаров» от 27 октября 1917 г., «О социализации земли», утвержденный ВЦИК 27 января (9 февраля) 1918 г. В тот момент необходимо было закрепить власть в своих руках, используя популярные меры в борьбе с сепаратизмом и дестабилизацией.

Однако, следует отметить, что в первые десятилетия советской власти не всегда соблюдались принципы правового государства. Политические репрессии, как, например, расстрелы «политических врагов» в рамках «Красного террора», были встречным явлением в советской действительности. Правоведы и юристы также подверглись гонениям со стороны новой власти большевиков. Особенно хочется вспомнить имя Ю. П. Новицкого, общественного деятеля и юриста, который подвергся репрессиям и был приговорен к смерти. При жизни он занимался научной деятельностью, работал следователем, создал суд по делам несовершеннолетних. В 1922 году во время Петроградского процесса Ю. П. Новицкого обвинили в противодействии власти и попытке свержения рабоче-крестьянского правительства. Он решил защитить своего друга и многодетного отца, протоиерея Николая Чукова, фактически принес себя в жертву. После смерти Ю. П. Новицкого причислили к лику святых новомучеников и исповедников российских. Сейчас в честь него назван Юридический институт Костромского государственного университета.

Тем не менее, правовая мысль первых десятилетий советской власти оказала огромное влияние на дальнейшее развитие советской юриспруденции. Советское законодательство и правоприменение до сих пор остается объектом изучения и исследования для юристов и историков права.

Таким образом, правовая мысль первых десятилетий советской власти была отличительной чертой установившегося в стране режима. После Октябрьской революции 1917 года и установления большевиков у власти, в советском государстве началась активная работа по созданию нового законодательства, основанного на идеях марксизма-ленинизма. Сразу после Октябрьской революции были приняты первые указы и декреты, направленные на национализацию промышленности, земли и банков, а также на сокращение

царского аппарата и создание новых органов власти. Основными принципами правовой мысли в первые десятилетия советской власти были коллективизм, централизация власти, классовая борьба и пролетарский интернационализм.

Библиографический список

1. *Бойцова В. В., Бойцова Л. В.* Исторические традиции российского сравнительного права // Журнал российского права. 2003. № 8. С. 158–168.
2. *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. 495 с.
3. *Левин Д. Б.* Развитие советской концепции по вопросу о сущности международного права // Государство и право. М., 1986. № 6. С. 92–96.
4. *Лукашева Е. А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2009. 384 с.
5. *Надеждин В. И.* Эволюция правовых систем России (советский и постсоветский периоды): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 21 с.
6. *Чиркин В. Е.* Российская Конституция и международный опыт // Государство и право. М. 1998. № 12. С. 5–14.

Информация об авторе / Information about the author

Мурунова Анна Вячеславовна – канд. филос. наук, преподаватель отделения СПО юридического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, amurunova@yandex.ru

Murunova Anna Vyacheslavovna – Ph. D. in Philosophy, Lecturer of the Law Department of the Faculty of Law of N. I. Lobachevsky National University, Nizhny Novgorod, Russia, amurunova@yandex.ru

**ПОЛЕМИКА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЮРИСТОВ
О ВЛИЯНИИ РЕВОЛЮЦИИ
НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1917–1922 гг.**

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются дискуссии отечественных ученых-юристов о роли событий 1917 года на правоприменительную деятельность. Революция наложила отпечаток на юридическую мысль исследуемого периода, отвергнув все юридическое наследие «царского режима», принимая его только в той степени, которая не противоречит революционному правосознанию. Будучи ограниченными в использовании научных достижений прошлых лет в связи с их «буржуазной» основой, ученые вели полемику о том, какую роль и какой объем революционное правосознание должно занимать в системе права. Автор анализирует взгляды ведущих правоведов исследуемого периода времени на трансформацию правовой системы и правоприменения в условиях кардинальных политических и социальных преобразований, и на примере некоторых из них показывает, как сильно политическая ситуация довлела над развитием юридической науки, в том числе и ее правоприменительной составляющей.

Ключевые слова: революционное правосознание, правоохранительные органы, революционная законность, правоприменение.

A. I. Morokina

**POLEMICS OF DOMESTIC LAWYERS ON THE IMPACT
OF THE REVOLUTION ON LAW ENFORCEMENT IN 1917–1922**

Abstract. This paper examines the discussions of domestic legal scholars on the role of the events of 1917 on law enforcement. The revolution left an imprint on the legal thought of the period under study, rejecting the entire legal heritage of the 'tsarist regime', accepting it only to the extent that it did not contradict the revolutionary legal consciousness. Being restricted in the use of scientific achievements of the past years due to their 'bourgeois' basis, scientists engaged in a polemic about what role and how much revolutionary legal consciousness should occupy in the system of law. The author analyses the views of leading jurists of the period under study on the transformation of the legal system and law enforcement in the conditions of cardinal political and social transformations, and by the example of some of them shows how much the political situation dominated the development of legal science, including its law enforcement component.

Keywords: revolutionary legal consciousness, law enforcement agencies, revolutionary legality, law enforcement.

К началу 20 века Россия подошла с полностью сформировавшейся самобытной правоприменительной системой, основанной, прежде всего, на правовых системах европейских стран. Россия взрастила плеяду выдающихся отечественных юристов: А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, К. П. Победоносцев и многих других.

Вихрь революционных событий февраля – октября 1917 года полностью разрушил сформированную и довольно эффективно работающую систему правосудия и правоприменения в целом. Последствия февральской революции 1917 года не так пагубно отразились на правоприменительной системе России. Временное правительство отстаивало необходимость сохранения правового наследия царской России. А. Ф. Керенский, вступая в должность министра юстиции Временного правительства, заявлял о намерении требовать от чиновников своего ведомства строгого соблюдения законности, подчеркивая, что любой, кто осмелится выразить сомнение в понятии законности в условиях революционной эпохи, будет считаться анархистом.

Однако, в это время в обществе назревали более кардинальные настроения. Газета «Правда» печатала мысли Карла Маркса о том, что: «Не общество покоится на законе, а наоборот, закон должен быть выразителем всеобщих интересов и опираться на общество» [3, с. 496]. Законы, которые, превращаются в клочок бумаги, уступают в настоящее время место «революционной необходимости» и «целесообразности». Утром 25 октября 1917 года Петербургский Военно-революционный комитет от лица Советов объявил Временное правительство низложенным. Вечером того же дня начал работу II Всероссийский съезд Советов, а в 2 часа 10 мин. 26 октября Зимний дворец оказался в руках восставших. II Всероссийский съезд Советов в своем постановлении отметил: «Вся власть отныне принадлежит Советам. Комиссары Временного правительства отстраняются...» [2, с. 5].

В. И. Ленин в работе «Государство и революция» утверждал, что соблюдение несложных правил общественного поведения скоро войдет у граждан в привычку, так как введение всенародного управления сделает уклонение от его контроля неимоверно трудным [6, с. 102].

Официальный смысл октябрьской революции состоял в уничтожении эксплуататорских классов, а равно производного от них государства и права. Ведущими теоретиками этого направления в развитии молодого советского права были П. И. Стучка, М. А. Рейснер, Е. Б. Пашуканис. В основе теории Рейснера лежала психологическая теория права известного дореволюционного ученого Л. И. Петражицкого о том, что не любое правосознание могло выступать как источник права, а только правосознание трудящихся классов, которое в то время формировалось и развивалось на основе идеи марксизма.

Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. в ст. 5 возвел эту теорию в ранг закона: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [2, с. 125]. В. И. Ленин отмечал: «аппарат, который насквозь был бюрократическим и буржуазно-угнетательским, который остается таковым даже в самых свободных буржуазных республиках... мы... уничтожили до основания. Взять хотя бы суд... здесь не пришлось создавать нового аппарата, потому что судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий. Мы еще далеко не довели здесь дело до конца, но в целом ряде областей создали из суда то, что надо» [7, с. 172–173].

Вплоть до окончания Гражданской войны цель уголовно-правовой политики заключалась в создании норм, направленных исключительно на борьбу с посягательствами на интересы самого государства. Защита самих граждан от различных посягательств отдавалась на откуп «революционному»

правосознанию судей. Данную позицию были вынуждены принять оставшиеся в России ученые и правоприменители того времени, поскольку иного проявления юридической мысли государство просто не допускало. Новое правосознание возникло на основе концепции классовой справедливости, которая «пронизывала» все законодательные акты, регулирующие отношения в сфере гражданского и уголовного права. В данном контексте революционная законность воспринималась как «более свободная оценка интересов, которые сталкиваются в конкретных случаях жизни, направленная к ограждению интересов рабоче-крестьянского государства и нужд трудящихся» [1, с. 2]. Пролетарское право рассматривалось как инструмент, используемый для подавления политических противников, средство осуществления диктатуры пролетариата. Понимание классовой природы права стало одним из основополагающих принципов, который, в свою очередь, определяло классовое толкование законности [12, с. 7].

В качестве цели нового права декларировалась следующая установка: «парализовать живучие импульсы наживы и эксплуатации и всякого рода наследий буржуазного уклада» [11, с. 19]. Первоначально отрицались любые проявления и попытки внедрить в правоустройство молодой республики правовые положения как «царского режима», так и отдельных элементов правовых систем зарубежных стран, прежде всего европейских. М. Ю. Козловский писал о зарубежных правовых теориях, что «все эти «теории» в лучшем случае определяют право как совокупность норм, принудительно регулирующих человеческие отношения; в худшем – как нормы, охраняющие «свободу»». «Право служит защите интересов силой», а «право революции» выступает на сцену взамен писаного права, когда последнее не удовлетворяет нуждам народа [5, с. 21].

Потенциальная возможность существования бесклассовых судов отрицалась, как и принципы дореволюционного судопроизводства. Суд рассматривался исключительно как «оружие пролетарской власти, ее карающий меч». В качестве основной задачи пролетарского суда декларировались защита революционного порядка и осуществление уголовной репрессии [13, с. 15].

Законодательству и законотворческой деятельности государства в то время достались далеко не первые роли. Гораздо важнее было то, что называлось в то время «революционным творчеством масс». Доказательством тому, что такая точка зрения была главенствующей среди представителей новой революционной власти, является суждение А. В. Луначарского, который с 1917 по 1929 год был наркомом просвещения в Советском правительстве: «Это интуитивное право, отражающее собою классовые интересы масс и соответствующее создающемуся новому хозяйственному укладу, могут отчетливо сформулироваться лишь в процессе непосредственного правового революционного творчества. Таков закон революций и, прежде всего, великих переворотов, не имеющих прецедентов» [8, с. 15–16].

Существовали разные взгляды на роль и объем революционного правосознания в праве. Допускались взгляды, которые сегодня можно назвать экстремистскими. Так, например, М. Я. Лацис рекомендовал свой метод определения степени виновности: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым делом мы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения,

каково его образование, какова его профессия? Эти вопросы должны решать судьбу обвиняемого. В этом сущность и смысл красного террора» [4, с. 2].

Но впоследствии верх взяло более либеральное представление о будущей системе права, допускающее революционную составляющую в праве как дань политической обстановке того времени, но с обязательной строгой кодификацией пусть и новой, но закрепленной в законе системе права молодой республики. Одним из первых последователей такой точки зрения стал Г. М. Португалов, который в своей работе «Революционная совесть и социалистическое правосознание» отмечал, что революционная совесть сыграла организационную роль в оформлении нового строительства. Революционная совесть есть такое состояние, когда, отрешившись от старых мерил познания добра и зла, она мгновенно реагирует на различные проявления человеческой воли, подчиняя ее зарождающемуся новому укладу права, морали, религии и эстетики, укладу, творимому революционной волей народа. Эта совесть должна быть в абсолютном контакте с другим «лицом» правосудия – с социалистическим правосознанием. Это последнее объемлет «все практические выводы социализма». Как отмечает Г. М. Португалов: «социалистическое правосознание есть по преимуществу понятие материально-правовое, находящее свое выражение в ст. 22 Положения о народном суде: «При рассмотрении дел народный суд применяет декреты Рабоче-Крестьянского правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполном в такого рода руководствуется социалистическим правосознанием» [10, с. 46].

Ранее, в ст. 12 Устава уголовного судопроизводства устанавливалось: «Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, нелепости или противоречия законов, коими судимое дело воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов». Этот «общий смысл законов» был логическим судебским выводом из тех многообразных норм, совокупность которых составляло буржуазное законодательство. И суду приходилось применить толкование по аналогии, «если, по счастливой случайности, обреталось в каком-либо ином законе соответствующее указание, или обращаться к историческому толкованию для выяснения тех исторических сил, которые вызвали на свет то или иное правовое положение» [10, с. 47].

Здесь встречались интересные исторические изыскания по праву, сложные казуистические рассуждения для оправдания того воззрения, которое по внутреннему, в конечном счете, убеждению судьи, было правильно. Всего этого нет в социалистическом законодательстве, не допускающем иного источника права, кроме социалистического правосознания, по отношению к которому декрет есть не более, чем авторитетный путеводитель.

Г. М. Португалов отмечает: «оценка судебного материала имеет в подсознательной своей основе ту же плоскость восприятия права и реакции на его нарушение, которое дает социалистическое правосознание». И это уясняет ту единственную ссылку на «внутреннее убеждение», которая имела в «декретном праве». Ст. 23 Положения о народном суде определяет: Народный Суд имеет право по своему убеждению определять меру наказания, а также постановить приговор об условном освобождении обвиняемого от наказания. Когда в декрете установлено наказание не ниже известной нормы, Народный Суд вправе уменьшить наказание, но с непременным условием точного изложения мотивов смягчений» [10, с. 47].

Ученый аргументирует данное «исключение» следующим образом: «Очевидно, что, то большое место науки о преступлении, которое касается права наказания, должно быть всецело предоставлено душевному чутью суда. Связанность его обязательною нормою привела буржуазное право к трагической коллизии судебного убеждения с карательною санкцией законов, точно определявшей минимум и максимум наказания, из которой единственным выходом было иногда оправдание виновного» [10, с. 47].

Рассматривая проблему соотношения декрета как кодификатора и революционного правосознания как неотъемлемой составляющей права, Г. М. Португалов приходит к выводу: «Поскольку доктрина научного социализма выводит его из строгой закономерности экономического быта и в круг этой закономерности включает все сферы духовной и хозяйственной жизни человека, приходится признать, что создаваемое им правосознание есть проявление той же мировой закономерности, в равной мере общей всем, кто разделяет основы учения, и в этом смысле, можно утверждать, наделенной признаками *ratio naturalis*. Декреты являются простыми оттисками того же социалистического правосознания» [10, с. 41].

Говоря о кодификации, Г. М. Португалов отмечал, что она должна возратить трудящимся то же самое право, которое от них получает в виде «окристаллизовавшегося социалистического правосознания». Данное мнение ранее уже нашло отражение в принятом 7 марта 1918 г. Декрете СНК РСФСР «О суде» № 2. При его написании авторы воспользовались «буржуазным правом». Так, в статью 8 Общего положения было внесено дополнение, в соответствии с которым указывалось, что судопроизводство должно осуществляться по правилам судебных уставов 1864 года [2, с. 468–469]. Впоследствии в качестве основных задач законности провозглашалось: «ограждение общественного и государственного порядка, борьба с преступностью, защита законных прав граждан, надзор за соблюдением законов».

В начале 1921 года в газете «Известия ВЦИК» прошло научное обсуждение о концепции «революционной законности» в контексте новой экономической политики. Участники дискуссии поднимали различные вопросы, касающиеся «революционного правосознания» и его проявления в период революции и Гражданской войны. Ученые критически оценивали упомянутый ранее феномен «революционного правосознания», а также «милитаризированное правосудие», «разрушительную революционную самодеятельность» и самоуправство в области реализации правосудия.

«Законность – это торжество нормы над инстинктом, системы над импровизацией», обязанностью «каждого коммуниста, каждого представителя власти» провозглашалось теперь соблюдение законов пролетарского государства, которое противопоставлялось «беззаконию» предшествовавшего периода. В научной юридической и публицистической литературе осуждался распространенный ранее подход о «полной безнаказанности представителей революционных классов» – писал А. Н. Трайнин, как бы подводя итог той вакханалии, которая первоначально разразилась в стране в 1917–1919 годах, когда в некоторых губерниях творился самосуд, в большинстве своем заканчивающийся убийством «подсудимого» [14, с. 5].

Интересно также проследить трансформацию правосознания под влиянием политической составляющей юристов того времени на примере их работ. Ярким свидетельством того, что практически все ведущие юристы молодой республики имели классическое «буржуазное» образование царской

России и были приверженцами этого образования, является работа профессора Э. Я. Немировского «Учебник уголовного права» 1919 г., в которой автор излагает свою позицию, опираясь на «господствующие в науке и положительном праве точки зрения», дает изложение основ уголовного права, опираясь на умозаключения ведущих юристов Европы, а также на законоположения России за последние несколько десятков лет.

В 1924 году профессор издает «Учебник Советского уголовного права», который представляет собой переработанное предыдущее издание. Ученый сам объясняет необходимость такой работы: «Настоящий труд представляет собой переработку моего «Учебника уголовного права», вышедшего в 1919 году. Совершенное изменение социального строя и законодательства достаточно объясняют необходимость нового, переработанного издания, соответственно с этим изменением». Данная работа основана на недавно принятых законах, Уголовном кодексе 1922 года, определяющем наказание для нарушителей «революционного правопорядка» и определяющем понятие уголовного права с точки зрения классового общества [9, с. 3].

Таким образом, мы видим кардинальные изменения в юридической науке, произошедшие на протяжении всего лишь нескольких лет под влиянием политической составляющей государства.

Подводя итог, следует отметить, что юридическая полемика российских ученых 1917–1922 годов целиком и полностью была пронизана революционной составляющей. Представляется, что такой вектор суждений был вынужденным, поскольку государство того времени, особенно в первые годы своего существования, отвергая предыдущее юридическое наследие, не давало возможности открыто следовать классическим положениям, наработанным за предыдущие десятилетия.

Говоря современным языком, откровенно экстремистские взгляды, идеи «красного террора», преобладающие в 1917–1918 годах, сменились на более либеральные, допускающие использование предыдущего законодательства в целях, не противоречащих современному строю.

Полемика ученых и правоприменителей, как мы видим, вынужденно сводилась только к определению роли и объема революционного правосознания в системе права того времени. Прослеживается тенденция на уменьшение влияния революционной составляющей в системе права с течением времени даже на протяжении небольшого с точки зрения истории пятилетнего периода. Это было неизбежно, ведь молодое государство, пускай и проводящее кардинально другую политику, все равно нуждается в порядке, упорядочении и кодификации своих новых императивов, что неизменно сказалось на взглядах ученых правоведов. В то же время, нельзя не отметить то, что, несмотря на вынужденное ограничение юридической мысли определенными рамками, правотворчество молодой республики не стояло на месте, а развивалось и кодифицировалось. Юридическое наследие досоветского периода не было безвозвратно утрачено.

Библиографический список

1. *Бранденбургский Я.* Просто законность или революционная законность // Ежедневник Советской Юстиции. 1922. № 32. С. 1–2.
2. *Валк С. Н., Обичкин Г. Д., Гапоненко Л. С.* Декреты советской власти. 25 октября 1917 – 16 марта 1918. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 626 с.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. 746 с.
4. *Козловский М. Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 21–28.
5. *Лацис М. Я.* Красный террор: еженедельник Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехо-Словацком фронте. Казань: б. и., 1918. 34 с.
6. *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 33. М.: Политиздат, 1967. 434 с.
7. *Ленин В. И.* Доклад о партийной программе // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 38. М.: Политиздат, 1969. 572 с.
8. *Луначарский А. В.* Революция и суд // Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. II. 1918. С. 15–19.
9. *Немировский Э. Я.* Советское уголовное право: пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР: ч. общая и особенная. Одесса: б. и., 1924. 292 с.
10. *Португалов Г. М.* Революционная совесть и социалистическое правосознание. Пг.: Гос. изд-во, 1922. 50 с.
11. *Рейснер М. А.* Право и революция. Пг.: Книгоиздательство И. Р. Белопольского, 1917. 32 с.
12. *Стучка П. И.* Заметки о классовой теории права // Журнал института советского права. 1922. № 3. С. 3–18.
13. *Стучка П. И.* Народный суд в вопросах и ответах. Пг.: Коммунист, 1918. 120 с.
14. *Трайнин А. Н.* О революционной законности // Право и жизнь. 1922. № 1. С. 5–8.

Научный руководитель: Поцелуев Евгений Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека, юридический факультет, Ивановский государственный университет.

Информация об авторе / Information about the author

Морокина Алина Ильинична – студентка 3 курса бакалавриата очной формы обучения юридического факультета, направление подготовки: 40.03.01 «Юриспруденция», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, morockina.a@yandex.ru

Morokina Alina Ilyinichna – 3rd year undergraduate full-time student of the Faculty of Law, field of study: 40.03.01 «Jurisprudence», Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, morockina.a@yandex.ru

УДК 343.1

М. М. Скотникова

**ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ:
ВЗГЛЯД Н. Н. ПОЛЯНСКОГО**

Аннотация. Уголовный процесс, как и любой вид человеческой деятельности, служит определенной цели, без которой невозможно представить его существование и развитие. Именно вопрос назначения этого государственно-правового явления волнует ученых уже многие годы, с дореволюционных времен и до наших дней. В настоящей работе представлен анализ взгляда на данную проблему выдающегося процессуалиста Н. Н. Полянского, выпустившего в 1919 году статью на соответствующую тему. Ученый разрабатывает собственную концепцию цели уголовного судопроизводства, определяя её черты, содержание, а также противопоставляя её ранее существовавшим научным подходам. Неординарный взгляд становится отражением времени, в которое было создано и опубликовано исследование. В статье рассматривается влияние подхода ученого на науку об уголовном судопроизводстве в России, а также отмечается развитие его идей в трудах других правоведов. Делается попытка дать ответ на вопрос о цели современного производства по уголовным делам с учетом анализа научных подходов и законодательства.

Ключевые слова: Н. Н. Полянский, цель уголовного процесса, наказание, истина.

М. М. Skotnikova

**THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA:
THE VIEW OF N. N. POLYANSKY**

Abstract. Criminal proceedings, like any other type of human activity, serve a specific purpose, without which it is impossible to imagine its existence and development. It is the question of the purpose of this state and legal phenomenon that has been worrying scientists for many years, from pre-revolutionary times to the present day. This paper presents an analysis of the view on this problem of the outstanding proceduralist N. N. Polyansky, who published an article on the relevant topic in 1919. The scientist develops his own concept of the purpose of criminal proceedings, defining its features, content, and contrasting it with previously existing scientific approaches. An extraordinary view becomes a reflection of the time in which the study was created and published. The article examines the influence of the scientist's approach on the science of criminal proceedings in Russia, and also notes the development of his ideas in the works of other legal scholars. An attempt is made to answer the question of the purpose of modern criminal proceedings, taking into account the analysis of scientific approaches and legislation.

Keywords: N. N. Polyansky, the purpose of criminal proceedings, punishment, truth.

В течение всей своей истории человек как биосоциальное существо стремится к прогрессу. Поступательное движение от низшей ступени к высшей в любой сфере жизни издревле является общепринятой траекторией развития. Основу любой деятельности составляет целеполагание – однозначное представление ожидаемого результата той или иной активности позволяет

не только прийти к нему наикратчайшим путем, но и сделать это наиболее эффективно. Уголовный процесс не является исключением из этой парадигмы, во все времена, в зависимости от типа государственного строя и исторического контекста, он имел цель, которая предопределяла его существование и правовое регулирование. Именно к такому выводу приходит Николай Николаевич Полянский (1878–1961), российский и советский ученый-юрист, специалист в области уголовного судопроизводства, в работе 1919 года «Цель уголовного процесса» [3, с. 92]. Рассмотрим основные идеи, которые он обосновывает в своем исследовании и оценим их влияние на дальнейшее развитие науки об уголовном судопроизводстве.

Н. Н. Полянский одним из первых специалистов в области юриспруденции молодой Советской России обратил внимание на проблему неопределенности современного ему понимания цели уголовного процесса. При этом, как он отмечает в начале своей работы, в необходимости отыскания её нельзя сомневаться, так как она (необходимость) исходит из самого содержания слов «производство» и «процесс» как видов деятельности, направленной на какой-либо конечный результат. Отсутствие цели пресекает все дальнейшее развитие отрасли, искажая суть судопроизводства. Выбор ориентира деятельности является коренным, первым вопросом теории, особенно связанной с производством по уголовным делам – важнейшим институтом нормально функционирующего государства [1, с. 75].

В статье автор предлагает обширное исследование исторических форм уголовного процесса не только в России, но и в мире, от Древнего Рима до первой четверти XX века. При этом в своём исследовании Николай Николаевич подчёркивает, что уголовное судопроизводство всегда имело однозначную цель в любой исторический период безотносительно формы реализации, а также того, что провозглашалось ею [5, с. 5, 8]. Приводя позиции отечественных и зарубежных процессуалистов, он обозначает антитезис, превалирующий в правоведении того периода: уголовный процесс создан для того, чтобы претворить в жизнь материальное право, а также осуществить карательную функцию государства – наказать виновных. Николай Николаевич в корне не согласен с таким подходом к рассмотрению вопроса, поскольку он не только ограничивает роль судопроизводства, сводя его лишь к средству претворения в жизнь права наказания [5, с. 8], но и искажает цель суда как общественного института [5, с. 14]. Главным свидетельством такого заблуждения служит то, к чему рано или поздно приходит любое развитое общество – при осознании ценности человеческих прав в так или иначе власть суда ограничивалась. Ему запрещалось безосновательно наказывать невиновного, выносить решение в отсутствие достаточных доказательств, иным образом неправомерно ограничивать права человека. Подтверждение этому можно обнаружить и в Древнем Риме, и в позднем инквизиционном процессе средневековья. В ходе своих научных изысканий Н. Н. Полянский приходит к следующему выводу: уголовный процесс мало того, что не является инструментом карательной функции государства, но противоречит ей и не является для нее необходимым средством. Примером тому могут служить революционные судебные органы, карательные экспедиции и военно-полевые суды. Они, хоть и связаны названием с деятельностью по отправлению правосудия, но функционально от нее крайне далеки [5, с. 14, 17], имели ту цель, которую уголовному судопроизводству предполагали мыслители более ранних периодов – исполнение карательной функции государства. Без наличия

достаточного количества доказательств и рассмотрения дела по существу они выносили заранее определенные решения в отношении тех, кто противостоит действующей власти и порядку. Нормально функционирующее производство по уголовным делам с учетом соблюдения формальных требований и законодательных предписаний исключает такую деятельность, подчеркивая ее противоправность и несостоятельность в обществе, в котором осознается ценность естественных прав человека.

В результате заочной полемики со многими авторами прошлого и современности Николай Николаевич приходит к выводу о том, что цель уголовного процесса состоит из двух компонентов: определение наличия права государства на применение наказания (решение о виновности или невиновности подсудимого лица), а также установление границ этого права (размера наказания) [5, с. 21]. Эти элементы отражают и роль суда в обществе, и характер принимаемых им решений, и силу приговора, выносимого в результате производства по делу. При этом место судебных органов в системе функционирования государства также становится обособленным, они приобретают уникальные полномочия, несвойственные, например, органам внутренних дел и правопорядка, которые также обладают полномочиями для применения мер уголовной репрессии. Но только суд вправе решить: соответствует ли рассматриваемая ситуация нормам материального права, может ли государство применить наказание в отношении данного лица. По мнению Н. Н. Полянского, исторические формы уголовного судопроизводства количеством ограничений субъективных прав обвиняемых лиц многие годы вводили в заблуждение ученых, ведь, если очистить от них процесс, то настоящая цель становится очевидной. Несмотря на то, что для юриста наших дней эти мысли не кажутся революционными, более ста лет назад такая идея, а в особенности ее глубокое обоснование, были одними из первых в своем роде. Именно эта цель позволяет считать рассматриваемую государственно-правовую деятельность необходимым условием применения уголовного принуждения. Остальные же вопросы, решаемые в процессе, являются скорее второстепенными, могут быть сведены, в качестве одного из подходов, к задачам судопроизводства. Все они, как, например, проблема возмещения вреда, причиненного потерпевшему, особенности условий отбывания наказания и другие ведут процесс к разрешению каждого дела, но, тем не менее не являются центральными его категориями.

Однозначное понимание цели уголовного судопроизводства не только объясняет причину существования этого правового явления, но и во много диктует его внутреннее упорядоченное устройство: от цели зависит содержание уголовно-процессуальных институтов, значение приговора и вопросы, которые должны им решаться. Цель же задает направление государственной политики в сфере производства по уголовным делам, а также место отрасли в общей системе отечественного права, несколько отдавая его от уголовного, обособляя его [5, с. 32]. С точки зрения Н. Н. Полянского, уголовное судопроизводство, в противовес общепринятой позиции, является не средством реализации материального права, а условием. Лишь при действительном функционировании процессуальной системы уголовный закон воплощается в жизнь в том качестве, в котором он был создан для служения людям. Исследователь связывает с целью уголовного судопроизводства еще одну важную проблему – его стадийность. В зависимости от того, к какому результату движется деятельность лиц, ведущих процесс, зависит и то, чем он заканчи-

вается, следовательно, какая стадия является для него конечной [5, с. 18]. Неоднократно в этой связи Николай Николаевич обращается к позиции, которая к концу XX века станет главенствующей в науке: «цель уголовного процесса состоит в отыскании истины...». Эта идея поддерживается, по его собственному утверждению, и судебной властью дореволюционной России, так как именно такая формулировка применялась судами конца XIX века. При этом уголовно-процессуальная деятельность в таком случае оканчивается вынесением приговора, ведь именно этот процессуальный акт содержит окончательное решение суда по поводу того, какое событие имело место в действительности, какова, в связи с этим, виновность лица. Этот взгляд, естественно, нельзя назвать верным, так как процессуальные вопросы возникают и при исполнении наказания: суд не только определяет наличие права государства на наказание, но и его объем, особенности исполнения. Невозможно забыть и о возможности возобновления производства по делу в связи с новыми и вновь открывшимися обстоятельствами, которая, хоть и в несколько другой трактовке нежели сейчас, была известна процессу прошлого.

Идею об истине как цели судопроизводства в своих работах долгие годы разрабатывал другой известный процессуалист двадцатого столетия – Михаил Соломонович Строгович. Естественно, он не был ни первым, ни единственным, кто касался этого института в своих исследованиях, но его заслуги в данной сфере по праву считаются выдающимися. Его позиция имеет глубокое научное обоснование, а также подкреплена законодательно: истина упоминалась в качестве цели судопроизводства как в Уголовного процессуальном кодексе РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1922 года, так и в УПК РСФСР 1960 г. Нельзя сказать, что подход, который Н. Н. Полянский посчитал в корне неверным, был избран советской властью в качестве наиболее соответствующего потребностям судопроизводства. Отличие с вышеназванным положением в данном случае состоит в определении содержания истины и, в связи с этим, с поиском момента в процессе, когда она считается установленной. М. С. Строгович считает, что целью советского уголовного процесса является установление материальной истины – «полного соответствия действительности выводов и утверждений следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого дела» [8, с. 14]. При этом в, конечном итоге, в содержание цели уголовного судопроизводства в широком смысле включается: «обнаружение истины по уголовному делу, установление виновности и справедливое наказание лица, совершившего преступление, ограждение от неосновательного обвинения невиновного человека и оказание воспитательного воздействия на граждан» [7, с. 41]. Сравнив подходы двух юристов, мы видим, что между ними много общего, несмотря на отличающееся на первый взгляд внешнее выражение мысли. Они оба являются представителями широкого подхода к определению цели государственной деятельности, связанной с производством по уголовным делам; оба признают высокую значимость этой правовой категории для всей отрасли и обосновывают с её помощью и включение в рамки процесса стадии исполнения наказания. Нельзя не отметить разницу в подходах ученых, несмотря на наличие некоторой преемственности. Михаил Соломонович создал свой знаменитый труд «Курс советского уголовного процесса» совсем в иное время, чем Н. Н. Полянский, когда многие вопросы правоведения еще не были исследованы и решены окончательно. Последний в значительной степени является основателем широкого подхода к определению цели уголовного судопроизводства. Обоснованность

подхода М. С. Строговича, в свою очередь, подкреплялась наличием законодательного решения данного вопроса после принятия УПК РСФСР 1922 года.

В настоящее время вопрос о цели уголовного процесса все еще остается до конца не решенным, осложняет ситуацию и отсутствие однозначного подхода законодателя к решению данной проблемы. Исключив из УПК РФ упоминание истины, которая была закреплена в УПК РСФСР многие десятилетия, законодатель предпринял попытку избежать полемики в отношении уместности такого решения в праве молодого государства, которое вновь пыталось отбросить все основные идеи предыдущей власти. При этом в законе появилась категория «назначение уголовного процесса», содержание которой также нельзя определить однозначно: отражает ли она то, к чему процесс стремится, то, какие задачи он должен решить, или же норма подлежит буквальному прочтению, и в ней перечислены строго причины, для которых производство по уголовным делам существует, – вопрос открытый. Некоторые ученые, пытаясь заполнить законодательный пробел, применяют расширительное толкование к статье 6 УПК РФ, отождествляя термины «назначение» и «цель». С таким подходом нельзя согласиться, так как в этом случае цель является слишком обширной и неоднозначной [4, с. 391]. Многие десятилетия теоретики ищут ответ на вопрос о содержании цели современного производства по уголовным делам в России, так или иначе, даже обращаясь к наследию исследователей прошлого. Однако однозначного ответа все еще нет [2, с. 21]. По нашему мнению, цель российского уголовного процесса может быть выявлена в результате комплексного изучения норм УПК РФ [6, с. 723], и состоит она, как и в прошлом столетии, в обнаружении истины по делу и применению или неприменению в связи с этим мер уголовной репрессии. Рассмотрев историческую трансформацию научных и законодательных подходов к определению цели уголовного судопроизводства России можно отметить не только развитие многих правовых институтов и совершенствование юридической техники закона, но и прогрессивность идей Н. Н. Полянского, которые были сформулированы более века назад.

Статья Н. Н. Полянского является одной из первых работ науки советского уголовного процесса, в которой концентрируется внимание на столь фундаментальном вопросе. Возможно, именно особенности исторического периода поспособствовали популяризации новой для ученого сообщества проблеме: сам автор обращает внимание на то, что до него ни у одного исследователя не возникало сомнения в том, что уголовное судопроизводство – строго «форма осуществления карательной власти государства» [5, с. 3]. После революции 1917 года созданные ранее основы функционирования власти были признаны непригодными, что, в свою очередь, создало огромное пространство для разработки новых идей и концепций. В этой связи прогрессивный и, можно сказать, либеральный подход к определению уголовного процесса в целом, а также его роли для общества и государства не является неожиданным. При этом нельзя не заметить особенностей методологии Николая Николаевича, отсылающих читателя к традициям науки царской России: глубокое знание трудов зарубежных мыслителей, исторический и сравнительный анализ практик других государств позволяет не просто аргументировать позицию ученого, а сформировать ее от начала и до конца, выделив лишь лучшие и наиболее эффективные черты различных форм уголовного процесса. При знакомстве с трудами юристов более поздних периодов Советской власти становится очевидной разница в подходах, так как с годами государство в целом, а за ним и высшее образование, и наука укрепи-

ли предположение об уникальности собственного пути развития и отсутствии необходимости в обращении к опыту прошлого или других правовых систем. В этом, мы считаем, заключается уникальность правоведов, писавших свои работы в первые годы после Октябрьской революции, – создавая новое и предлагая поистине революционные подходы они используют ставшие привычными методы, таким образом еще раз акцентируя внимание на отличиях исследований будущего от прошлого.

Подводя итог, нельзя не отметить прогрессивность и значимость идей Николая Николаевича Полянского для уголовно-процессуальной науки Советской России. Статья «Цель уголовного процесса» аккумулирует лучшие достижения отечественной и зарубежной юриспруденции, в ней они рассматриваются в контексте темы, ранее не исследованной столь детально, но фундаментально важной для всей отрасли. Цель уголовного судопроизводства действительно является одним из центральных институтов не только теории, но и практики правоприменения, так как она определяет всю направленность уголовно-процессуальной политики государства. Можно с уверенностью сказать, что взгляды Н. Н. Полянского получило свое продолжение в работах ученых более поздних периодов, но уже в виде, измененном течением времени. В некотором роде исследование автора служит прекрасным примером научного труда периода, отличительными чертами которого являлись революционные перемены, новаторские подходы и отказ от устаревших идей прошлого.

Библиографический список

1. *Брестер А. А.* Цель уголовного процесса и ее значение для определения метода уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 1. С. 74–81.
2. *Иванов В. И.* Цель уголовного процесса: психолого-правовой анализ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 3 (29). С. 20–26.
3. *Каминская В. И.* Н. Н. Полянский // Правоведение. 1977. № 3. С. 91–98.
4. *Наумов К. А.* Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 3. С. 386–393.
5. *Полянский Н. Н.* Цель уголовного процесса // Сборник Ярославского Государственного Университета. Выпуск 1: 1918–19 г. Ярославль: Типография Ярославского С.-Х. и Кредитного Союза Кооперативов, 1920. С. 135–170.
6. *Скотникова М. М.* Нужна ли истина электронному правосудию? // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2024: традиции и инновации: материалы Международного научно-практического фестиваля, Иваново, 15–27 апреля 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. С. 721–727.
7. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
8. *Строгович М. С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.: 2-я тип. изд-ва АН СССР, 1947. 276 с.

Научный руководитель: Кузьмина Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, первый проректор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, юридический факультет, Ивановский государственный университет.

Информация об авторе / Information about the author

Скотникова Марина Михайловна – студентка 4 курса бакалавриата юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, marinaskotnikova2012@gmail.com.

Skotnikova Marina Mikhailovna – 4th year student of Law faculty, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, marinaskotnikova2012@gmail.com.

УДК 341.213.4

А. А. Шитов

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ В ПЕРИОД 1917–1922 гг.

Аннотация. Представленная работа посвящена всестороннему анализу особенностей государственно-территориального устройства России на ранней стадии становления социалистического государства. Ввиду того, что данный временной период характеризовался политической нестабильностью, обусловленной радикальными социально-экономическими трансформациями, автором будут детально рассмотрены общепринятые типы государственного устройства, такие как унитарное государство, федерация и конфедерация, с целью выявления соответствующих черт и характеристик, присущих государственному строительству в России в указанный период. Также будут рассмотрены концепции ведущих правоведов и государственных деятелей указанного времени и в заключении автором делаются выводы о ключевых особенностях, а также особом значении рассматриваемого периода для дальнейшего развития государственности в России.

Ключевые слова: государственное устройство, конституционность, нация, признак, РСФСР, специфика, субъект, федерация, централизация.

А. А. Shitov

SPECIFICS OF THE STATE-TERRITORIAL CONSTRUCTION OF RUSSIA IN THE PERIOD 1917–1922

Abstract. The presented work is devoted to a comprehensive analysis of the peculiarities of the state-territorial structure of Russia at the early stage of formation of the socialist state. Due to the fact that this time period was characterised by political instability caused by radical socio-economic transformations, the author will examine in detail the generally accepted types of state structure, such as unitary state, federation and confederation, in order to identify the relevant features and characteristics inherent in state building in Russia during this period. The concepts of leading jurists and statesmen of the specified time will also be considered and in the conclusion the author draws conclusions about the key features, as well as the special significance of the period under consideration for the further development of statehood in Russia.

Keywords: state structure, constitutionality, nation, feature, RSFSR, specificity, subject, federation, centralisation.

Современные проблемы государственного устройства, взаимоотношений между народами, проживающими в стране, взаимодействия центра и регионов, а также развития отдельных народов России снова актуализировались и приобрели большое значение. В этом контексте важно обратиться к истории начала XX века, когда политики, ученые и представители различных партий высказывали много позитивных оценок и перспектив национально-государственного строительства в России.

В советской юриспруденции 1920-х годов значительное внимание уделялось изучению формы государственного устройства. В советском правове-

дении традиционно проблемы государственного устройства рассматривались через соотношение централизации и децентрализации, федерализма и унитаризма, а также особенностей правового статуса отдельных территорий. Анализировалась историческая основа земель, вошедших в единое государство, оценивались возможности сохранения государственного единства и перспективы его развития. Решение этих вопросов сопровождалось разработкой терминологического аппарата, анализом законодательства, обобщением практики советского государственного строительства. Однако, немаловажным в этом вопросе представляется тот факт, что несмотря на критику со стороны буржуазной юридической науки, интерпретация советской формы государственного устройства осуществлялась с использованием понятийного аппарата, сформировавшегося еще в дореволюционный период.

Считаем необходимым прокомментировать сложившиеся в правовой науке сомнения относительно типа государственно-территориального устройства РСФСР в указанный временной период. Изредка возможно встретить весьма интересные позиции ученых, которые не признают федеративный тип государственного устройства рассматриваемого нами государства. Особый интерес представляют позиции В. И. Ленина, который выступал противником федеративного государства, аргументируя это тем, что федерация разобщает трудящихся и ведет к децентрализации государственного управления [6, с. 105–106]. С нашей точки зрения, указанная трактовка отчасти видится ошибочной, поскольку федерация по своей сущности способствует стабилизации внутригосударственных отношений. Децентрализация субъектов в федеративном типе государственного устройства безусловно имеет место быть, однако, проявляется в незначительных элементах, это может быть связано с географическим положением и вытекающим из него экономическим развитием, этно-национальным составом субъекта и другими факторами, которые не оказывают прямого воздействия на правовой статус субъектов в составе федерации.

Интересно, что и будущий лидер СССР И. В. Сталин придерживался схожих позиций, однако приводил несколько иную аргументацию. «Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его своими донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории» [6, с. 106].

Таким образом, можно заметить, что и сами будущие социалистические лидеры были против федеративного устройства, поскольку в их работах прослеживались явные унитаристские взгляды. Природа указанных позиций вполне очевидна: рассматриваемые нами категории относятся к буржуазной юридической науке, которая активно критиковалась в сложившемся обществе и не имела самодовлеющего значения.

В подтверждение данной позиции следует обратить внимание, что сам термин получил свое распространение в XVIII веке. Например: Монтескье в своих работах указывал, что «федерация – это договор между государственными образованиями, который те заключают на добровольной основе с целью создания более могущественного государства» [5, с. 269], однако для России начала XX века рассматриваемая терминология была в новинку.

Анализируя Россию того времени, как раз таки с точки зрения унитаризма, Н. Н. Алексеев, указывает на то, что государство управлялось централистически построенной коммунистической партией, у которой отсутствуют какие-либо федеральные или автономные части, автор приходит к весьма

противоречивому выводу о том, что «Россия ныне самое унитарное и еще вдобавок самое централистическое государство. А все то, что советское правительство вещает о федерализме, о самоопределении народов, об автономии, – все это чистый обман, придуманный хитрыми людьми, для людей глупых» [1, с. 241].

Несмотря на все вышесказанное, положения о федеративном типе государственного устройства фигурируют в названии государства, закреплены в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая впоследствии будет включена и в первую Конституцию РСФСР 1918 г., однако должного развития в тексте основного закона государства, указанная категория не получила.

Исходя из рассмотренных ранее взглядов в отношении данного явления делаем вывод, что федерализм играл роль лишь внешнего атрибута для унитарного государства и не являлся основополагающим принципом. Федеративный тип государственного устройства РСФСР был только на начальной стадии своего развития, однако называть государство полностью унитарным некорректно.

Как минимум Конституция 1918 г. предусматривает именно федеративный тип государственного устройства, о чем свидетельствовала ст. 2 рассматриваемого нормативного правового акта, помимо этого в положениях данной статьи закреплялся национальный принцип образования государства, а также содержались нормы о свободе союза и нации. Анализ основных положений Конституции показывает, что в ней было место и праву наций на самоопределение, которое характерно для всех национальных федераций. На его наличие указывают нормы ст. 6 о поддержке полной независимости Финляндии и свободе самоопределения Армении, а также нормы ст. 8 о возможности выбора оснований участия в федеральном правительстве. Ст. 11 свидетельствует о том, что начинается зарождаться двухуровневая система органов власти. Безусловно, пока в ней ведется речь исключительно об образовании автономий и норм о наличии каких-либо особых прав у данных образований Конституция не содержит, однако уже выделяется специфика их быта и национального состава [4].

Таким образом, положения Конституции всецело указывают на то, что РСФСР бесспорно можно считать конституционной федерацией. Как показывает практика государственного строительства, такие государства обычно строятся на децентрализации унитарных государств, конечно, имеют место и исключения, когда конституционная федерация строится на основе «распавшейся» конфедерации, однако в рассматриваемом нами случае второй подход не имеет значения, поскольку неоспоримо наблюдается процесс децентрализации унитарного государства, о котором свидетельствуют ранее рассмотренные факты.

Важно четко отграничить рассматриваемый тип федерации от договорной, а также вытекающей из нее – смешанной. Договорная федерация характеризуется тем, что в ее основе лежит соглашение между несколькими государственными образованиями о создании единого государства. Полагаем, что некорректно рассматривать Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, как государствообразующий акт, поскольку во-первых, не представляется возможным в целом вести речь о ранее независимых государственных образованиях на территории образованной РСФСР, а также сама Декларация была принята ВЦИК и автономные образования никакого

воздействия на принятие данного нормативного правового акта не оказали. По аналогичным причинам считаем, что и смешанной созданная федерация не являлась, ибо несмотря на то, что Декларация впоследствии и была включена в текст Конституции, однако как мы ранее выяснили ее нельзя считать даже подобием федеративного договора, отсюда следует неоспоримый вывод о том, что РСФСР по своей сущности является конституционной федерацией.

В продолжение характеристики Российской Советской Федерации в указанный временной период считаем важным обратить внимание на специфику субъектов, особенности их формирования, а также степень децентрализации федерации.

Интерес вызывает тот факт, что в правовой науке, в рассматриваемый нами период, термин «субъект федерации» не применялся. Например, характеризуя данную категорию В. Н. Дурденевский называет ее «государственным образованием» [5, с. 31], полагаем это прямо связано с буржуазным происхождением термина «субъект» и особого значения в рамках нашей работы не представляет.

Специфика данной категории в РСФСР состоит в том, что они не обладали всеми признаками государственного образования, Г. С. Гурвич на этот счет отмечал, что «если учинить Автономным республикам буржуазный экзаме́н на звание федеративных частей, то они на этом экзамене непременно провалятся» [6, с. 8]. Сущность федерации была мало изучена, в этом плане попытки автора найти отражение признаков федерации в сложившейся ситуации были тщетны, формально РСФСР являлась федерацией, однако признаки этой формы государственного устройства были крайне слабо выражены в силу политической нестабильности в период с 1917 по 1922 г.

Данное утверждение в полной мере видится верным и подтверждается Конституцией 1918 г. Она хоть и содержала разграничение предметов ведения и компетенции федеральных органов власти и органов власти на местах, однако возможности субъектов по отношению к центральным органам государственной власти были крайне узкими. Интерес так же представляет тот факт, что перечень субъектов в первой федеративной Конституции России отсутствовал. В науке указанный факт объясняется как раз таки тем, что данный акт только начал формирование федерации, а следовательно, не мог содержать указанных положений. Отмечается, что в последующие годы происходило создание разнообразных форм автономии: не только новых автономных республик, но и автономных областей, например, Калмыцкой, Чувашской, Марийской, Вотской и др., а также Трудовой коммуны немцев Поволжья и Карельской трудовой коммуны [1, с. 109].

Как ранее было упомянуто, Конституция РСФСР признавала право наций на самоопределение и как следствие право сепарации, однако его трактовка весьма неоднозначна. Норма содержащаяся в п. «д» ст. 49 Конституции предусматривает, что к ведению ВЦИК относится признание выхода из состава федерации отдельных ее частей [4]. Таким образом, следует вывод, что право выхода из состава РСФСР было ограничено и не могло быть реализовано в полной мере. Отметим, что субъекты большинства иных федеративных государств указанным правом не обладали и не имеют такового и по сей день. По нашему мнению, ограничение или вообще отсутствие данной категории способствует политической стабильности и, как следствие, снижению вероятности распада государств. Формальное закрепление этих положений выступает ничем иным как попыткой проявления либерализма и демократизма

и по нашему мнению является фикцией, поскольку выход из состава федерации в одностороннем порядке недопустим, тем более в сложившихся в период 1918–1922 гг. условиях.

Указанные категории характерны для федераций, основанных на национальном принципе колей, по нашему мнению, и являлась РСФСР. О справедливости данной позиции свидетельствуют несколько фактов: во-первых, формирование субъектов по территориальному принципу не учитывает особенностей этно-национального состава федерации, отсюда вероятен риск дезинтеграции народов, что с учетом национальной специфики РСФСР негативно сказалось бы на существовании такого государства. Во-вторых, субъекты часто создавались через структуры Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Образовывались отделы, занимающиеся делами конкретных народов, которые, даже в условиях Гражданской войны в соответствующих регионах, не только способствовали культурно-национальному развитию, но и определяли контуры будущей региональной власти и нормативного регулирования в субъектах советской федерации [7, с. 258].

Ведя речь о степени децентрализации обозначим, что приведенная нами ранее аргументация в отношении централизации как признака федерации формальна. Не следует отрицать, что юридически закрепленное в правовых нормах представление может иметь существенное различие от фактически сложившихся обстоятельств. Мы ни в коем случае не отказываемся от ранее приведенных аргументов в отношении критики позиции В. И. Ленина, однако полагаем, что в условиях гражданской войны и серьезной политической нестабильности можно говорить о крайне существенной степени децентрализации субъектов.

Тенденция к децентрализации сохранялась на этапе установления советской власти. Заявленное полномочие Советов способствовало тому, что местные органы начали игнорировать приказы центральных властей, создавая собственные правительства и осуществляя самостоятельное правотворчество. В годы Гражданской войны существовали вооруженные формирования, сформированные по национальному принципу, некоторые из которых в разной степени интегрировались в состав Красной Армии. Судебная система находилась в нестабильном состоянии, и в короткий период – с конца ноября 1917 года по июль 1918 года – было принято три декрета о суде, положения которых противоречили и исключали друг друга. Советское законодательство, в основном представленное декретами центральных органов, фокусировалось на решении приоритетных политических задач и не охватывало актуальные для автономий вопросы. Даже после стабилизации политической ситуации, укрепления советского государственного аппарата и проведения судебной реформы и кодификации законодательства в 1922 году автономные республики продолжали проявлять стремление к самостоятельным полномочиям в тех областях, которые теперь были закреплены за федеральным центром [8, с. 9].

Таким образом, с позиций современной теории государства, полагаем, что по своей сути тип государственного устройства, сложившийся в преддверие создания СССР обладал некоторыми (с оговорками можно сказать и всеми) признаками поздней конфедерации, а именно конфедерации, которая находится на завершающей стадии централизации субъектов и трансформации пока еще в крайне децентрализованную федерацию. Подтверждением данного тезиса может служить мысль Ф. Ф. Кокошкина, по прогнозам кото-

рого Россия вынуждена была пережить стадию «конфедерации», а дальше должно было произойти вызревание новых государственных форм, конкретное содержание которых, по мнению автора, непредсказуемо [3, с. 15].

С образованием СССР можно так же говорить о том, что РСФСР выступает в качестве субъекта конфедерации, коим фактически и являлся Союз на ранней стадии своего существования, а именно до принятия Конституции 1924 г., о чем свидетельствуют общетеоретические признаки данного типа государственно-территориального устройства. О специфике типа государственного устройства СССР писали В. Н. Дурденевский, П. И. Стучка, Ю. М. Стеклов, по-разному определяя сущность типа государственного устройства рассматриваемого государства: первый, руководствуясь Конституцией 1918 г. понимал его как федерацию, второй – как федерацию федераций, третий видел конфедеративный элемент [2, с. 33].

По нашему мнению, ввиду существенной политической нестабильности, слабого развития категориального аппарата и отсутствия опыта государственного строительства в рассматриваемых формах, могла иметь место совокупность всех признаков существовавших типов государственного устройства. В поддержку данного тезиса приведем мысли В. Н. Дурденевского, который указывал, что «прочно установилось наименование Союза «Советской федерацией» его можно принять условно, помня, что мы имеем дело с федерацией, в которой элементы конфедерации и автономии тесно переплетены» [2, с. 34]. Как было упомянуто ранее, в качестве конфедерации СССР просуществует недолго и в последствии будет преобразован в более-менее стабильную федерацию, а РСФСР станет полноценным субъектом федерации.

Таким образом, можно сделать вывод, что РСФСР и выбранная модель федерации в Советской России стали важным примером при создании новой федерации – Союза Советских Социалистических Республик. Говоря о федеративных корнях Союза, Стучка писал: «Конституция СССР есть совершенствование Конституции РСФСР, т. е. Конституции РСФСР и СССР составляют единое целое» [7, с. 268], отсюда следует, что типы государственного устройства СССР и РСФСР были тесно переплетены из-за чего прослеживается общность признаков свойственных унитарным, федеративным и конфедеративным государствам.

Подводя итоги наших размышлений, стоит акцентировать внимание на том, что в условиях бурной динамики политических отношений и крайней внутренней нестабильности, характерной для гражданской войны, определить однозначную форму государственного устройства РСФСР практически невозможно. Это связано с тем, что в рассматриваемый период прослеживаются признаки как унитарных, так и федеративных, а порой и конфедеративных структур.

С точки зрения легитимности и функциональности, можно утверждать, что РСФСР в то время обладала большинством свойств, присущих конституционным федерациям, которые в свою очередь основывались на национальном признаке. Но при этом такая федерация, как мы можем заметить, была крайне децентрализованной. Это децентрализованное устройство зависело от множества внутренних факторов, таких как политические конфликты, экономическое положение и социальные движения, которые существенно варьировались в разные исторические моменты.

Таким образом, если мы все-таки решим использовать термин «федерация» для характеристики российского государства соответствующего периода, нам следует говорить о довольно специфической форме, которая обладает множеством противоречивых признаков. Это своего рода «смешанная» федерация, где сочетались элементы децентрализации и централизации, что делало её уникальной. Комплексность и многозначность этой федерации подчеркиваются и на примере Советского Союза, где, несмотря на провозглашенные принципы федерализма, реальные механизмы управления и распределения полномочий зачастую оказывались сильно централизованными, что только добавляло сложности в анализ государственно-политической структуры того времени.

В итоге, только с учетом всех этих факторов можно более-менее адекватно оценить историческую и политическую реальность, в которой существовало данное государственное образование, и тем самым глубже понять его внутреннюю динамику и эволюцию.

Библиографический список

1. *Алексеев Н. Н.* Советский федерализм // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 240–261.
2. *Дурденевский В. Н.* На путях к русскому федеральному праву // Советское право. 1923. № 1. С. 20–35.
3. *Кокошкин Ф. Ф.* Автономия и федерация. Пг.: Издание партии Народной свободы. 1917. 30 с.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=196029159&rdk=&link_id=4&intelsearch=%EF%EE%EB%EE%E2%EE%E9 (дата обращения: 12.10.2024).
5. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с.
6. *Морозова Л. А.* Идеи социалистического федерализма в Конституции РСФСР 1918 года (К 100-летию Конституции) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 3. С. 105–117.
7. *Сосенков Ф. С.* Основные тенденции формирования советского федеративного социально-территориального пространства (1917–1922 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2022. № 12. С. 253–277.
8. *Яцук Т. Ф.* Государственно-правовой статус РСФСР: проблемы определения // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2017. № 1 (50). С. 6–13.

Научный руководитель: Поцелуев Евгений Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека, юридический факультет, Ивановский государственный университет.

Информация об авторе / Information about the author

Шитов Антон Алексеевич – студент 3 курса юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, antonyi@inbox.ru

Shitov Anton Alekseevich – 3rd law student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, antonyi@inbox.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН*

Аннотация. Статья посвящена изучению состоявшихся конституционных реформ с начала обретения независимости Казахстана. Анализируются положения Конституции РК 1993 года и Конституции РК 1995 года. Изучается сущность конституционных реформ, состоявшихся после принятия Конституции РК 1995 года. Автор делает вывод о том, что важной задачей в Казахстане является постоянная корректировка Конституции РК в соответствии с демократическими потребностями.

Ключевые слова: Конституция РК, Республика Казахстан, Президент РК, государственность, конституционализм, конституционные реформы.

S. P. Koval

THE MAIN TRENDS IN THE CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article is devoted to the study of the constitutional reforms that have taken place since the beginning of Kazakhstan's independence. The provisions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan of 1993 and the Constitution of the Republic of Kazakhstan of 1995 are analyzed. The essence of the constitutional reforms that took place after the adoption of the Constitution of the Republic of Kazakhstan in 1995 is being studied. The author concludes that an important task in Kazakhstan is the constant adjustment of the Constitution of the Republic of Kazakhstan in accordance with democratic needs.

Keywords: Constitution of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan, President of the Republic of Kazakhstan, statehood, constitutionalism, constitutional reforms.

Конституция в каждом государстве – это уникальное по своей структуре и содержанию явление. Основным объектом моего исследования является содержание Конституции Республики Казахстан (далее – РК) 1995 года и соответствующие поправки. При рассмотрении вопросов конституционного развития РК, необходимо начать с условий разработки и принятия первой Конституции РК. Данная Конституция принималась на основе опыта правоприменения Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики (далее – Декларация). Декларация была принята Верховным Советом Казахской ССР 25.10.1990 года. Вводная часть Декларации провозгласила государственный суверенитет Казахской ССР, а также отметила стремление к созданию достойных условий жизни для всех граждан, признание Всеобщей декларации прав человека и право наций на

© Коваль С. П., 2024

* Из материалов Международного научно-практического фестиваля «Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2024: традиции и инновации» (Иваново, 15–27 апреля 2024 г.).

свободное самоопределение. Декларация стала основой для конституционно-правового реформирования и построения независимого государства [4, с. 238].

Положил начало развитию независимой государственности Казахстана Конституционный закон «О государственной независимости РК», принятый 16 декабря 1991 года. В данном законе закреплено, что Верховный Совет РК, признавая приоритетность прав и свобод человека и гражданина, имея решимость создания гражданского общества и правового государства, торжественно провозглашает государственный суверенитет РК.

Практика реализации положений Конституции РК 1993 года показала недостатки правового регулирования, разрешение которых отвлекло от решения наиболее важных проблем становления независимого казахского государства. При разработке проекта Конституции 1995 года использовался опыт развитых зарубежных стран (например, Франции). В состав консультативного совета при Президенте РК по разработке новой Конституции вошли следующие зарубежные ученые: советник Государственного совета Франции Жак Аттали, председатель Конституционного Совета Франции Роллан Дюма, председатель Научного совета исследовательского центра Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук С. С. Алексеев. В составе совета над проектом Конституции работали казахские ученые Ю. Г. Басин, В. А. Ким, К. А. Колпаков, А. К. Котов, Б. А. Мухамеджанов, Е. К. Нурпеисов, Г. С. Сапаргалиев и М. К. Сулейменов [2, с. 174].

Конституция РК выступает нормативным актом, который обосновывает государственность и закладывает основы конституционного строя. В тексте Конституции РК заложены основные права, свободы и обязанности человека и гражданина. В Послании Конституционного Совета РК «О состоянии конституционной законности в РК» Парламенту РК 9 июня 2017 г., отмечалось, что реализация положений Конституции 1995 г. и соответствующих поправок 1998—2011 годов, значительно изменили облик общества и государства, подтвердили правильный курс конституционного развития Казахстана.

В 1998 году внесены поправки в 19 статей Конституции РК, которые заложили основы модернизации разделения ветвей власти в РК и фундамент правового государства. Срок полномочий Президента РК изменился с 5 до 7 лет. Увеличен срок полномочий для депутатов Сената до 6 лет и до 5 лет для депутатов Мажилиса. Также в Конституции было закреплено, что 10 депутатов Мажилиса (из 70) избираются по партийным спискам. Был изменен порядок передачи полномочий главы государства, в случае освобождения его от должности. Полномочия Президента РК сначала исполняет Председатель Сената, потом Председатель Мажилиса и затем Премьер-министр. Добавлена конституционная норма о возможности осуществления уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей [4, с. 240].

В 2007 году приняты наиболее существенные конституционные новеллы, которые коснулись положений 40 статей Конституции. Данной конституционной реформой предусмотрены наиболее детализированные подходы формирования и взаимодействия общественно-политических институтов Казахстана. В 2007 г. в тексте Конституции было отражено определение «Первый Президент» (статья 46). На Первого Президента РК не распространялось ограничение избираться более двух сроков подряд. В статье 43 Конституции РК было исключено положение о необходимости приостановления своей деятельности Президента в политических партиях. Внесена новая интерпретация ценза оседлости для избрания Президента – проживать

последние 15 лет в стране (ранее «не менее 15 лет»). Изменен срок полномочий Президента с 7 до 5 лет. Правительство ответственно перед Президентом и может быть подотчетно Парламенту в установленных Конституцией некоторых случаях (статья 64). В 2017 году модернизации подверглись 25 статей Основного закона [1, с. 14–15].

В 2019 году внесены поправки о переименовании столицы РК в Нур-султан. В 2022 году дважды внесены поправки в текст Конституции РК. Изменения направлены на модернизацию деятельности законодательной власти, избирательного процесса, закрепление принадлежности народу земли и других природных ресурсов. Возобновлена деятельность Конституционного Суда. На конституционном уровне отменена смертная казнь. Ограничено переизбрание более одного раза одного и того же лица на должность Президента РК. Произошел переход к новой государственной модели, суперпрезидентская форма правления заменена на президентскую республику с влиятельным Парламентом и подотчетным Правительством. Отменены статьи Конституции о первом Президенте Казахстана. В сентябре 2022 г. столица Казахстана Нур-султан переименована обратно в Астану.

Система действующего права РК не может стоять на месте и должна постоянно совершенствоваться, отражать динамизм формирования демократической, правовой государственности в стране в рамках задач выведения всего права на уровень, адекватно реагирующий на современные вызовы, которые определены Стратегией «Казахстан – 2050». В декабре 2012 г. в Послании Президента РК народу Казахстана были предложены основные направления Стратегии развития РК до 2050 года. Суть данных предложений в создании общества благоденствия на основе развитой рыночной экономики и с доступными возможностями всеобщего труда, а также вхождение Казахстана в тридцатку развитых стран мира [1, с. 12].

После конституционных реформ 2007 и 2017 гг. в Казахстане сформировалась обновленная политическая система страны, основанная на изменении формы правления (президентско-парламентской) и новой роли представительных органов власти и партийных механизмов. Новый конституционный механизм организации деятельности Парламента и других представительных органов превратил их в современные субъекты политического процесса [3, с. 150].

В современной редакции Конституции РК отражен баланс единства государственной власти и разделения властей, как наиболее четко отражающий новые подходы, расставляющие необходимые акценты в системе властеотношений. В литературе ученых-юристов РК часто отмечается, что единая целостность государственной власти в Казахстане означает не сущностное расчленение, а функциональное ее разделение, не отрывающее составляющие от целого. Данная формула разделения единой власти позволяет государству быть политически многообразным и организационно гибким. В ходе проведения конституционных реформ Казахстан активно перешел от режима президентского управления к президентско-парламентской форме правления.

Парламент РК стал реальным органом государственной власти по активному формированию нормативной базы гарантированной социальной безопасности и улучшению благополучия граждан, общественного согласия, как основы государства, общества и единой казахстанской нации. Ассамблея народа Казахстана получила конституционный статус и стала евразийской

моделью диалога культур. Данный общественно-политический институт обеспечивает в Парламенте РК интересы 140 этносов страны. Ассамблея стала реальным институтом консолидации народа Казахстана и конституционным инструментом межнациональных отношений, внесла значительный вклад в становление демократической государственности. Важной основой модернизационных преобразований в Казахстане с начала 1990-х гг. стал руководящий принцип: «Сначала экономика, а потом все остальное». Данный принцип активно был реализован в Казахстане и дал положительные результаты по развитию рыночной экономики, приватизации, формированию устойчивой банковской системы [5, с. 126–128].

Стабильность Конституции не означает, что она не нуждается в модернизации. Пересмотр Конституции РК может быть оправдан только в том случае, если изменения общественных отношений приобрели реальный, необратимый характер и имеется существенная необходимость в расширении нормативной базы для своего развития. Демократический режим в РК стал развиваться параллельно с правовой системой страны, получая широкое законодательное закрепление. Принципы национального права РК реально будут реализованы только в государстве со стабильным правовым содержанием, где недопустимо принятие государственными и местными органами неправовых решений. Юридическая практика применения положений Конституции современного Казахстана показала, что необходимо периодическое обновление конституционного текста в соответствии с важными, фундаментальными изменениями в стране. Парламент Казахстана принял Законы от 7 октября 1998 г., 21 мая 2007 г. и 10 марта 2017 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию РК», которыми были внесены значимые изменения в Конституцию, соответствующие новым демократическим преобразованиям в стране.

Реформирование Конституции и развитие правовой доктрины оказало положительное влияние на законодательство и позволило выявить основные тенденции развития конституционализма в Казахстане. Разработка научных идей конституционализма в Казахстане позволила выявить особенности казахстанской модели конституционного развития. Положения Конституции РК проецируются на всем массиве законодательства, особенно явно это видно в отраслевом законодательстве.

Проведенный анализ положений Конституции РК, а также текущей ситуации в данной сфере позволяет сформулировать следующие выводы:

– исследование правовой сущности Конституции РК 1995 г. позволяет показать ее роль как акта волеизъявления народа и основу материального воплощения идеи государственности РК;

– проведенное исследование будет полезно для изучения разных подходов к конституционному развитию, а также для развития идей конституционализма в нашей стране;

– именно Конституция, соразмерная активным процессам общественного развития, способна обеспечить стабильность в государственном строительстве. Поэтому важной задачей Республики Казахстан, находящейся в условиях переходного периода своего развития, является постоянная корректировка Основного закона в соответствии с демократическими потребностями, которые необходимы казахстанскому обществу.

Библиографический список

1. *Амандыкова С. К.* Становление доктрины конституционализма в Казахстане: монография. Караганда: изд-во КарГУ, 2022. С. 10–15.
2. *Бартибаев Т. Е.* Прямое действие Конституции Республики Казахстан // Вестник университета им. Д. А. Кунаева. 2010. № 3. С. 173–175.
3. *Коваль С. П.* Советское государственное право и конституционное право России: преемственность и новизна // Вестник ИвГУ. Сер.: Естественные, общественные науки. 2023. № 3. С. 143–152.
4. *Сапарғалиев Г. С.* Конституционное право Республики Казахстан: Академический курс. Алматы: Жеті жарғы, 2002. С. 234–241.
5. *Тлеулесова Б. Т.* Правовые позиции Конституционного Совета РК: сущность, юридические признаки и значение в конституционном правовом регулировании // Вестник Института законодательства и правовой информации. 2021. № 4. С. 124–136.

Информация об авторе / Information about the author

Коваль Сергей Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, petrovitsch17@mail.ru

Koval Sergey Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law and Human Rights, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, petrovitsch17@mail.ru

УДК 373.2

Е. В. Шакирова

ЗАНЯТИЕ В ДЕТСКОМ САДУ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению проявления профессиональной индивидуальности и профессиональных ценностей воспитателя на занятии с дошкольниками. В качестве материала для анализа используются занятия воспитателей Ивановской области, принимавших участие в региональном конкурсе «Читаем Ушинского». Выявлены общие приемы и тенденции, характерные для открытых конкурсных занятий: развлекательный характер деятельности, ориентация на внешние эффекты, преобладание активности педагога.

Ключевые слова: дошкольное образование, занятие в детском саду, профессиональные ценности, воспитатель.

E. V. Shakirova

KINDERGARTEN CLASSES AS A REFLECTION OF PROFESSIONAL VALUES AND PERSONALITY OF A TEACHER

Abstract. The article is devoted to the study of the manifestation of professional individuality and professional values of the teacher in the classroom with preschoolers. The classes of teachers of the Ivanovo region who took part in the regional competition "Reading Ushinsky" are used as material for analysis. The general techniques and trends characteristic of open competitive classes are revealed: the entertaining nature of the activity, the orientation towards external effects, the predominance of the teacher's activity.

Keywords: preschool education, kindergarten classes, professional values, teacher.

Современное образование отличается гуманистическим характером и лично-ориентированным подходом к обучающимся, но изучая индивидуальность ребенка, важно помнить и об индивидуальности педагога. Профессиональная адаптация и обретение собственной профессиональной позиции – важные этапы формирования индивидуальности молодого учителя и воспитателя. Для непрерывного профессионального развития имеет значение изучение профессиональной индивидуальности уже работающего педагога, выявление индивидуального стиля, а также типичных проявлений, демонстрирующих профессиональную идентичность и профессиональные ценности, актуальные для педагогов настоящего времени.

Ценности являются одним из базовых оснований и выражают направленность личности. Ученые говорят о ценностях личности как о ее ценностных ориентациях, ведь ценностные ориентации – это интериоризированные

человеком ценности социальных групп. Специфика профессиональной деятельности основана на профессиональных ценностях и имеет значение при рассмотрении содержания профессиональной индивидуальности человека, выступающей в качестве компонента профессиональной идентичности педагога дошкольного образования.

В данной статье мы рассмотрим специфику проявления профессиональной индивидуальности и ценностей воспитателя дошкольного образования через один из основных видов его профессиональной деятельности – занятие с детьми. В соответствии с определением, данным в федеральной образовательной программе дошкольного образования, «занятие рассматривается как дело, занимательное и интересное детям, развивающее их; как деятельность, направленная на освоение детьми одной или нескольких образовательных областей, или их интеграцию с использованием разнообразных форм и методов работы, выбор которых осуществляется педагогом самостоятельно. Занятие является формой организации обучения, наряду с экскурсиями, дидактическими играми, играми-путешествиями и другими. Оно может проводиться в виде образовательных ситуаций, тематических событий, проектной деятельности, проблемно-обучающих ситуаций, интегрирующих содержание образовательных областей, творческих и исследовательских проектов и так далее». Программа дает широкий простор воспитателю для выбора форм и методов организации занятий и взаимодействия с детьми. Разработка конспекта занятия и проведение по нему образовательной деятельности с детьми – процесс не только методический, но и творческий. Воспитатель работает с литературой, изучает конспекты других педагогов, подбирает игры и задания в соответствии с решаемыми дидактическими задачами, особенностям конкретной группы детей и своими профессиональными интересами, способностями и ценностями. Тем не менее, часто в планировании и организации занятий для дошкольников у разных педагогов проявляются общие подходы, приемы. Можно даже говорить о некоторых «модных» тенденциях в работе воспитателей. Чтобы точнее определить эти особенности, нами был проведен анализ занятий разных воспитателей, подготовленных в рамках одной темы. Это позволило выявить общие черты, демонстрирующие профессиональную идентичность, и различия, связанные с проявлением профессиональной индивидуальности.

Сбор материалов для исследования был осуществлен на основе регионального конкурса «Читаем Ушинского», организованного кафедрой непрерывного психолого-педагогического образования Ивановского государственного университета. В качестве конкурсной работы педагоги дошкольных организаций Ивановской области представляли видеозапись совместной образовательной деятельности дошкольников по восприятию литературного произведения К. Д. Ушинского и коммуникативной деятельности по обсуждению его содержания. Конкурс «Читаем Ушинского» был реализован весной 2023 года и дал большое количество материалов для анализа. В конкурсе приняли участие 110 человек. Анализируя конкурсные занятия, мы отметили значительное разнообразие произведений К. Д. Ушинского, ставших основой для образовательной деятельности, но чаще всего применялась сказка «Умей обождать». Данное произведение стало основой для 21 конкурсного занятия. Выделяя общие черты в занятиях разных педагогов по данной сказке, отметим общие приемы.

Самым популярным приемом оказалась загадка – применялась на 11 занятиях из 21 проанализированного. Данный прием использовался для привлечения внимания детей и введения их в тему занятия. Перед началом совместной деятельности педагог загадывал детям загадку про петушка, отгадав которую дошкольники догадывались, что сказка, которую им сейчас прочитают, будет о нем. Кроме загадок для привлечения внимания детей к теме на 7 занятиях педагоги применяли прием «Присутствие сказочного героя». В начале занятия в 8 случаях использовалось приветствие в кругу, когда педагог и дети, взявшись за руки, произносили четверостишие и здоровались или улыбались друг другу. Популярность данного приема можно объяснить его простотой и результативностью – дети оставляют свои дела, встают в круг и могут быть вовлечены в дальнейшую образовательную деятельность, организованную воспитателем. Следующими распространенными приемами, примененными на 8 занятиях, оказались мини-лекция о жизни и творчестве К. Д. Ушинского и задание на восстановление событий прочитанного литературного произведения. Сказка «Умей обождать» связана с опасными ситуациями, в которые попадает главный герой Петушок из-за своей нетерпеливости. В соответствии с этим 7 педагогов применили на своих занятиях игровой прием «Можно-нельзя», в качестве быстрой проверки понимания детьми правил безопасного поведения в различных ситуациях. Как правило, данный прием организовывался по принципу игры с мячом «Съедобное-несъедобное». Таким образом, в рамках подготовки и проведения занятий по сказке «Умей обождать», разные педагоги продемонстрировали ряд общих приемов. Обобщенная структура занятия выглядит следующим образом: приветствие в кругу; лекция о писателе К. Д. Ушинском; загадка о петушке; чтение сказки и демонстрация иллюстраций; игровые задания по содержанию сказки. Такая организация занятия не предполагает активности детей, поскольку ориентирована на последовательный переход от одного этапа к другому под руководством воспитателя. Для занятий характерна активная роль педагога, который организует деятельность детей, эмоционально загадывает загадки, выразительно читает и показывает картинки и игрушки, проводит физкультминутки и вводит разнообразные задания по содержанию сказки. Дети при этом выступают в роли пассивных исполнителей предлагаемых заданий или в качестве зрителей, воспринимающих выразительное чтение или драматизацию педагога.

Следующая выявленная особенность связана с отношением педагогов к осмыслению детьми произведения. Организуя конкурс, мы предполагали, что занятия будут строиться по схеме «Чтение-обсуждение», поскольку литературный материал К. Д. Ушинского носит поучительный развивающий характер, содержание доступно детям дошкольного возраста и располагает к рассуждению и беседе. На всех занятиях было организовано восприятие сказки «Умей обождать», но на само обсуждение литературного произведения тратилось около 3–4 минут. Это говорит об утрате понимания ценности организации детского рассуждения, когда работа с интересным литературным материалом заменяется множеством активностей, не связанных с улучшением понимания детьми содержания произведения и развитием коммуникативной культурной практики ребенка. Девять занятий из 21 проанализированного имели в своей основе обсуждение сказки, которое чередовалось с различными игровыми и сюрпризными моментами (инсценировка по ролям, музыкальные эффекты и т. д.). Восемь занятий представляли

собой набор различных видов деятельности, условно объединенных общей тематикой, связанной с петушком – загадки про петушка, раскраски или рисование петушка, разрезные картинки, чистоговорки, пальчиковая гимнастика или физкультминутка про петушка и так далее. Четыре занятия можно назвать уроком, поскольку на них дети значительную часть времени слушали объяснение педагога, а потом по очереди выходили к доске (мольберту с закрепленными картинками) и выполняли задания педагога, связанные с пересказом, ответом на вопросы по содержанию сказки, восстановлением хронологии событий. При такой организации занятий терялся основной смысл их проведения, поскольку в процессе выполнения разнообразных видов дополнительной деятельности дошкольники не воспринимали главную мысль произведения. Литературный материал становился тематическим антуражем для игр и заданий, не предполагающим свободного общения по содержанию сказки, обмена мнениями и впечатлениями о событиях, произошедших с героями. Таким образом, в качестве следующей характерной черты организации занятий можно назвать приоритет игровой и продуктивной деятельности над общением и социально-коммуникативным развитием. Педагоги не считают нужным подводить детей к осмыслению произведения и формированию желания его обсуждать. Самодостаточность книги как средства воспитания утрачивается, и литературное произведение применяется только в качестве тематической основы, позволяющей объединить разрозненные элементы – «сшить» между собой никак не связанные игры, задания, загадки.

В результате проведенного анализа мы выявили, что среди педагогов существуют общепринятые и популярные приемы в организации занятий: загадка, сказочный герой, приветствие в кругу и др. Индивидуальность воспитателя проявляется в вариантах представления используемого приема детям: словесно, с использованием иллюстраций или игрушек, мультимедийного оборудования или с привлечением других людей (коллег, старших дошкольников). Возможно, на выбор варианта представления влияют личные и профессиональные качества педагога – владение техническими средствами, общительность и умение договориться с другими. Кроме того, выбор представления приема может быть связан с имеющимися у дошкольной организации условиями – наличие технических устройств, наглядных материалов или игрушек, а также возможности распечатывания иллюстраций, привлечения коллег и т. д.

Помимо различий мы выявляем и важную общую особенность в организации современного занятия – стремление педагогов насытить образовательную деятельность детей различными видами активностей, заданий, материалов. Позволим себе предположить наличие проблемы, связанной с утратой значимости занимательной деятельности ребенка и подмену ее постоянным педагогическим руководством, когда не дошкольник сам рассуждает, принимает решение, действует и получает от этого удовольствие, а взрослый каждую минуту дает детям новую команду – отгадайте загадку, ответьте на вопрос, посмотрите на картинку, раскрасьте и т. д. Такой подход превращает активность дошкольника в регламентированную взрослым и алгоритмизированную деятельность, при котором инициатива не нужна и бессмысленна. Эту особенность можно обозначить как приоритет средств над целью, когда разнообразная организованная педагогом деятельность не направлена на развитие, а носит формальный характер – дети были заняты, педагог активно работал, значит, занятие прошло успешно.

Выявленные общие особенности в организации занятий с дошкольниками мы связываем с профессиональными ценностями современных педагогов детского сада. Важным становится не развитие ребенка и не изменения, произошедшие в его знаниях, умениях или мировоззрении. Наибольшую значимость представляет внешняя сторона организации занятий – яркие пособия, насыщенность и смена деятельности, музыкальные эффекты и сюрпризные моменты (загадки, герои, сундучки и т. д.). Из занимательной деятельности и содержательного общения педагога и детей занятие превращается в шоу или спектакль, квест или другое развлечение. Отметим, что для современного ребенка, которому свойственно «клиповое мышление», трудности в общении и низкая концентрация внимания, занятия, проводимые в форме череды игр и забав, могут затруднить формирование произвольности, усидчивости, познавательной активности.

В результате анализа конкурсных материалов педагогов дошкольных организаций по сказке К. Д. Ушинского «Умей обождать», выявлены следующие особенности современного открытого занятия в детском саду:

- занятие рассматривается педагогами не как занимательная развивающая деятельность детей, а как четко спланированный и проведенный спектакль, в котором активная роль у воспитателя при пассивной позиции детей;
- образовательная деятельность носит развлекательный характер;
- литературное произведение применяется как тематическая основа для объединения игр и заданий в общий сценарий занятия;
- в работе над литературным произведением предпочтение отдается не свободному обсуждению и осмыслению, а играм-драматизациям, загадкам и продуктивной деятельности, направленным не на понимание детьми смысла сказки, а на отработку навыков пересказа;
- ориентация на внешнюю сторону организации занятия – яркие пособия, музыкальные эффекты, применение интерактивных технологий, быстрая смена деятельности.

Выявленные особенности демонстрируют профессиональные ценности современных педагогов дошкольного образования – ориентированность не на ребенка, а на себя; стремление в внешним эффектам при поверхностном отношении к смыслам и целям деятельности. Таким образом, проявление профессиональной индивидуальности становится особой ценностью, порой препятствующей достижению дидактической и воспитательной цели развития ребенка. Педагогу важно показать себя и свои профессиональные умения, а не создать условия для поддержки активности детей.

Поскольку влияние средств массовой информации на систему ценностей современных людей становится наиболее значительным, выявленные особенности могут быть связаны с развитием интернет-сообществ, в которые объединяются воспитатели. Подчеркнем, что популярность педагогов-блогеров может способствовать распространению не только позитивного, но и негативного опыта, неверных дидактических принципов, ведущих к деформации профессиональных ценностей в дошкольном образовании. В сетевых сообществах педагоги делятся, прежде всего, развивающими пособиями, дидактическими играми и упражнениями, а также текстовыми методическими и творческими разработками (сценарии праздников, конспекты занятий, стихи, загадки, письменные или графические задания). Таким образом, созда-

ется впечатление, что вся деятельность воспитателя – это бесконечные дидактические игры, изготовление пособий и выполнение с детьми развивающих заданий. Начинающему и даже опытному педагогу может показаться, что если он не применяет в своей работе подобные приемы, то он не профессионал. В погоне за эффектными пособиями, динамичными играми и упражнениями утрачивается ценность общения педагога и ребенка, важность умения воспитателя организовать интересное обсуждение с детьми.

Для более точного и целостного изучения проблемы может быть организовано исследование ценностных ориентаций современных педагогов, выявление их личностных и профессиональных ориентиров и целей деятельности.

Библиографический список

1. *Белкина В. Н.* Профессиональная индивидуальность как компонент профессиональной идентичности педагога дошкольного образования // Дошкольное и начальное образование: многообразие подходов: материалы научно-практической конференции, Ярославль, 01–30 сентября 2022 года. Том Часть 2. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2022. С. 66–73.
2. *Буравлева Н. А., Атаманова И. В.* Психологические характеристики деятельности, традиционные ценности и ценности безопасности вузовской молодежи в контексте инновативности // Сибирский психологический журнал. 2022. № 84. С. 48–69.
3. *Рослякова Н. И.* Индивидуальный стиль педагогической деятельности как фактор развития профессиональной индивидуальности будущего педагога // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3, Педагогика и психология. 2008. № 5. С. 72–75.
4. Федеральная образовательная программа дошкольного образования. М.: ТЦ Сфера, 2023. 208 с.
5. *Фролова А. С.* Деконструкция медиаритуалов в контексте профессиональной идентичности // Власть. 2018. Т. 26, № 7. С. 128–136.
6. *Шакирова Е. В.* Восприятие дошкольниками художественной литературы: работа над ошибками, или Как «сшить» занятие на конкурс // Детский сад от А до Я. 2024. № 4. С. 62–72.

Информация об авторе / Information about the author

Шакирова Елена Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, cuclitsa@mail.ru

Shakirova Elena Valeryevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Continuing Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, cuclitsa@mail.ru

УДК 595.78

С. Н. Баринов, М. О. Барина

АНАЛИЗ ФАУНЫ ДНЕВНЫХ ЧЕШУЕКРЫЛЫХ (LEPIDOPTERA) ОКРЕСТНОСТЕЙ С. СЕГОТЬ ПУЧЕЖСКОГО РАЙОНА ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. При проведении исследования был выявлен видовой состав дневных чешуекрылых, проведен зоогеографический анализ выявленной фауны, определены редкие виды дневных чешуекрылых.

Ключевые слова: дневные чешуекрылые, редкие виды, зоогеографический анализ.

S. N. Barinov, M. O. Barinova

ANALYSIS OF THE FAUNA OF DIURNAL LEPIDOPTERA (LEPIDOPTERA) OF THE ENVIRONS OF THE VILLAGE OF SEGOT OF THE PUCHEZHISKY DISTRICT OF THE IVANOVO REGION

Abstract. During the study the species structure of diurnal Lepidoptera was revealed, a zoogeographic analysis of the identified fauna was carried out and rare species of diurnal Lepidoptera were determined.

Keywords: diurnal Lepidoptera, rare species, zoogeographic analysis.

Формирование списка фаун локальных территорий и их последующий мониторинг представляют собой перспективный путь изучения закономерностей пространственного распределения живых организмов в изменчивой среде. Дневные чешуекрылые являются хорошо заметными животными и, благодаря особенностям своего жизненного цикла, оперативно реагируют на изменения окружающей среды, следовательно, могут быть использованы в качестве индикаторов этих изменений в эколого-ландшафтных исследованиях.

Целью данной работы был анализ фауны дневных чешуекрылых окрестностей с. Сеготь.

Стационар исследования представляет собой участок на территории Пучежского муниципального района Ивановской области, в центре которого располагается село Сеготь. Площадь стационара составляет примерно 1800 га. Изучаемая территория представлена населенными пунктами (село и несколько деревень), сельскохозяйственными территориями (полями и инфраструктурой животноводческого комплекса), пойменными комплексами двух малых рек – Ожгулиха, Сеготь и ручьем, впадающими в р. Волгу (Горьковское водохранилище), лугами, небольшими, часто переувлажненными участками перелесков и кустарниковыми зарослями в депрессиях рельефа, и ветрозащитными полосами вдоль дорог и между полями. Поскольку правый берег Волги в данном месте высокий, то реки и ручьи, впадающие в Волгу, прорезают его на отдельные «горы». Благодаря сложному рельефу имеет-

ся много склоновых поверхностей разной экспозиции. С запада к стационару примыкает крупный лесной массив из разновозрастных участков смешанного леса. Таким образом, территория исследования представляет собой мозаику разнообразных биотопов (ополье, лесополье) разной степени антропогенной трансформации, сформированную в течение длительного и стабильного воздействия человека на исходные лесные биотопы. Ровные участки рельефа заняты обрабатываемыми полями. Свободный выпас сельскохозяйственных животных ограничен и площадь пастбищ незначительна.

Исследования проводили в июле-августе с 2019 по 2023 гг. Для изучения состава фауны применяли следующие методы: ловля с применением стандартных энтомологических сачков, наблюдение за деревьями с вытекающим и забродившим соком. Учет легко определяемых видов (махаон) производили визуально или при использовании фотосъемки. Анализировали также литературные источники по фауне дневных чешуекрылых региона [5, 7, 8]. Обследование сопровождали составлением списка фауны дневных чешуекрылых. При определении видов использовали ряд определителей и атласов [3, 4].

За время исследования нами отмечено 35 видов дневных чешуекрылых, список которых представлен в таблице.

**Зоогеографический анализ фауны дневных чешуекрылых
окрестностей с. Сеготь Пучежского района Ивановской области**

№ п/п	Видовое название	Зонально-экологическая характеристика (широтный ареалографический комплекс)	
		Адаховский [1]	Худяков, Тихомиров [8]; Красная книга Ивановской области [2]
I. Сем. Толстоголовки – Hesperidae			
1	Толстоголовка тире – <i>Thymelicus lineola</i> Ochs.	полизональный	полизональный
2	Толстоголовка лесная (фавн) – <i>Ochlodes sylvanus</i> Esp.	<i>температный</i>	<i>полизональный</i>
3	Лесовик – <i>Thymelicus sylvestris</i> P.	<i>суббореальный</i>	<i>полизональный</i>
II. Сем. Парусники – Papilionidae			
4	Махаон – <i>Papilio machaon</i> L.	полизональный	полизональный
III. Сем. Белянки – Pieridae Dup			
5	Беляночка горошковая – <i>Leptidia sinapis</i> L.	<i>температный</i>	<i>полизональный</i>
6	Белянка рапсовая – <i>Pontia darlidice</i> L.	полизональный	полизональный
7	Репница – <i>Pieris rapae</i> L.	полизональный	полизональный
8	Брюквенница – <i>Pieris napi</i> L.	полизональный	полизональный
9	Капустница – <i>Pieris brassicae</i> L.	полизональный	полизональный
10	Крушинница, или Лимонница – <i>Gonepteryx rhamni</i> L.	полизональный	полизональный
11	Желтушка луговая – <i>Colias hyale</i> L.	<i>температный</i>	<i>полизональный</i>

№ п/п	Видовое название	Зонально-экологическая характеристика (широтный ареалографический комплекс)	
		Адаховский [1]	Худяков, Тихомиров [8]; Красная книга Ивановской области [2]
IV. Сем. Бархатницы – Satyridae			
12	Иперант, цветочный глазок – <i>Aphantopus hyperanthus</i> L.	температный	полизональный
13	Воловий глаз – <i>Maniola jurtina</i> L. (<i>Hyponephele jurtina</i> L.)	полизональный	полизональный
14	Сенница памфил – <i>Coenonympha pamphilus</i> L.	полизональный	полизональный
V. Сем. Нимфалиды – Nymphalidae			
15	Переливница тополевая (переливница Илия) – <i>Apatura ilia</i> Den. et Schiff.	суббореальный	–
16	Переливница ивовая (радужница) – <i>Apatura iris</i> L.	суббореальный (неморальный)	неморальный
17	Углокрыльница-с-белое – <i>Polygonia-c-album</i> L.	полизональный	полизональный
18	Крапивница – <i>Aglais urticae</i> L. (<i>Nymphalis urticae</i> L.)	температный	полизональный
19	Траурница – <i>Nymphalis antiopa</i> L.	температный	полизональный
20	Павлиний глаз – <i>Inahis io</i> L. (<i>Nymphalis io</i> L.)	температный	полизональный
21	Адмирал – <i>Vanessa atalanta</i> L.	полизональный	полизональный
22	Многоцветница – <i>Nymphalis polychloros</i> L.	суббореальный	–
23	Пестрокрыльница изменчивая – <i>Arashnia levana</i> L. (<i>Araschnia prorsa</i> L.)	температный	полизональный
24	Репейница – <i>Vanessa cardui</i> L.	полизональный	полизональный
25	Перламутровка малая – <i>Clossiana dia</i> L.	температный	–
26	Перламутровка Аглая – <i>Argynnis aglaja</i> L.	температный	полизональный
27	Перламутровка Латона (перламутровка полевая) – <i>Issoria lathonia</i> L. (<i>Argynnis lathonia</i>)	полизональный	полизональный
28	Перламутровка большая (пафия, лесная перламутровка) – <i>Argynnis raphia</i> L.	температный	полизональный
29	Адиппа – <i>Argynnis adippe</i> Rot.	температный	полизональный

№ п/п	Видовое название	Зонально-экологическая характеристика (широтный ареалографический комплекс)	
		Адаховский [1]	Худяков, Тихомиров [8]; Красная книга Ивановской области [2]
VI. Сем. Голубянки – Lycaenidae			
30	Березовый зефир – <i>Thecla betulae</i> L.	<i>температный</i>	<i>неморальный</i>
31	Червонец огненный – <i>Lycaena virgaureae</i> L.	<i>температный</i>	<i>полизональный</i>
32	Червонец пятнистый – <i>Lycaena phlaeas</i> L.	полизональный	полизональный
33	Голубянка икар – <i>Polyommatus icarus</i> Rott.	полизональный	полизональный
34	Голубянка короткохвостая (Аргиад) – <i>Cupido argiades</i> Pall.	полизональный	лесостепной
35	Голубянка бобовая (полуаргус) – <i>Polyommatus (Cyaniris) semiargus</i> Rott.	<i>температный</i>	<i>полизональный</i>

Примечания: *курсивом* – выделены виды, по которым зонально-экологическая характеристика не совпадает у разных авторов (всего 15 видов, исключая такие различия как полизональный-лесостепной; неморальный-суббореальный).

Отмеченные виды относятся к 6 семействам. Самым многочисленным на исследуемой территории по количеству видов является семейство Нимфалиды (15 видов), белянки представлены 7 видами, голубянки – 6 видами, бархатницы – 3 видами, толстоголовки – 3 видами и парусники – 1 видом. Самыми массовыми, по численности, видами на стационаре были представители белянок (крушинница, репница, брюквенница, желтушка луговая) и нимфалид (крапивница).

В целом на территории Ивановской области выявлено 106 видов дневных бабочек, включая единичные находки [6]. Таким образом, выявленные на стационаре 35 видов составляют 33,02 % от количества видов Ивановской области.

Три вида (махаон – семейство парусники, переливница ивовая – семейство нимфалиды и березовый зефир – семейство голубянки) включены в Красную Книгу Ивановской области с категорией 3 (редкие виды – виды, которые имеют малую численность и (или) распространены на ограниченной территории (акватории) или спорадически распространены на значительных территориях (акваториях) Ивановской области) [2]. На территории стационара (центральной части с. Сеготь, ее южная граница и примыкающие поля, отмечено кормление махаона на клевере), единичные особи махаона отмечались ежегодно на протяжении 5 лет исследования. В 2022 году на южной границе с. Сеготь были отмечены 2 экземпляра переливницы ивовой. В 2021 и 2023 гг. были отмечены единичные экземпляры березового зефира на южной границе с. Сеготь.

При распределении анализируемой фауны на 4 широтных ареалографических комплекса (арктический, температурный, суббореальный, полизональный)

нальный) было выявлено, что ядро фаунистического комплекса стационара составляют бабочки полизонального фаунистического комплекса (16 видов). Вероятно, это связано с сильной антропогенной трансформацией исследуемой территории, что приводит к преобладанию на ней широко распространенных видов. Температный комплекс представлен 15 видами. Суббореальный комплекс представлен 4 видами. Представителей арктического комплекса на территории стационара не обнаружено.

Таким образом, несмотря на значительную антропогенную трансформацию территории, она служит местом обитания, по меньшей мере, 35 видов дневных чешуекрылых.

Библиографический список

1. Адаховский Д. А. Особенности широтной географической структуры региональных фаун дневных чешуекрылых (LEPIDOPTERA: HESPERIOIDEA, PAPILIONOIDEA) Русской равнины на градиенте зональных условий лес-степь // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, вып. 3. С. 66–82.
2. Красная книга Ивановской области. Т. 1: Животные / под ред. В. Н. Мельникова. Иваново: Научный консультант, 2017. 240 с.
3. Мурзин В. С., Братцев А. Б. Бабочки. М.: Тропа, 1993. 48 с.
4. Райхгольц-Рим Х. М. Бабочки. М.: АСТ: Астрель, 2002. 228 с.
5. Тихомиров А. М. К фауне булавоусых чешуекрылых Ивановской области // Вопросы инвентаризации фауны: межвузовский сборник научных трудов / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1992. С. 124–126.
6. Тихомиров А. М. Обзор современного состояния фауны булавоусых чешуекрылых Ивановской области // Экологические проблемы Ивановской области: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Иваново: ИГТА, 2005. С. 19.
7. Тихомиров А. М. Эколого-фаунистическая характеристика дневных чешуекрылых Ивановской области // Эколого-физиологические и эколого-фаунистические аспекты адаптаций животных: межвузовский сборник научных трудов / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1986. С. 134–149.
8. Худяков А. Н., Тихомиров А. М. Эколого-фаунистическая характеристика дневных чешуекрылых территории Плесского музея-заповедника // Живая природа Плесского заповедника: межвузовский сборник научных трудов / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1996. С. 5–21.

Информация об авторах / Information about the authors

Баринов Сергей Николаевич – кандидат биологических наук, консультант, ИРО ОГО ВФСО «Динамо», г. Иваново, Россия, barinowsergei@mail.ru

Barinov Sergei Nikolaevich – Cand. Sc. (Biology), consultant, Ivanovo regional branch of the Public-State Association «Dynamo», Ivanovo, Russia, barinowsergei@mail.ru

Баринова Марина Олеговна – кандидат биологических наук, доцент кафедры биологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nauka@list.ru

Barinova Marina Olegovna – Cand. Sc. (Biology), Department of Biology, Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, nauka@list.ru

УДК 581.9 (470.315)

*Е. А. Борисова, А. А. Курганов***ФЛОРА, РАСТИТЕЛЬНОСТЬ И РЕДКИЕ ВИДЫ
БОЛОТА ЛЕНТЬЕВСКОЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация. Приводятся результаты исследований флоры и растительности болота Lentievskoye – памятника природы регионального значения. Всего во флоре болота было отмечено 80 видов сосудистых растений, относящихся к 5 отделам, 6 классам, 29 семействам, 60 родам, а также 11 видов мхов, в том числе 6 видов зеленых мхов, 4 вида сфагновых мхов и 1 вид печеночных мхов. Описаны растительные сообщества болота, приведены сведения о 7 редких видах растений, 2 из которых включены в Красную книгу Ивановской области.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории (ООПТ), флора, растительность, болото, редкие виды растений, мхи, Ивановская область.

*Е. А. Borisova, A. A. Kurganov***FLORA, VEGETATION AND RARE SPECIES
OF THE LENTIEVSKOYE BOG IN THE IVANOVO REGION**

Abstract. The results of the research of flora and vegetation of the Lentievskoye bog (a natural monument of regional importance) are given. There are 80 species of vascular plants in total, belonging to 5 divisions, 6 classes, 29 families, 60 genera and 11 species of mosses, including 6 species of green mosses, 4 species of sphagnum mosses and 1 species of liverwort mosses were observed in the flora of the bog. Plant communities of the bog are described. Information about 7 rare plant species, 2 species among them included in the Red Book of the Ivanovo region, is given.

Keywords: specially protected natural areas (SPNA), flora, vegetation, bog, rare plant species, mosses, Ivanovo region.

Заволжский район – самый северный в Ивановской области, более половины его площади занимают леса, здесь сохранились болотные массивы [1]. Болото Lentievskoye – одно из крупных и слаборазрушенных болот Заволжского района. Его площадь составляет 98 га. Оно находится на территории Дмитриевского сельского поселения, в 4,5 км южнее с. Колшево, в 1,5 км севернее д. Lentievo и тянется до границы с Костромской областью. Данное болото признано памятником природы регионального значения в 1978 г. (Решение Ивановского облисполкома от 11.12.1978 № 25/11).

Территория болотного массива овальной формы, ровная, с небольшим уклоном в сторону р. Локши, которая является основным водоприемником болота. Из северо-западной части болота вытекает ручей Черный, который является истоком р. Локша. Рельеф с небольшими понижениями, осоково-пушицевыми кочками (высотой до 50 см) и осоково-моховыми кочками (высотой 20–40 см).

© Борисова Е. А., Курганов А. А., 2024

На ООПТ распространены болотно-торфяные и переходные к ним торфяно-подзолисто-глеевые почвы. Мощность торфа болотного массива в целом небольшая, максимальная мощность торфа составляет 5,5 м, средняя – 2,54 м, торф слабокальцинированный, рН составляет 3,9–4,4, зольность – 5,8 % [6].

Несмотря на то, что болото является ООПТ с 1978 г., ранее специальные флористические исследования на его территории не проводились. Имеются некоторые сведения М. П. Шилова о растениях Лентьевского болота, в том числе редкого вида – морошки [7]. В 2023 г. в рамках Государственного контракта с Департаментом природных ресурсов и экологии Ивановской области (№ 35/23 от 03.07.2023 г.) авторами проводились исследования флоры и растительности данного болота, делались описания растительных сообществ, составлялись флористические списки. Особое внимание уделялось популяциям редких видов растений, описывалось общее состояние растений, особенности размножения, фенологические фазы. Для новых местонахождений редких видов растений были определены координаты на местности с помощью GPS-навигатора (Garmin eTrex 10 GPS, GLONASS).

Растительность. Растительность ООПТ представлена сообществами болот верхового и переходного типов. Ниже приводим краткие описания растительных сообществ ООПТ.

Сосняки-черничники. Древостой формируют сосна обыкновенная, общая сомкнутость крон составляет 0,6. Возраст сосны по визуальной оценке – 50 (70) лет. Подлесок редкий, представлен одиночными деревцами березы пушистой, рябины обыкновенной, кустами ивы пепельной. В травяно-кустарничковом покрове преобладает черника, реже встречаются брусника, голубика, багульник болотный, мирт болотный, пушица влагалищная и др. Наземный моховой покров сформирован сфагновыми мхами, зелёные мхи встречаются группами на кочках и в основании стволов деревьев.

Сосняк сфагново-черничный. Древостой формирует сосна обыкновенная, сомкнутость крон составляет 0,6–0,7, возраст сосны достигает 40–50 лет, подрост редкий, представлен сосной, берёзой и осинкой. Подлесок не выражен, в нем встречаются одиночные деревца рябины обыкновенной, среди кустарников отмечены крушина ломкая, калина обыкновенная, ива пепельная и др. В травяно-кустарничковом покрове преобладают черника (проективное покрытие составляет 50–60 %, до 75 %), отмечены брусника, мирт болотный, пушица влагалищная, редко голубика, подбел болотный и др. Моховой покров представлен сфагновыми мхами (*Sphagnum capillifolium*, *Sphagnum fallax*, *Sphagnum magellanicum*), реже, обычно на кочках и в приствольных кругах встречаются зеленые мхи.

Сосняк сфагново-багульниковый. Встречается в центральной части болота. Древостой из средневозрастных высоких сосен, сомкнутость крон составляет 0,6–0,7. Подрост и подлесок отсутствуют. В травяно-кустарничковом покрове преобладает багульник болотный, реже встречаются группы черники, брусники, голубики, мирта болотного, пушицы влагалищной и др. Моховой покров представлен сфагновыми мхами.

Сосняк сфагново-миртовый. Встречается в северной части болота, чередуясь с сосняком сфагново-багульниковым. Древостой из средневозрастных высоких сосен, сомкнутость крон составляет 0,6–0,7. Подрост и подлесок отсутствуют. В травяно-кустарничковом покрове преобладает багульник болотный, реже встречаются группы черники,

брусники, голубики, мирта болотного, пушицы влагилищной и осоки волосистоплодной. Моховой покров представлен сфагновыми мхами (*Sphagnum capillifolium*, *Sphagnum fallax*, *Sphagnum magellanicum*), реже встречаются зеленые мхи.

Сосняк сфагново-пушицевый. Древостой образуют средневозрастные деревья сосны обыкновенной, сильно разрежен, сомкнутость крон составляет 0,4. Подлесок не выражен, встречаются редкие кустарники *Frangula alnus*. Отмечены высохшие деревья сосны. В составе травяно-кустарничкового покрова доминируют сфагновые мхи и пушица влагилищная, формирующая кочки. Редко встречаются группы клюквы болотной, голубики, осоки пушистоплодной. Зеленые мхи отсутствуют.

Березняк травянистый. Древостой разрежен, березы разновозрастные, много молодых. Сомкнутость крон составляет 0,4–0,6. В подлеске встречаются *Frangula alnus*, *Viburnum opulus*, *Padus avium*, *Salix cinerea*. В травяно-кустарничковом ярусе доминируют *Calamagrostis canescens*, *Carex lasiocarpa*, реже встречаются *Thysselinum palustre*, *Deschampsia cespitosa*, *Filipendula ulmaria*, *Geum rivale*, *Equisetum arvense*, *Potentilla erecta*, *Galium palustre*, *Coronaria flos-cuculi* и др. Обычно распространены группы сфагновых и зеленых мхов.

Березняк сфагново-пушицевый. Древостой образуют средневозрастные деревья березы пушистой, встречаются деревья сосны обыкновенной, одиночно ель европейская в угнетенном состоянии. Сомкнутость крон составляет 0,6. Подлесок не выражен, встречаются редкие кустарники *Frangula alnus*, *Salix cinerea*. В составе травяно-кустарничкового яруса доминируют сфагновые мхи и пушица влагилищная. Редко встречаются группы зеленых мхов и кустарнички (клюква болотная, голубика).

Кустарниковые участки. Представлены на болоте зарослями ив (*Salix aurita*, *S. cinerea*, *S. myrsinifolia* и др.), *Frangula alnus*, *Ribes nigrum*. Среди травянистых растений распространены группы *Naumburgia thyrsiflora*, *Equisetum arvense*, *Thysselinum palustre* и различные виды сфагновых и зеленых мхов.

Флора. В результате проведенных исследований установлено, что флора ООПТ не богата. Всего было обнаружено 80 видов сосудистых растений, относящихся к 5 отделам, 6 классам, 29 семействам и 60 родам. Относительно небольшое число видов связано с тем, что значительная часть площади болотного массива представлена олиготрофным верховым участком сосняка сфагнового, отличающегося невысоким уровнем биологического разнообразия.

Большинство видов принадлежит отделу Цветковые или Покрытосеменные растения (Angiospermae), в котором насчитывается 74 вида. К отделу Голосеменные (Gymnospermae) относятся только 2 вида. Среди споровых растений отдел Папоротниковидные (Polypodiophyta) представлен 2 видами, отдел Плауновидные (Lycopodiophyta) и отдел Хвощевидные (Equisetophyta) – 1 видом каждый.

К числу крупных семейств флоры ООПТ относятся семейства Розоцветные (Rosaceae) и Осоковые (Cyperaceae), которые представлены 9 видами, а также семейства Злаки (Gramineae) и Вересковые (Ericaceae) – по 7 видов в каждом. Ведущая роль видов этих семейств объясняется спецификой болотных местообитаний.

Наибольшее число видов содержится в роде осока (*Carex*) – 7 видов, что характерно для флоры болот. В роде рубус (*Rubus*) содержится 4 вида, в родах ива (*Salix*), фиалка (*Viola*), вакциниум (*Vaccinium*) – по 3 вида.

Несмотря на незначительные нарушения в виде формирования тропической сети, а также на постпирогенную трансформацию, территория данной ООПТ отличается устойчивостью к проникновению заносных видов. В результате проведенных исследований не было обнаружено ни одного адвентивного вида.

По видовому составу и структуре флоры болото Лентьевское сходно с некоторыми обследованными болотами Тейковского района, например, с болотом Мокрое [2], болотом Конейха [3], которые также не богаты по разнообразию видов.

Мхи. Всего на ООПТ было достоверно обнаружено и определено 10 видов листостебельных мхов и 1 вид печеночных мхов.

Из зеленых мхов распространены 6 видов: *Dicranum polisetum*, *Brachythecium salebrosum*, *Dicranum montanum*, *Orthotrichum speciosum*, *Pleurozium schreberi*, *Polytrichum commune*.

Из сфагновых мхов на болоте встречается 4 вида: *Sphagnum capillifolium*, *Sphagnum fallax*, *Sphagnum magellanicum*, *Sphagnum squarrosum*. *Sphagnum capillifolium*, *Sphagnum fallax* формируют основу мохового покрова болота. Группы *Sphagnum magellanicum* занимают небольшие площади, в основном в понижениях на открытых верховых участках. *Sphagnum squarrosum* обычно встречается группами в переходных облесенных участках болота.

Из печеночных мхов на болоте был отмечен 1 вид – *Ptilidium pulcherrimum*, группы которого приурочены к валежным стволам деревьев и пням.

Особенностью болота является произрастание редких видов растений, здесь были обнаружены популяции княженики и морошки, включённых в Красную книгу Ивановской области (2010, 2020) [4, 5], а также 5 редких в Ивановской области видов, нуждающихся в мониторинге состояния популяций. Ниже приводим краткую характеристику местонахождений данных видов. Виды, включенные в Красную книгу Ивановской области, обозначены знаком *.

Плаун годичный – *Lycopodium annotinum* L., группа хорошо развитых особей со спороносными колосками отмечена в сыром елово-берёзовом участке переходной зоны болота.

Пальчатокоренник Фукса – *Dactylorhiza fuchsii* (Druce) Soo, единично встречается в сырых лесах переходной зоны на богатой почве.

Любка двулистная – *Platanthera bifolia* (L.) Rich., единично встречается в сырых хвойно-мелколиственных лесах переходной зоны на богатой почве.

Купальница европейская – *Trollius europaeus* L., несколько экземпляров обнаружено на высокотравной сырой опушке елово-березового участка переходной зоны болота.

Подмаренник трёхцветковый – *Galium triflorum* Michx., небольшая группа найдена в сыром ельнике в переходной зоне болота.

***Княженика, или малина арктическая** – *Rubus arcticus* L., семейство Розоцветные – Rosaceae, категория статуса 2. В северо-западной части болота в заболоченном березняке с осинной сфагново-зеленомоховом обнаружена

небольшая группа вегетирующих растений около сгнившего пня на площади около 1 м², вместе с хвощом лесным, костяником, полевицей побегоносной.

***Морошка** – *Rubus chamaemorus* L., семейство Розоцветные – Rosaceae, категория статуса 3. Встречается в северо-западной части болотного массива, на площади 150 м x 30 м, среди сфагновых мхов, клюквы болотной и болотного мирта, обычно рыхлыми и плотными группами. Растения в хорошем состоянии, плодоносящие экземпляры встречаются редко, у некоторых листья поражены грибковыми заболеваниями. Популяция стабильная, известна на данном болоте уже около 40 лет [7].

Болото Lentьевское не разрабатывалось и не осушалось, в целом относится к слабо нарушенным. В 1970-х гг. оно было пройдено пожарами, в результате древостой и участки торфа местами полностью выгорели, поэтому местные жители часто называют его «Горелое». Более обводненной осталась северо-западная часть болота, прилегающая к ручью Черному. Болото посещается местными жителями близлежащих деревень для сбора ягод черники (заросли черники на болоте очень крупные, черника обильно плодоносит), брусники и голубики, поэтому здесь проложены многочисленные тропы.

На болоте Lentьевское сохранились местообитания типичных болотных видов сосудистых растений и мхов, в том числе редких для флоры Ивановской области. Найдены популяции 2 видов растений, занесенных в региональную Красную книгу (2010, 2020) [4, 5]. ООПТ «Болото Lentьевское» выполняет важную природоохранную, биосферную, ресурсоохранную функции, регулируют гидрологический режим территории. ООПТ перспективна для развития экологического туризма, учебно-просветительской работы.

Благодарности. Авторы выражают большую благодарность Д. С. Маркову, А. Н. Сивухину и работнику Кистегского участкового лесничества В. П. Князеву за совместные полевые работы, А. И. Сорокину – за определение видов мхов.

Библиографический список

1. Борисова Е. А. Итоги изучения флоры и растительности Ивановской области // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Естественные, общественные науки. 2014. № 2. С. 5–10.
2. Борисова Е. А., Курганов А. А. Флора и растительность болота Мокрое Ивановской области // Материалы конф. «IX Галкинские Чтения» (г. Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2018 г.) / под ред. д-ра биол. наук Т. К. Юрковской. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 23–26.
3. Борисова Е. А., Курганов А. А. Флора и растительность болота Конейха Ивановской области // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Естественные, общественные науки. 2020. Вып. 2. С. 50–54.
4. Красная книга Ивановской области. Т. 2: Растения и грибы / под ред. В. А. Исаева. Иваново: ПресСто, 2010. 192 с.
5. Красная книга Ивановской области. Т. 2: Растения и грибы. Изд. 2-е / под ред. Е. А. Борисовой (подразделы «Сосудистые растения», «Мохообразные» раздела «Растения»), Л. Ю. Минеевой (подраздел «Пресноводные водоросли» раздела «Растения», раздел «Грибы»). Тамбов: ООО «ТПС», 2020. 256 с.
6. Торфяные месторождения Ивановской области. М., 1972. 344 с.
7. Шилов М. П. Местная флора: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1989. 96 с.

Информация об авторах / Information about the authors

Борисова Елена Анатольевна – доктор биологических наук, зав. каф. биологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, floraea@mail.ru

Borisova Elena Anatolyevna – Doctor of Biological Sciences, Head of the Department of Biology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, floraea@mail.ru

Курганов Антон Александрович – кандидат биологических наук, доцент каф. биологии Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, 07011991_anton@mail.ru

Kurganov Anton Alexandrovich – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Biology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, 07011991_anton@mail.ru

МНОЖЕСТВО ПОДОБИЙ СИРАКУЗСКИМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЯМ

Аннотация. Получено выражение для формирования числовых последовательностей, в котором сиракузские последовательности в соответствии с гипотезой Коллатца являются частным случаем. Выражение содержит произвольное значение целочисленного делителя. Проверялась возможность формирования числовых последовательностей, подобных сиракузским, для делителей от трех до тридцати, при этом начальные значения варьировались от единицы до ста миллионов. Для определенных значений делителей формировались последовательности, заканчивающиеся циклическим возвращением к значению единицы, как это наблюдается в сиракузских последовательностях. Делается вывод о возможности получения числовых последовательностей, подобных сиракузским.

Ключевые слова: сиракузские последовательности, гипотеза Коллатца, значение делителя, преобразование к делимости, множество подобий.

V. E. Goncharenko

MANY SIMILARITIES TO THE SYRACUSE SEQUENCES

Abstract. An expression for the formation of numerical sequences is obtained, in which the Syracuse sequences, in accordance with the Collatz hypothesis, are a special case. The expression contains an arbitrary integer divisor value. The possibility of forming numerical sequences similar to the Syracuse ones for divisors from three to thirty was tested, while the initial values ranged from one to one hundred million. For certain values of the divisors, sequences were formed ending in a cyclic return to the value of one, as is observed in the Syracuse sequences. It is concluded that it is possible to obtain numerical sequences similar to those of Syracuse.

Key words: Syracuse sequences, Collatz conjecture, divisor value, conversion to divisibility, set of similarities.

1. Введение

Ряд натуральных чисел, заканчивающийся единицей, в соответствии с гипотезой Коллатца называют сиракузской последовательностью или числом-градиной [2]. В работе [4] представлено выражение (1), в соответствии с которым для любого начального значения n вычисляются элементы последовательности

$$T(n) = \begin{cases} 3n + 1, & \text{если } n \equiv 1 \pmod{2}, \\ n/2, & \text{если } n \equiv 0 \pmod{2}. \end{cases} \quad (1)$$

Если n четное, оно делится на 2, а в противном случае преобразуется в четное $3n + 1$.

Гипотезу Коллатца математики называют самой простой нерешенной задачей. В работе [1] автор относит ее к задачам на будущее.

В работе [3] используется вероятностный способ рассмотрения сиракузской последовательности в противовес специальной теории функций, представленных в других работах. Делается вывод о том, что в сиракузской последовательности вероятность уменьшения произвольного числа n больше его увеличения, и единственным частичным пределом является цикл чисел 4, 2, 1.

2. Постановка задачи

Представляет интерес получение числовых последовательностей, подобных сиракузским. В обращенной сиракузской последовательности [4] используется делитель, равный трем, и два различных выражения приведения произвольного числа n к делимости на три. Если предположить использование произвольного значения делителя d , то по рассмотренной аналогии необходимо будет использовать $d - 1$ вариантов преобразований к делимости без остатка, что делает невозможным представление необходимых преобразований в общем виде. Логично предположить, что и в случае рассмотрения произвольного значения целочисленного делителя необходимо предусмотреть всего два варианта: когда остаток равен нулю и когда он отличен от нуля. Это возможно только в том случае, если представить в общем виде преобразование текущего значения натурального числа к его делимости для всех значений целочисленных остатков, отличных от нуля. Выражение в общем виде должно охватывать и частный случай, когда делитель равен двум, то есть и вариант гипотезы Коллатца.

3. Формирование числовых последовательностей с произвольным значением делителя

В общем виде выражение для приведения текущего значения n к делимости на d будет иметь вид

$$(d + 1)n + (d - \text{mod}(n; d)),$$

где нотация $\text{mod}(n; d)$ означает взятие целочисленного остатка от деления n на d .

Выражение для генерации числовой последовательности натуральных чисел n и произвольного значения натурального делителя d можно представить в следующем виде:

$$T(n, d) = \begin{cases} (d + 1)n + (d - \text{mod}(n; d)), & \text{если } n \not\equiv 0 \pmod{d}, \\ n/d, & \text{если } n \equiv 0 \pmod{d}. \end{cases} \quad (2)$$

Представленное выражение также генерирует сиракузские последовательности при использовании значения делителя, равного двум.

Основное правило генерации очередного элемента последовательности заключается в преобразовании текущего значения к делимости на d , представленном в верхней строке выражения. Если в части выражения $(d + 1)n$ раскрыть скобки, то получим $dn + n$. При любом значении n величина dn кратна делителю, и в дальнейшем необходимо только значение n преобразовать до значения $n + (d - \text{mod}(n; d))$, что также становится кратным значению d . В конечном итоге сумма двух величин, кратных d , так-

же будет кратна d . Эта же схема преобразования реализуется и в гипотезе Коллатца: множитель, равный трем, в общем виде можно представить как $d + 1$, и после раскрытия скобок для $d = 2$ получим $2n + n$.

Следует отметить, что в выражении (2) при приведении к делимости величины n содержащийся в ней любой остаток от целочисленного деления дополняется до значения делителя d .

В соответствии с (2) были выполнены расчеты для значений делителей от трех до тридцати для начальных значений натуральных чисел от единицы до 100 млн. Для значений делителей 5, 7, 8, 13, 18, 19, 21, 22, 26, 28 и 30 генерировались числовые последовательности, заканчивающиеся значением единицы с последующим бесконечным циклом возврата к значению единицы, как это наблюдается в сиракузских последовательностях. Для значений делителей, не вошедших в представленный перечень, при генерации числовых последовательностей возникало заикливание до получения значения единицы для некоторых начальных значений натуральных чисел.

Сиракузские последовательности завершаются циклом 1, 4, 2, 1. Для числовых последовательностей с делителем, равным пяти, они заканчиваются циклом 1, 10, 2, 15, 3, 20, 4, 25, 5, 1, а числовая последовательность в качестве примера с начальным значением, равным семи, следующая:

$$7, 45, 9, 55, 11, 70, 14, 85, 17, 105, 21, 130, 26, 160, 32, 195, 39, \\ 235, 47, 285, 57, 345, 69, 415, 83, 500, 100, 20, 4, 25, 5, 1.$$

Этой последовательности потребовался 31 шаг до получения единицы, и при этом достигалось наибольшее значение элемента, равное 500.

Алгоритм выражения (2) такой, что для значений n , меньших значения делителя, формируется элемент, равный $(n + 1)d$, и на следующем шаге получаем значение элемента $n + 1$. В конечном итоге $n + 1$ будет равно делителю и последовательность циклически возвращается к значению 1.

4. Гипотезы

Выражение (2) для конкретного значения делителя, равного пяти, можно представить в следующем виде:

$$T(n) = \begin{cases} 6n + (5 - \text{mod}(n; 5)), & \text{если } n \not\equiv 0 \pmod{5}, \\ n/5, & \text{если } n \equiv 0 \pmod{5}. \end{cases}$$

Поскольку сиракузские последовательности в выражении (2) представлены частным случаем, можно предположить, что и для значений делителя больше двух будут формироваться числовые последовательности, в которых вероятность уменьшения текущего элемента больше вероятности его увеличения. Математическое утверждение без его доказательства по сути является гипотезой. В случае использования делителя, равного пяти, гипотезу (*гипотеза 5*) можно сформулировать следующим образом: для любого начального значения натурального числа n формируется ряд натуральных чисел, заканчивающийся циклическим возвращением к 1. Текущее значение n делится на пять, если оно кратно пяти, либо приводится к делимости по выражению $6n + 5 - \text{mod}(n; 5)$, где нотация $\text{mod}(n; 5)$ означает взятие целочисленного остатка при делении n на 5.

Относительно выражения (2) можно сформулировать следующую гипотезу (*гипотеза d*): для натуральных чисел n и d в соответствии с выражением (2) можно получить множество числовых последовательностей, подобных сиракузским.

5. Заключение

Получено выражение для формирования числовых последовательностей, в котором сиракузские последовательности в соответствии с гипотезой Коллатца являются частным случаем. Для ряда делителей больше двойки в проверенных диапазонах начальных значений формируются числовые последовательности, подобные сиракузским.

Библиографический список

1. *Стюарт И.* Величайшие математические задачи. М.: Альпина нон фикшн, 2015. 460 с.
2. *Хэйес Б.* Взлеты и падения чисел-градин // В мире науки. 1984. № 3. С. 102–107.
3. *Чечулин В. Л.* О вероятностном подходе к доказательству сходимости к циклу сиракузской последовательности // Вестник Пермского университета. Сер.: Математика. Механика. Информатика. 2018. Вып. 4 (43). С. 11–15.
4. *Lagarias J. C.* The $3x + 1$ problem and its generalizations // Amer. Math. Monthly. 1985. Vol. 92. P. 3–23.

Информация об авторе / Information about the author

Гончаренко Валерий Евстафиевич – кандидат технических наук, доцент Ивановского филиала ФГБОУ ВО РЭУ им. Г. В. Плеханова, г. Иваново, Россия, V_E_G_A@mail.ru

Goncharenko Valery Evstafievich – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Ivanovo Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Ivanovo, Russia, V_E_G_A@mail.ru

ЮБИЛЕЙ

ЮБИЛЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТА МАРИНЫ ГЕННАДЬЕВНЫ СМИРНОВОЙ

Минувшим летом исполнилось 50 лет М. Г. Смирновой, профессору кафедры частного права, сравнительного правоведения и правотворчества юридического факультета ИвГУ.

Малая родина. Марина Смирнова родилась в городе Единцы (ныне – Единец) Молдавской ССР в семье геологов. Поступила на юридический факультет Дальневосточного государственного университета и закончила его в 1996 г. по специальности «Юриспруденция».

Наука. Вслед за своим учителем, известным теоретиком права, доктором юридических наук, профессором Валентином Андреевичем Сапуном (1942–2022) Марина Геннадьевна переехала из Владивостока в Санкт-Петербург. С 1996 по 2004 годы В. А. Сапун заведовал кафедрой теории

© Кузьмина О. В., Поцелуев Е. Л., 2024

и истории государства и права Санкт-Петербургского университета профсоюзов. На этой кафедре М. Г. Смирнова подготовила кандидатскую диссертацию на важную, сложную, сравнительно малоизученную и практико-ориентированную тему «Социальные притязания и субъективное право» по специальности 12.00.01-Теория и история права и государства, история правовых учений, которую защитила в 2002 году в Северо-Западной академии государственной службы. Неслучайно некоторые научные статьи опубликованы ею в соавторстве с В. А. Сапуном [48, с. 7–16; 49, с. 208–219] или единолично [18, с. 34–54] по теме его гранта «Нетипичные источники права»: проект Российского государственного научного фонда (РГНФ) № 05-03-534. С 2003 г. он – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. С 2004 г. В. А. Сапун плодотворно трудился в Ленинградском государственном университете (ЛГУ) имени А. С. Пушкина: заведовал кафедрой теории и истории государства и права, а также научно-исследовательской лабораторией. В это время (2007 г.) [50] Марина Геннадьевна была научным сотрудником научно-исследовательской лаборатории юридического факультета (2007), затем старшим научным сотрудником данной лаборатории (2009) в ЛГУ имени А. С. Пушкина.

Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 27 февраля 2007 г. Марине Геннадьевне Смирновой было присвоено ученое звание доцента государственно-правовых дисциплин.

В марте 2012 года в Санкт-Петербургском государственном университете Марина Геннадьевна Смирнова успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Социальные притязания в праве» по той же специальности [34]. Научным консультантом был Валентин Андреевич Сапун, официальные оппоненты: доктора юридических наук, профессора Валерий Васильевич Лазарев, Владимир Михайлович Сырых (оба – заслуженные деятели науки Российской Федерации) и Илья Львович Честнов (заслуженный юрист Российской Федерации). Ведущая организация – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» [50]. На момент защиты диссертации М. Г. Смирнова была автором 47 основных научных работ по теме своего исследования, в том числе трех монографий [8, 35, 36], 15 ваковских статей в таких журналах, как «История государства и права» [6, с. 6–9], «Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения» [44, с. 121–125], «Российский юридический журнал» [48, с. 7–16], «Юридическая техника» [13, с. 343–347; 39, с. 322–326; 41, с. 479–483], «Теория и практика общественного развития» [14, с. 365–369; 21, с. 187–189; 23, с. 200–202] и др. [28, с. 37–42], а в настоящее время около 60 научных публикаций. Диссертация была посвящена очень актуальной теме, поскольку «социальные притязания – это требования, возникающие в обществе, отражающие интересы, на которые правовая система должна реагировать признанием, ограничением, примирением и защитой» [28, с. 3]. Решением диссертационного совета при Санкт-Петербургском государственном университете экономики и финансов от 29 марта 2012 г. Марине Геннадьевне Смирновой была присуждена ученая степень доктора юридических наук.

Более четверти века Марина Геннадьевна плодотворно занимается научной работой: участвует во всероссийских (национальных) и междуна-

родных научных конференциях в Воронеже, Иваново, Краснодаре, Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Царском Селе (г. Пушкин) и других городах нашей страны; публикует научные статьи и монографии в России, ближнем (Киев, Хмельницкий – 2008 и 2009 гг.) и дальнем зарубежье (Саарбрюкен, Германия). Более десятка ее глубоких, содержательных, интересных, нередко больших по объему научных статей опубликовано в 2007–2018 годах в научно-теоретическом и информационно-практическом межрегиональном «Ленинградском юридическом журнале» (выпускается с 2004 г.), который первоначально был РИНЦовским, а в 2008 г. стал ВАКовским, то есть Высшая аттестационная комиссия (ВАК) Министерства образования и науки РФ включила его в «Перечень ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» [5, с. 64–69; 7, с. 13–34; 10, с. 58–72; 12, с. 37–46; 18, с. 34–54; 20, с. 75–84; 24, с. 20–26; 29, с. 78–90; 30, с. 37–47; 31, с. 67–81; 32, с. 67–78; 37, с. 9–22; 40, с. 20–29; 43, с. 51–60; 46, с. 16–27]. Для многих публикаций М. Г. Смирновой характерно использование современной научной литературы (в ряде случаев на немецком языке), а также различного нормативного материала и судебной практики, в том числе неопубликованной. Основателем и главным редактором журнала был на протяжении многих лет В. А. Сапун, заместителем главного редактора доктор юридических наук, профессор Г. Г. Бернацкий и др., членом редколлегии М. Г. Смирнова (в 2007–2010 гг.). Несмотря на то, что это было молодое издание, в нем, например, только за небольшой период 2007–2009 годов, публиковались такие маститые ученые, как доктора юридических наук, профессора А. В. Аверин (Владимир), В. Г. Баев (Тамбов), В. М. Баранов (Нижний Новгород), Ю. Г. Галай (Нижний Новгород), А. А. Демичев (Н. Новгород), В. И. Леушин (Екатеринбург), А. В. Малько (Саратов), Л. С. Мамут (Москва), Т. В. Кашанина (Москва), В. Ф. Попондопуло (Санкт-Петербург), Н. А. Придворов (Тамбов) и др.

Начиная с 2008 г., М. Г. Смирнова периодически выступает на научных конференциях, организуемых юридическом факультетом ИвГУ. Затем эти доклады в форме научных статей публикуются в материалах данных конференций [17, с. 13–20; 27, с. 31–42; 47, с. 341–352].

М. Г. Смирнова регулярно, практически ежегодно, делает доклады на солидных конференциях во Владивостоке (1998), Российской академии правосудия (РАП) в 2007, 2009, 2010 годах, Российском государственном университете правосудия (РГУП, ранее – это РАП) в 2016, Нижегородской академии МВД России, а также в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов на Международных Лихачевских научных чтениях (2017) и др. Последнее научное мероприятие следует выделить особо по разным причинам. Во-первых, Лихачевские чтения проводятся для увековечивания памяти Д. С. Лихачева по Указу Президента РФ В. В. Путина с 2001 года. Во-вторых, они имеют очень представительный характер: среди участников академики и члены-корреспонденты РАН, известные ученые и государственные деятели из разных стран мира. На ряде этих конференций она выступает на пленарных заседаниях: РАП, 2016), Воронежский государственный университет, 2018 [53]. Нужно отметить, что Марина Геннадьевна всякий раз удачно, органично вписывается со своими темами в проблематику самых различных конференций. Ее статьи по итогам конференций в Воронеже [9, с. 241–246; 33, с. 127–134], Москве [16, с. 220–227; 19, с. 162–177; 25, с. 137–

144; 38, с. 175–182; 49, с. 208–219], Санкт-Петербурге [11, с. 531–533; 15, с. 13–24; 22, с. 63–66; 26, с. 531–533] и других городах включены в материалы и сборники данных конференций.

Безусловно, заслуживают внимания монографии М. Г. Смирновой, изданные в Санкт-Петербурге [8, 35] и Саарбрюкене (ФРГ) [36], замеченные российской научной общественностью и получившие справедливую позитивную оценку известных отечественных ученых, теоретиков государства и права [1, 2, 3, 4]. Доктор философских наук, профессор Г. Ф. Гараева (Краснодар) в конце своей рецензии отмечает, что выводы М. Г. Смирновой «вносят неоспоримый вклад в развитие правовой теории и практики, служат импульсом для дальнейших исследований..., эффективному реформированию правовой системы». Далее рецензент отмечает, что монография «является заметным событием в юридической науке» и аргументирует свою позицию: актуальность и малоизученность темы, «авторское видение решения поставленного вопроса» «логичность и последовательность изложения материала и авторской позиции» [1, с. 176].

Доктор юридических наук, профессор А. В. Малько (Саратов) и на тот момент кандидат юридических наук, доцент В. В. Субочев (Пятигорск) пришли к выводу, что работа М. Г. Смирновой «вызывает значительный интерес», «порождает определенные вопросы к автору, что свидетельствует о злободневности и актуальности исследуемой проблематики, нестандартном поиске ответов на вызовы правовой жизни России, М. Г. Смирнова затронула фундаментальную проблему общей теории права, решение которой, как убедительно показывается, имеет существенную практическую востребованность», а выводы и рекомендации «могут стать основой для совершенствования законодательства и практики его применения». Поэтому уважаемые рецензенты рекомендуют изучить её не только студентам, аспирантам, преподавателям и ученым, но и практическим работникам [3, с. 140].

Вузовский преподаватель (информация получена нами из примечаний к публикациям М. Г. Смирновой, из рубрики «Сведения об авторах» в материалах конференций, сайтов вузов): Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (2008, 2018, 2024), доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета экономики и финансов (2010, 2012), профессор кафедры теории и истории государства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы (2016), профессор кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (2017), Российский государственный университет правосудия (Северо-Западный филиал, 2019; кафедра гражданского процессуального права, 2024 [54, 55], профессор кафедры трудового и экологического права юридического факультета ИвГУ (2019), профессор кафедры частного права, сравнительного правоведения и правотворчества юридического факультета ИвГУ (с 2023 по настоящее время).

Преподаваемые дисциплины:

– на юридическом факультете ИвГУ – «Философия права», «История и методология юридической науки», «Актуальные проблемы социального государства», «История политических и правовых учений». «Юридическая техника», «Миграционная политика РФ: правовой аспект», «Государственное управление в области охраны и защиты прав несовершеннолетних» [56];

– в Российском государственном университете правосудия (Северо-Западный филиал) – «Гражданский процесс», «Особенности рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов», «Цивилистическая герменевтика», «Судебный контроль за законностью нормативных правовых актов» [54].

Руководитель магистерской ОП «Социальное государство: проблемы теории и юридической практики» по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция. В трудный период, когда основатель данной образовательной программы перешел в другой вуз, Марина Геннадьевна любезно согласилась возглавить вышеуказанную образовательную программу и руководила ею с 2019 по 2023 годы. Руководила не только ОП, но научно-исследовательской работой студентов, практикой, их выпускными квалификационными работами (магистерскими диссертациями), преподавала дисциплины, принимала зачеты и экзамены, был членом государственной экзаменационной комиссии.

Адвокат. Марина Геннадьевна является адвокатом Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов, с 2000 г. руководит адвокатской консультацией «Ваш поверенный» в Санкт-Петербурге. На протяжении нескольких лет и в настоящее время оказывает юридическое сопровождение Санкт-Петербургского государственного академического театра имени Ленсовета. Успешно представляет интересы своих клиентов по гражданским делам, а в ряде случаев защищает подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам.

Заботливая мать и дочь. Любовь к правоведению и юридической профессии Марина Геннадьевна привила своей дочери, которая в 2024 году успешно закончила обучение по образовательной программе специалитета «Судебная и прокурорская деятельность» на юридическом факультете Северо-Западного филиала РГУП в Санкт-Петербурге. Она получила диплом с отличием и была признана лучшей выпускницей года, что дало ей право произвести выстрел из пушки Петропавловской крепости на торжественной церемонии, посвящённой окончанию вуза. Несмотря на большую профессиональную загруженность, Марина Геннадьевна много внимания уделяет своим родителям, проводит с ними немало времени и заботится о них.

Наш юбиляр – очень энергичная женщина, которой хватает времени на семью, преподавание, науку, адвокатскую деятельность и активный отдых, путешествия в нашей стране и за границей. Пожелаем ей дальнейших успехов в научно-педагогической деятельности, на ниве защиты прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц, ярких и увлекательных событий в её насыщенной жизни!

Научные публикации М. Г. Смирновой и рецензии на ее монографию

1. *Гараева Г. Ф.* Рецензия на монографию: Смирнова М. Г. Социальные притязания и субъективное право. СПб.: Издательский дом «Книжный мир», 2008. 136 с. // <file:///C:/Users/user/Downloads/retsenziya-na-knigu-smirnova-m-g-sotsialnye-prityazaniya-i-subektivnoe-pravo-spb-2008-136-s.pdf>. С. 172–176 (дата обращения: 13.08.2024).

2. *Липень С. В.* Рецензия на монографию: Смирнова М. Г. Социальные притязания и субъективное право. СПб.: Издательский дом «Книжный мир», 2008. 136 с. // Ученые записки юридического факультета / под ред. А. А. Ливеровского. СПб.: изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов. 2011. Вып. 22 (32). С. 76–78.

3. Малько А. В., Субочев В. В. Рецензия на книгу: Смирнова М. Г. Социальные притязания и субъективное право: монография. СПб.: Издательский дом «Книжный мир», 2008. 136 с. // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4. С. 136–140.

4. Реутов В. П. Рецензия на монографию: Смирнова М. Г. Социальные притязания и субъективное право. СПб., 2008. 136 с. // Актуальные проблемы развития государства и права в современных условиях: сб. науч. тр. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. С. 47–51.

5. Смирнова М. Г. Влияние культуры на социальные притязания в условиях глобализации // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1 (51). С. 64–69.

6. Смирнова М. Г. Воплощение социальных притязаний и субъективное право // История государства и права. 2009. № 3. С. 6–9.

7. Смирнова М. Г. Институционализация социального притязания в праве // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2 (8). С. 13–34.

8. Смирнова М. Г. Институционализация социальных притязаний в праве: монография. СПб.: Издательский дом «Книжный мир», 2011. 240 с.

9. Смирнова М. Г. Институционализация социальных притязаний в праве как гарантия правопорядка // Правопорядок и его институциональные основы: сб. трудов международной научной конференции, Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 года / редколл.: М. А. Беляев, В. А. Денисенко. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. С. 241–246.

10. Смирнова М. Г. Механизм выявления социальных притязаний как условие легитимности законодательства // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3 (53). С. 58–72.

11. Смирнова М. Г. Механизм выявления социально-экономических притязаний: национальный и универсальные аспекты в условиях глобализации // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 531–533.

12. Смирнова М. Г. Мониторинг правоприменения как средство выявления и снижения рисков // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4 (54). С. 37–46.

13. Смирнова М. Г. Мониторинг правоприменения как средство выявления и снижения рисков // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 343–347.

14. Смирнова М. Г. Непосредственный нормоконтроль судов: вопросы теории и практики // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 365–369.

15. Смирнова М. Г. Объективное и субъективное в социальном притязании // Ученые записки юридического факультета / под ред. А. А. Ливеровского. СПб.: изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов. 2011. Вып. 22 (32). С. 13–24.

16. Смирнова М. Г. Отрасли права и источники права: проблемы соотношения и взаимодействия // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сб. науч. ст. Материалы V ежегодной Международной научной конференции, 19–22 апр. 2010 г. / отв. ред. В. М. Сырых, С. А. Рубаник. М.: РАП, 2011. С. 220–227.

17. Смирнова М. Г. Правовой мониторинг в социальном государстве // Совершенствование государственного управления в Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции: к 26-й годовщине Конституции Российской Федерации. Иваново, 13–14 дек. 2019 г. / под общ. ред. Н. В. Исаевой. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 13–20.

18. Смирнова М. Г. Правовой обычай в системе источников российского права // Ленинградский юридический журнал. 2007 (7). С. 34–54.

19. Смирнова М. Г. Правовой прецедент как нетипичный источник российского права // Источники права: проблемы теории и практики: материалы конференции 22–25 мая 2007 г. / отв. ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2008. С. 162–177.

20. Смирнова М. Г. Правовые акты высших судебных органов как форма институционализации социальных притязаний // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3 (25). С. 75–84.

21. *Смирнова М. Г.* Правовые позиции Конституционного суда и правовоположения судебной практики как источника права в странах СНГ // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 187–189.

22. *Смирнова М. Г.* Правовые позиции Конституционного суда и правовоположения судебной практики как нетипичные источника права (сравнительно-правовой аспект) // Ученые записки юридического факультета / под ред. А. А. Ливеровского. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов. 2011. Вып. 20 (30). С. 63–66.

23. *Смирнова М. Г.* Правовые позиции Конституционного суда как форма институционализации социальных притязаний в праве // Теория и практика общественного развития. 2011. № 6. С. 200–202.

24. *Смирнова М. Г.* Принципы права как выражение социальных притязаний // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3 (49). С. 20–26.

25. *Смирнова М. Г.* Принципы права как выражение социальных притязаний // Принципы права: проблемы теории и практики: материалы XI Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1 (разделы I–IV). М.: РАП, 2017. С. 137–144.

26. *Смирнова М. Г.* Социальная обусловленность как необходимое условие его эффективности в ситуации глобальной экономической нестабильности // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости. XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. СПб.: СПбГУП. С. 531–533.

27. *Смирнова М. Г.* Социальная обусловленность субъективного права // Правовые отношения в контексте развития современного законодательства и правоприменения: материалы Международной научно-практической конференции. Иваново, 3–4 окт. 2008 г. / отв. ред. О. В. Кузьмина. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. С. 31–42.

28. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания в праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. 42 с. // <https://lawtheses.com/jreader/559125/a#?page=44> (дата обращения: 13.08.2024).

29. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания в правовом государстве // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 78–90.

30. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания и законные интересы: проблемы соотношения и взаимодействия // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4 (14). С. 37–47.

31. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания и легитимность права // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2 (52). С. 67–81.

32. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания и лоббизм // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 2 (16). С. 67–78.

33. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания и принцип формального равенства // Границы прав и свобод личности с точки зрения либертарно-правовой теории (к 80-летию академика РАН В. С. Нерсисянца): сб. трудов Международной научной конференции / ред. колл. В. В. Денисенко, М. А. Беляев. Воронеж, 2018. С. 127–134.

34. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания и субъективное право: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 183 с.

35. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания и субъективное право: монография. СПб.: Издательский дом «Книжный мир», 2008. 136 с.

36. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания и субъективное право: Проблемы теории и социологии права. Saarbrücken, Germany LAP LAMBERT Academie Publishing GmbH Co.KG, 2011. 173 с. (Издание Немецкой Национальной Библиотеки).

37. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания как основа права // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4 (50). С. 9–22.

38. *Смирнова М. Г.* Социальные притязания как средство правообразовательного процесса // Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сборник научных статей: материалы научно-практической конференции, состоявшейся 13–16 апр. 2009 г. в Российской академии правосудия / отв. ред. В. М. Сырых, М. А. Занина. М.: Российская академия правосудия, 2010. С. 175–182.

39. Смирнова М. Г. Социальные притязания как средство преодоления коллизий в праве // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 322–326.
40. Смирнова М. Г. Социальные притязания как средство устранения коллизий в праве // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 20–29.
41. Смирнова М. Г. Социальные притязания как технико-юридическое средство правообразования // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 479–483.
42. Смирнова М. Г. Социальные притязания: понятие и структура // Актуальные проблемы юридической науки: сб. Международной научной конференции «Седьмые осенние чтения» (м. Хмельницк, 28–29 ноября 2008 г.): в 4 т. 1 часть. Теория государства и права. Философия права. Международное право. Хмельницк: Хмельниц. ун-т управления и права, 2008. С. 110–115.
43. Смирнова М. Г. Социальные притязания: структура и содержание // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4 (14). С. 51–60.
44. Смирнова М. Г. Судебное правотворчество как вид государственной деятельности: современное состояние // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 3 (28). С. 121–125.
45. Смирнова М. Г. Судебная практика как нетипичный источник права России // Сборник материалов международного научного симпозиума «Дни сравнительного правоведения», состоявшегося 8–11 апр. 2009 г. в Киеве (Украина). Киев, 2009. С. 136–139.
46. Смирнова М. Г. Факторы, обуславливающие социальные притязания в праве // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 3 (17). С. 16–27.
47. Смирнова М. Г. Формы судебного нормоконтроля // Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность: (к 100-летию со дня смерти С. А. Муромцева): 2 окт. 2010 г.: в 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 341–352.
48. Смирнова М. Г., Сапун В. А., Петров К. В. Нетипичные источники права // Российский юридический журнал. 2009. № 1. С. 7–16.
49. Смирнова М. Г., Сапун В. А. Правоположения судебной практики в системе источников российского права // Судебное правоприменение: теория и практика / ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2007. С. 208–219.
50. URL: <https://famous-scientists.ru/anketa/sapun-valentin-andreevich-8636> (дата обращения: 13.08.2024).
51. URL: <https://lawtheses.com/sotsialnye-prityazaniya-v-prave> (дата обращения: 13.08.2024).
52. URL: http://www.science.vsu.ru/files/conf_832_0.pdf (дата обращения: 12.08.2024).
53. URL: http://www.science.vsu.ru/files/conf_832_0.pdf (дата обращения: 12.08.2024).
54. URL: <https://nwb.rgup.ru/?mod=pages&id=1034> (дата обращения: 12.08.2024).
55. URL: <https://nwb.rgup.ru/?mod=pages&id=1019> (дата обращения: 12.08.2024).
56. URL: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/employees/4793/ (дата обращения: 12.08.2024).

О. В. Кузьмина,

*кандидат юридических наук, доцент, первый проректор,
зав. кафедрой уголовного права и процесса ИвГУ*

Е. Л. Поцелуев,

*кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и истории государства и права,
конституционного права и прав человека ИвГУ*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с требованиями к оформлению рукописей. Материалы, не отвечающие предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Максимальный размер статьи – 1,0 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами), выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman (основной текст – кегль 11; таблицы, подписи к рисункам, сноски, библиографический список – кегль 10). Формат А4, поля: верхнее – 2,7 см, нижнее – 4,6 см, левое и правое – 4 см.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК**, на *русском и английском языках*: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей – **аннотация** (объемом 10–15 строк), **ключевые слова**; **текст статьи**.

Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в квадратных скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1–2003, 7.0.5–2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс – даты обращения.

Фотографии и рисунки, прилагаемые к статье, должны быть контрастными, четкими.

В конце представленных материалов следует указать сведения об авторе на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, звание, должность, место работы, город, страна, электронный адрес).

Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

Электронное сетевое издание

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Естественные, общественные науки»
2024. Вып. 2**

[12+]

Издается в авторской редакции

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата размещения на сайте 25.11.2024.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 10,9. Объем 3,6 МБ.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru